

Рудольф Штейнер

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ В ИЗМЕНИВШИХСЯ УСЛОВИЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ

12 лекций, прочитанных в Дорнахе и Берне с 29 ноября по 21 декабря 1918 года.

(Социальный курс)

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Дорнах, 29 ноября 1918 г.

В прошлый раз с помощью представленных вам рассматриваний, сделанных исходя из событий времени, я указал на необходимость создания социального устройства, обусловленного импульсами настоящего времени. То, что я тогда сказал, не является программой, которую мне хотелось бы развить, и это я подчеркиваю с особой силой. Но вы знаете, что я ни во что не ставлю программы, программы всегда абстракции. Сказанное мною вам имеет целью выразить не абстракцию, а действительность. Различным людям, которым я в течение последних лет говорил о современных социальных импульсах как о необходимости, я представлял дело следующим образом. Я говорил: то, что здесь имеется в виду, ни в коей мере не является абстрактной программой, оно хочет через исторические импульсы осуществиться в мире в ближайших двадцать-тридцать лет. Вы можете сделать выбор как можно ближе к тому времени, когда вы еще имели выбор, теперь же они его больше не имеют, вы можете либо выбрать из равных и разобратся в немобильных вещах, либо в Германии, как раз деленной на маленькие республиканские государства на месте России слово "Пустыня" (Примечание сделано по книге Arthur Polzer, Hoditz "Keizer Karl", Zürich, 1928, S. 19).

** [Курт Айзнер (1867—1919), социалистический писатель, 8 ноября 1918 г. — чтобы сделать заявление, вроде следующего: мне кажется, что должно произойти то, что Франц Меринг (1846—1919), социалистический писатель. Его книга о Лессинге "Легенда о Лессинге. К истории и критике прусского романтизма и классической литературы". Штутгарт, 1919 год.]

* [Луио Brentano (1844-1931). Густав Шмоллер (1838 — 1917). Вильгельм Рошер (1817-1894), политэкономисты.]

Должен признаться, что я в состоянии дать вам лишь наброски того, что как необходимость стремится к своему осуществлению. И сегодня я бы хотел рассказать философию свободы, см. историческая симптоматология, — поскольку нужно, так сказать, образовать завязку — хотя бы вкратце лекция 6, IPH. 185.]

Слово Ineinander, которым здесь пользуется Рудольф Штейнер, в немецком языке означает: интеллект, в интеллигентность, развитие, культурность и, наконец, интеллигентно как группу людей. Рудольф Штейнер называет этим словом также определенное душевное качество. Скажем, для примера, душа обладает чувствами, эмоциями, интеллигентией. Кроме того, в данной лекции он имеет в виду и другие значения этого слова, давая при этом иллюзорные объяснения. Но поскольку в тексте подлинника везде стоит слово ineinander, то переводчик переводил его как интеллигентия, однако не в смысле группы людей, а в смысле качества: интеллигентность, развитость, сознательность, организации, третьей сферы, свободного, духовного производства. Все три сферы станут и уже в ближайших десятилетиях они заявят о себе также и тем людям, которые не хотят понять их сегодня, все сфер, чувственного бытия (прям. перев.) — в немецкой классической философии этот термин часто используется совершенно по определенным направлениям. И можно будет избежать больших опасностей — навстречу смысле, означаемым разум, сустанцию мышления.]

которым в противном случае мир пойдёт и далее, – только если люди захотят вдуматься во всё это, понять эти вещи. Понять же их можно только в том случае, если постараться вникнуть в них. Но чтобы последующее не было понято ложно, мы подчеркнем ещё раз: мы не хотим создавать надуманных социальных вопросов или просто теоретически дискутировать о них. Из последних рассматриваний* стало ясно, что они должны браться как факты и что они, эти вопросы, лишь будучи взятыми в том виде, как они возникают из реальных, естественных событий, могут быть соответствующим образом поняты.

Вы также видели, что всё, о чём я здесь говорил в прошлое воскресенье как о необходимых импульсах будущего, способно правомерно, закономерно преодолеть те пережитки прошлого в нашей социальной структуре, которыми мы все источены. Прежде всего, вам должно было стать ясно, если вы глубже поразмыслили о практических плодах изложенного в прошлое воскресенье, что плоды те, плоды социальной структуры, о которой я говорил, способны преодолеть, и при этом надлежащим образом преодолеть то, что не надлежащим образом хотят преодолеть так называемые социалисты, живущие больше иллюзиями, чем действительностью.

Что действительно должно быть преодолено – если глубже задуматься над тем, что было сказано в последнее воскресенье, – так это сословное членение социальной структуры. Чего необходимо достичь в смысле эпохи души сознательной, в которой мы живём, так это *выступления человека на месте старого деления на сословия*. Поэтому было бы роковой ошибкой то, о чём я здесь говорил в прошлое воскресенье, спутать с тем, что, действуя различнейшим образом, из Прошлых времён "выпирает" из современного членения социальной структуры. Происходя из эллинизма, в нашей социальной структуре выступает членение человечества на сословие производителей, военное сословие и сословие учителей – членение, которое хочет быть преодолённым в силу законов мирового развития. Оно должно быть преодолено как раз благодаря тому, о чём я Вам говорил в последнее воскресенье; ибо именно деление на сословия, на классы, является причиной того, что в нашей современной социальной структуре воцаряется хаос. И такое членение преодолевается благодаря тому, о чём здесь было сказано в прошлое воскресенье.

Эти сословия исчезнут, исчезнут совершенно естественным путём. *За то стоит сама историческая необходимость, чтобы расчленены были отношения, а человек именно как человек, как живое существо, не как абстракция, но как живое существо, образовал связь между тремя членами социальной структуры*. Речь, таким образом, идёт не о разделении на производителей, воинов и учителей, а о том, что расчленять нужно *отношения*, идя навстречу политической справедливости, экономической организации и свободному духовному производству, поскольку человек, как таковой, не может принадлежать к какому-то сословию, если отношения действительно расчленяются подобным образом.

Человек, как таковой, желает стоять внутри социальной структуры и представлять собой соединительный член между элементами расчленённых отношений. И в таком случае имеет место не особое экономическое сословие, не особое сословие производителей, а структура экономических отношений. Точно так же, исчезнет сословие учителей, а отношения станут такими, что духовное производство сделается свободным в себе. Не станет особого сословия военных, а то, что сегодня стремится создать путаницу во всех трёх членах, перейдёт постепенно либерально-демократическим образом, в первый член (в систему экономических отношений. – Перев).

Дело заключается именно в том, что в силу перехода от старого времени к новому, становится необходимым рассматривать людей, стоящих в мире, как

людей. Возможность понять: каково требование нашего времени? – мы получим не иначе, как научившись понимать человека как такового. А это, естественно, можно сделать лишь с помощью духовной науки.

Теперь всё то, что я развил перед вами, необходимо увидеть – как я недавно говорил – в широкой мировой исторической панораме. Некоторые её элементы я вам уже давал. Но, чтобы можно было идти дальше в описании тех отношений, о которых я начал говорить в последнее воскресенье, мне придётся ещё раз обратиться к определённым оккультным основам, чтобы показать вам, что рассматриваемые нами вещи не могут трактоваться как кому вздумается; их следует увидеть в движении самих фактов. Тут нужно исходить из того, что социальная структура должна быть построена, прежде всего, на социальном понимании, которое как раз и утрачено на протяжении последних десятилетий. Мы касаемся здесь сферы, в которой делается более всего ошибок. У подавляющего числа людей ведущих сословий и в малейшей степени не наблюдается социального понимания. А потому нечего и удивляться, что перелом, совершающийся теперь в Средней Европе (а также и в Восточной. – Перев.), вырастает перед людьми будто из земли, и они оказываются совершенно к нему не подготовленными. У кого есть социальное понимание, тот к нему готов. Но я боюсь, что люди и дальше останутся жить с теми же настроениями, которыми они были проникнуты до 1914 г. Как их тогда застала врасплох висевшая над всеми головами, разумеваемая сама собой мировая война, так будут они держаться и впредь по отношению к ещё более серьёзным вещам. Продолжая спать, они дадут вломиться в жизнь тому, что как социальное движение охватывает весь мир. При современной вялости мышления людей этому, вероятно, будет так же трудно помешать, как не смогли помешать разразиться военной катастрофе, к которой люди оказались не готовы.

Что здесь нужно предпринять – это, прежде всего, понять, что люди на Земле, действуя в том либо ином направлении, руководствуются не абстрактными идеями. В тот момент, когда их действия приобретают социальный эффект, они действуют в соответствии с тем, как их к этому побуждают импульсы мирового свершения. Элементарные факты ещё и сегодня люди оставляют без всякого внимания. – Я говорю это на основании собственного опыта, поскольку в последние годы мне довелось говорить с людьми различных профессий и сословий и я знаю, как они себя ведут, когда речь заходит о подобных вещах.

Необходимо всерьёз посчитаться с тем, что люди на Востоке и на Западе совершенно различны в отношении действующих на них импульсов, совершенно различны в отношении всего того, чего они хотят. Конечно, если рассматривать только ближайшее социальное окружение, то ни к какому ясному суждению о том, что с необходимостью совершается в мире, не прийти. К ясному суждению придут только тогда, когда начнут думать в соответствии с импульсами – я ещё раз воспользуюсь этим словом – мирового свершения. В ближайшие два-три десятилетия люди Запада, стран Западной Европы будут вести диалог с дальнеазиатскими странами; но все они будут говорить на разных языках, поскольку люди на Земле имеют разные представления о том, что человек здесь на Земле ощущает и должен ощущать как потребность своего человеческого достоинства и человеческого существа. Об этом нельзя говорить, если нет желания осознать, что в будущем могут выступить некоторые вещи, с которыми людям лучше было бы не встречаться.

В последнее воскресенье я уже говорил о том, что впредь просто нет смысла искать действенные, плодотворные идеи на иных путях, кроме тех, которые ведут к поиску истины по ту сторону порога обычного, физического сознания. Внутри обычного физического сознания действенных социальных идей не найти. По-настоящему действенные социальные идеи должны

открываться людям так, как я описал это в последнее воскресенье. Поэтому человек в будущем должен приложить все силы к тому, чтобы побороть страх перед познанием порога духовного мира. В сфере повседневной жизни, а также и в сфере науки люди ещё долгое время смогут плестись и далее без того, чтобы приобрести понятие о пороге духовного мира. Там-то, в крайнем случае, они могут обойтись и так, чего не скажешь о социальной жизни, где никак не обойтись без того, чтобы всё вновь и вновь не говорить о пороге духовного мира. Ибо в современном человеке – пусть бессознательно, но это всё более и более порывается вступить в сознание – заложено стремление построить такую социальную структуру, в которой человек мог бы жить на Земле подобающим его человеческому достоинству образом.

Пусть весьма смутно, инстинктивно, но люди в различных частях нашей Земли чувствуют, что это такое – человеческое достоинство, достойное человека бытие и т.д. Абстрактный современный социал-демократ верит, что можно просто так, как говорится, безо всякого, интернационально определить, что такое человеческое достоинство, человеческое право и тому подобное. Но так этого сделать нельзя, ибо для того, чтобы это определить, нужно подумать о том, что за порогом духовного мира представление о человеке меняется, поскольку человек принадлежит духовно-душевному миру. Таким образом, всецело правильное, всеобъемлющее представление о том, что такое человек, может прийти лишь с той стороны порога духовного мира. И оно действительно оттуда приходит. Ибо когда американец или англичанин, или француз, или немец, китаец, японец, русский говорит вам о человеке и при этом высказывает недостаточные понятия, недостаточные представления, то в его подсознании при этом содержится нечто более всеобъемлющее, но оно ещё должно быть постигнуто. И то, что там содержится, это всеобъемлющее, оно стремится войти в сознание. Мы можем также сказать: во всемирно-историческом развитии это стремление зашло так далеко, что в человеческом сердце уже живёт образ человека. И, не приняв во внимание этот образ человека, нельзя развить никакого социального понимания. Этот образ живёт, но он живёт в подсознании. В тот момент, когда он выплывает из подсознания, когда он действительно вступает в сознание, он может быть постигнут с помощью понятийных, рассудочных способностей, с помощью усвоенных здоровым, человеческим рассудком способностей того сознания, которое имеет сверхчувственную природу.

В людях, имеющих сегодня социальные стремления, живёт образ человека, который может оставаться неосозанным, инстинктивным до тех пор, пока в человеке не пробудится потребность прийти к ясности во всём обсуждаемом нами вопросе. Ну а если он захочет прийти к ясности, то он сможет сделать это лишь в том случае, если рассмотрит вопрос в том свете, что исходит с той стороны порога. Тогда для объективного духовного наблюдателя дело представляется так, что тот образ человека, который инстинктивно, призрачно брезжит в душах, оказывается совершенно различным у людей Запада и Востока. В будущем это различие станет бесконечно значительным. Но и сейчас оно заявляет о себе во всех действительных отношениях. Оно играет существенную роль в русской кутерьме, в средневропейской революции, в тех волнениях, которые подготовляются на Западе вплоть до Америки. Другими словами: то, что подготовляется, может быть понято, если на него посмотреть в свете сверхчувственного сознания. Оно должно быть постигнуто с помощью тех способностей, которые даёт сверхчувственное сознание. Ибо для чувственного сознания не существует путей, уводящих к пониманию того, чем инстинктивно, как образом человека, обладают люди Запада и Люди Востока.

Чтобы выработать это понимание, вам необходимо познакомиться с двумя вещами, с двумя различными обликами, в которых перед Стражем Порога

инстинктивно, но вполне определённо выступает нечто, пребывающее в человеке, чем он бывает даже одержим. Ибо как на Западе, так и на Востоке человек бывает этим одержим. И до тех пор, пока оно остаётся инстинктивным, человек бывает им одержим, но когда он приходит к ясному сознанию, то одержимость прекращается. Вам просто необходимо познакомиться с тем, что неким образом поднимается теперь в действительное сознание, в сверхчувственное сознание, но чем в подсознании человек бывает одержим.

Двоющим образом переживает человек перед Стражем Порога то нечто, которое волнуется в его подсознании, и которое не является им самим, так как он сам есть только то, что постигается сознанием. Два облика имеют те вещи, которые инстинктивно делают людей одержимыми, в двух обликах выступают они перед Стражем Порога. Иными словами, когда подходят к порогу, то нечто, делающее человека инстинктивно одержимым, выступает либо в одном, либо в другом облике. Один облик имеет вид *призрака*. То, чем человек был инстинктивно одержим, выступает в одном случае перед Стражем Порога как внешнее восприятие. Это всего лишь галлюцинация, но она воспринимается внешним образом, она как факт выступает перед человеком и заявляет о себе как внешнее восприятие. И она имеет вид призрака.

Итак, нечто, инстинктивно живущее, волнующееся в человеке, будучи сознательно познанным перед Стражем Порога, где кончается всё инстинктивное, где всё познаётся в полном сознании и свободно вчленяется в духовную жизнь, это, инстинктивно живущее в человеке, может перед Стражем Порога выступить в виде призрака. Но тогда оно перестаёт быть инстинктивным. Не следует бояться, когда нечто выступает в виде призрака, ибо только таким путём его можно познать, сделав объективно созерцаемым вовне, так что, волнующееся внутри, действительно становится видимым вовне, как призрак. Такова одна форма.

Другая форма, в которой выступает указанное инстинктивное, есть *кошмар*. Эта форма не является внешним восприятием, а подавляющим ощущением или также видением, в котором выражаются последствия того, что подавляет, имагинативным переживанием, которое, однако, ощущается как кошмар.

Либо в виде кошмара, либо в виде призрака может проявиться инстинктивно живущее в человеке, когда он хочет внести его в сознание. И как истиной является то, что каждый, живущий в человеке инстинкт должен мало-помалу подняться в сознание или в виде призрака, или в виде кошмара, чтобы человек мог стать совершенным, ибо только таким путём он может освободиться от инстинктов, – также истиной является и то, что бессознательно, инстинктивно живущий на Западе и Востоке образ человека, человеческого достоинства, выступает в той или иной форме перед людьми и становится понятным с помощью, прежде всего, здорового человеческого рассудка. Это вполне реально, что исследователь духа, практикующий исследователь духа, может убедиться в том, что одни вещи являются как кошмар, другие – как призрак; но переживаемое им в собственном опыте он должен будет тогда облечь в такие слова, воспользоваться такими историческими и тому подобными представлениями, которые пережитое им могут сделать понятным для здорового человеческого рассудка, для людей, ещё не обладающих теми оккультными способностями, благодаря которым подобные вещи могут быть увидены.

Не имеют силы отговорки в том смысле, что этих вещей не видят. Ибо, увиденные другими, они могут быть облечены в такие представления, которые вполне постижимы здоровым человеческим рассудком. И речь тут не идет о слепом доверии к тому, кто эти вещи видит. Его признают способным дать

необходимое побуждение к познанию, но верить ему нет нужды. Ибо сообщаемое им может стать, при наличии непредвзятости, целиком *понятным* для здорового человеческого рассудка.

Дело обстоит таким образом, что те инстинкты, которые на Западе живут как образ человека и стремятся проникнуть в социальную структуру, перед Стражем Порога обнаруживают себя в виде призрака. А образ человека, живущий в людях европейского Востока с его азиатскими окраинами, выступает как кошмар. Попросту говоря, оккультные факты таковы: если вы попытаетесь описать американца – наиболее ярко выраженного, – описать то, что он ощущает как образ настоящего человеческого достоинства, и если вы затем этот образ, оккультно переработанный, донесёте до Стража Порога и перед Стражем Порога произведёте с ним некие опыты, то он выступит перед вами как призрак. А если вы попытаетесь описать азиата или образованного русского, описать то, как он представляет себе образ человека, то это, будучи донесённым до Стража Порога, выступит перед вами как кошмар.

И всё, что я вам сейчас говорю, есть описание оккультного опыта, который имеет своё основание в исторических импульсах, в историческом развитии. Ибо то, что инстинктивно образуется в сердцах и душах людей – образуется из исторической подосновы. Народы Запада: британцы, французы, итальянцы, испанцы, американцы лишь из определённых исторических импульсов, конечно, не с полным, ясным сознанием, а инстинктивно, в процессе своего развития, идущего от древности до современного состояния, укореняли в своих сердцах образ человека, который и охарактеризовать можно правильным образом только исходя из исторических импульсов.

Этот образ человека как на Западе, так и на Востоке, должен быть заменён другим, который может быть найден путём духовнонаучного исследования; и только он *может быть положен в основу социальной организации, а не призрак или кошмар*. Если со знанием дела исследовать: почему образ человека является как призрак? – то после взвешивания всех исторических подоснов, оказывается, что в инстинкте, приведшем к образу человека в западных областях – а в самое последнее время он привёл, например, к так называемой "вильсоновской программе мира" [*Речь идёт о так называемых 14 пунктах, с помощью которых Вильсон рассчитывал установить "справедливый мир" между народами.], вызвавшей столь много поклонения, – в основе этого инстинкта лежит *призрак древней Римской Империи*.

Всё мало-помалу развившееся исторически, и потому носящее устарелый, а значит, люциферически-ариманический характер, уже не соответствующее современности, а являющееся призраком прошедших времён, – всё это представляет собой призрак романизма. Несомненно, в культуре Запада есть немало такого, что не имеет никакой связи с романизмом. Например, в странах английского языка вы, естественно, найдёте многое, не связанное с ним. Даже в самих романских странах вы найдёте многое, не связанное с романизмом. Но речь идёт не об этом, речь идёт об образе человека, поскольку он должен быть внесён в социальную структуру. Во всех указанных странах *инстинкт сегодня определяется и находится под влиянием того, что образовалось внутри романской культуры*. Он целиком и полностью есть продукт латинского образа мышления, относящегося к четвертой послееатлантической культуре. Он не является тем, что живёт; он есть призрак отмершего. И этот призрак предстаёт объективному оккультному исследованию, когда оно хочет создать себе образ того, что, исходя от Запада, должно господствовать в мире.

Об этих вещах не следует говорить ненаучно, поскольку этого больше не допускает современное состояние человечества. Задача здесь состоит в том, чтобы фактам посмотреть прямо в глаза. Призрак романизма бродит по странам Запада, и когда я вновь обращаю ваше внимание на то, какой будет

судьба различных народов Запада, а в особенности одного народа, французского, то я должен сказать, что во многом она будет определяться интенсивнейшей связью французов именно с романским призраком, что в силу инстинктивных задатков всего их темперамента и характера они не смогут избавиться от романского призрака. Такова, как видите, одна сторона дела, и она связана с Западом.

Другая сторона являет себя на Востоке, где также действенной силой обладает определённый образ человека, поскольку он должен войти в социальную структуру. Этот образ, в общем-то, отличается той особенностью, что он существует в условиях, когда – о чём я уже говорил – на европейском Востоке подготавливается шестая культурная эпоха. Но если взглянуть на дело с современной точки зрения, то оказывается, что живущее сегодня в Восточной Европе с её азиатскими окраинами, не является тем образом, который некогда в будущем люди разовьют естественным путём и который уже сегодня они должны развивать, исходя из познания, но живущий там ныне образ, если с ним подойти к Стражу Порога и там его разглядеть, оказывается кошмаром.

Этот образ оказывается кошмаром по той причине, что инстинкты, заявляющие о себе на Востоке, когда определяется этот образ, питаются ещё несовершенной силой.

Только в будущем, в шестой послеатлантической культуре они разовьются до своей полной высоты. Но сила для их развития нуждается в импульсах, которые бы её поддерживали. Она нуждается – прежде чем проснётся сознание, *а сознание должно проснуться именно с Востока* – в инстинктивной опоре. И эта инстинктивная опора, живущая сегодня только в людях Востока, – она действует как кошмар, когда формирует образ человека. И подобно тому, как все импульсы, оставшиеся от романизма, старые, отставшие импульсы действуют предопределяющим образом при возникновении образа человека на Западе, также на Востоке кошмару приходится иметь опору, но образ человека там должен быть совершенно таинственным образом освобождён от такой опоры. И когда кошмар там будет преодолён и отброшен, когда люди поймут, как он действует, когда они проснутся от него, тогда они поймут, что же, собственно говоря, с ними происходило.

Сила, которая ныне распространяет своё действие на Востоке, она не отжила свой век; и именно в современности она по-настоящему деятельна. Это есть та сила, что происходит *из британской мировой державы*. Подобно тому, как на Западе образ человека превращается в призрак импульсами романизма, так на Востоке образ человека отпечатлевается в душах людей таким образом, что кошмаром становится в них все то, что ещё долго будет действовать в мире как устремления британской мировой державы.

Итак, бывшее сознательным в Римской Империи переживется теперь как призрак на современном Западе, а то, что подготавливается, что деятельно именно в современности – импульс британо-американской мировой державы – это для того пребывает в мире как кошмар, как опора кошмара, чтобы привести людей на Востоке к сознательному рождению соответствующего образа человека.

Подобные вещи сегодня неудобно высказывать, а людям неудобно их выслушивать. Но мы пришли в такую эпоху мирового развития, где достичь чего-либо можно лишь при условии, что человек, исходя из познания, из полного сознания, будет объективно смотреть на вещи в мире, объективно их познавать. Каким-либо другим образом дело далее не пойдёт. И всё то, что в конце концов, совершается в современном мире, совершается с той целью, чтобы заставить человека определённым образом повернуть это свершение в

другую сторону. Дальше так не может продолжаться, чтобы человек и впредь позволял понуждать себя мыслить по-старому, ибо в определённых районах Земли вещи сверху до низу целиком изменились и понуждают людей к другим мыслям.

Сегодня можно встретить людей, которые в течение пары недель из "храбрых" – в кавычках разумеется – роялистов превратились в крайних республиканцев или в Бог весть ещё в кого. Одни и те же люди! Понятно, что от таких людей, которые раньше были вынуждены быть роялистами, человечеству столь же мало пользы, как и от тех, которые сегодня вынуждены быть социалистами или, впрочем, даже вынуждены из роялистов стать большевиками, ибо существуют также и такие. Но так поступать нельзя. Можно быть либо тем, либо другим. Необходимо понять, что целительным является лишь то, что проистекает из свободного решения свободной человеческой души, на что человек решился сам, к чему он пришёл, взвесив устремления своих чувств, своего сердца, познав прежде то дело, на которое он решается идти. В этом, прежде всего, заключается дело. В противном случае мы всё снова и снова будем переживать, как о вещах, выступающих под давлением обстоятельств, будут судить то так, то этак. Например, кто-то сегодня называет Людендорфа* преступником, после того, как шесть недель тому назад он считал его великим полководцем. Такой человек, не имевший никаких оснований ни для прежнего, ни для нового суждения, поскольку он их высказывал не из свободного решения свободного сердца, имеет для развития человечества одну и ту же ценность в обоих случаях. Ибо дело заключается не в том, чтобы быть абстрактно правым – в таком случае, как правило, ложными бывают как прямое, так и обратное утверждение, – но в том, чтобы мы выработали способность составлять действительно собственные суждения. И хорошим руководством в этом вам может быть духовная наука.

Мне всё снова и снова приходится сталкиваться с фактом, что то или иное из области духовной науки, сказанное мною в каком-либо месте, оказывается плохо понятым. Это происходит оттого, что люди не обладают достаточной волей приложить к услышанному свой абсолютно здоровый человеческий рассудок. Мои сообщения находят трудными для понимания, поскольку находят не достаточно удобным вдаваться в них.

В своих рассуждениях я уже различным образом говорил об этой, так называемой, военной катастрофе последних лет, которая длится и поныне. Я надеюсь, теперь-то поняли, что события последних недель полностью подтвердили сказанное об этом здесь мною вам и другим людям несколько лет тому назад. Произошло не что иное, как то, о чём в данной связи говорилось тогда. И даже карта*, которую я здесь рисовал тогда на доске, – вы видите её теперь осуществляющейся в действительности.

Вещи, о которых здесь говорится, не следует принимать в смысле послеобеденной проповеди, но в том смысле, в котором они разумеются, – как исходящие из фактических импульсов, которые либо осуществляются, либо хотят осуществиться. Поэтому я не могу удержаться от того – хотя это подчас выглядит как повторение, – чтобы всё снова и снова обращать внимание на некоторые *методические принципы*. Эти *методические принципы* являются *наиважнейшими в области духовнонаучного познания*, и без них никак не обойтись в наше время. Действие, оказываемое духовной наукой на наши души, является более необходимым, чем абстрактное индивидуальное ознакомление с той или иной истиной. И Вы каждый раз можете вновь видеть и переживать, как при постижении конкретного внешнего события используется именно тот род душевной структуры, который образуется через духовную науку.

Как часто в течение лет я подчёркивал, сколь это ужасно, когда люди всё снова задают известный вопрос: кто виноват в этой мировой военной

катастрофе? Средняя ли Европа, Антанта или невесть кто ещё? Ибо, в сущности, на этот вопрос о вине вообще нельзя ответить. Вопрос следует поставить совершенно иначе. В правильной постановке вопроса заключается дело. Только тогда можно прийти к достаточному, основательному, действительному пониманию. Но ведь в оношении многих людей современности безнадежно апеллировать к их пониманию всего этого. Многие из того, что сегодня пишется в Париже, производит на меня, например, такое впечатление, что оно не имеет никакого отношения к современным несчастьям, а касается чего-то совсем другого, происходившего ранее в Берлине или в каком-либо другом месте. Дело ведь совсем не в том, чтобы судить о том, что дозволено, а что нет – я имею в виду фактические суждения, прежде всего, а в том, чтобы эти суждения исходили из свободного понимания, образовывались бы в свободной душе. Вот что существенно.

Если вы вспомните кое-что из сказанного мною здесь в последние недели, то увидите, что наступившие тем временем события подтверждают многое. Я, например, говорил вам, что существенный вклад в возникновение войны был сделан благодаря тому, что в правительствах Средней Европы было много идиотов. То, что я приводил здесь в последних лекциях, было на этой неделе полностью подтверждено, мои соображения полностью совпали с разоблачениями, исшедшими от баварского правительства, когда была оглашена переписка между баварским правительством и баварским посланником в Берлине графом Лерхенфельд-Кёферинг. Через подобные вещи всё более проступает тот образ, который я в течение лет воссоздавал перед вами таким способом, чтобы всё снова и снова сводить вещи к правильной постановке вопроса. Является, своего рода, *заслугой* – эти вещи также необходимо сегодня подчеркнуть – что столь примечательным образом воссевший прямо из тюрьмы в кресло премьер-министра Курт Айзнер, начал свою деятельность с опубликования этой переписки. В настоящее время, когда много говорится о тех людях, которые так недостойно исполняли свои обязанности, следует сказать и о людях, подобных теперешнему баварскому премьер-министру, которому нет нужды льстить.

Само собой разумеется, каждый человек, согласно своей карме, а также роду и образу, каким он, в силу этой кармы, поставлен в мире, может подпасть или должен подпасть тому или иному мнению на том или ином месте. Если хотят прийти к социальному пониманию – я уже говорил об этом в различных связях, – то речь нужно вести о том, как овладеть пониманием человека, как развить интерес к человеку, интерес к разным людям. Хотеть познать человека – вот что должно стать задачей в будущем, важнейшей задачей будущего. Но для этого необходимо усвоить некоторые, я должен сказать, инстинкты к выработке суждений исходя из симптомов. Потому-то я читал вам лекции об исторической симптоматологии.

Такой человек, как баварский премьер-министр Курт Айзнер**, особенно интересен, если, например, рассмотреть следующие факты. Я не имею при этом в виду что-либо актуальное, но хочу проиллюстрировать вам один психологический фрагмент.

В последние дни июля 1914 г., когда объявление войны ещё не прозвучало ни слева, ни справа, Курт Айзнер сказал в Мюнхене, что если теперь действительно разразится мировая война, то будут не только растерзаны народы, но тогда рухнут все троны в Средней Европе. Таковым будет необходимое следствие. – И он остался верен себе. В течение года он собрал в Мюнхене небольшую группку, которую постоянно преследовала полиция, и вёл с ней работу. Когда в ответственный момент в Германии разразилась забастовка, он был посажен в тюрьму, а теперь сменил её на кресло баварского премьер-министра. Это – цельный человек. Я не хочу его хвалить, поскольку теперь настали времена, когда такой человек будет совершать

ошибку за ошибкой. Но я могу охарактеризовать нечто такое, в чём здесь заключается всё дело. Оно заключается в том, что все вещи, выступающие в мире, нужно уметь правильно оценивать как симптомы, и, идя от симптомов, заключать о том, что лежит за ними, если отсутствует способность за симптомами видеть действительно духовное. Нужно стремиться хотя бы косвенно увидеть лежащее за симптомами духовное. А в будущем станет особенно необходимо, чтобы выступило понимание человека человеком. Фразами, программами, ленинизмами социальных вопросов не решить, но лишь пониманием человека человеком, какое может возникнуть, когда один человек оказывается в состоянии признать других людей как внешнее откровение вечного в себе.

Видите ли, если вы в состоянии принять сказанное мною о том, что человек на Западе, выступая перед Стражем Порога, действует как призрак, а на Востоке – как кошмар, *то* вместе с этим вы воспримете неким образом импульс к тому, чтобы в правильном свете увидеть современные отношения. На Западе мы имеем нисходящий образ человека, который поэтому является как призрак; на Востоке мы имеем восходящий образ, который не следует рассматривать как законченный в его современном облике, поскольку он является лишь имагинацией кошмарного и только после преодоления кошмара сможет обрести свой истинный облик. Потому-то необходимо смотреть глубже, если вообще хотят сегодня дискутировать о социальных проблемах. И те вещи, которые видят в глубоком смысле, они прежде всего, таковы, что имеют отношение к роду мышления, к тому, каким мышление рождается из всего человека, рождается различным образом в каждой отдельной личности по всей Земле.

Причина того, что романский призрак смог теперь приобрести столь глубокое влияние, кроется в том, что в человеческом мышлении, по сути, не преодолено ветхозаветное мировоззрение. *Христианство стоит в своём начале*. Христианство ещё не развилось настолько, чтобы действительно пронизать человеческие души. Католическая церковь, которая во всём, что касается теологии, сама целиком находится под влиянием романского призрака, мало чему здесь способствует. Эта римская церковь, как я уже не раз отмечал, скорее задерживает, чем вносит образ Христа в человеческие сердца и человеческие души. Ибо представления, применяемые римской церковью для постижения Христа, являются всецело представлениями социальной и политической структуры древней Римской Империи. Если даже люди об этом не знают, оно действует в их инстинктах.

Те представления, которые были уместны в Ветхом Завете, которые мы можем обозначить как представления ветхозаветного иудаизма, они были секуляризованы романизмом. И если даже романизм противоположен иудаизму, то лишь во внешнем своём явлении, а не по духу. Иудаизм окольным путём, через Римскую Империю, прошёл в наше время и как призрак заявляет здесь о себе. И потому необходимо искать в людях подлинный источник этого ветхозаветного, не пронизанного христианством, мышления. Необходимо ответить на вопрос: какими силами питается это мышление и каково оно, это ветхозаветное мышление?

Мышление это зависит от того, что вместе с кровью наследуется из поколения в поколение. Способность мыслить в том направлении, которое было свойственно Ветхому Завету, – она в смене поколений наследовалась через кровь. Унаследованное нами в качестве способности от наших отцов благодаря одному тому, что мы рождаемся как люди, что мы до нашего рождения пребывали в эмбриональном состоянии, уже заключает в себе ветхозаветное мышление, поскольку силы мышления мы наследуем из крови родителей, в которой они живут.

Наше мышление расчленено на две части, на два члена. Одним мышлением является то, которое мы имеем благодаря развитию вплоть до нашего рождения и которое мы также наследуем от наших отцов и, до некоторой степени, от матерей. Мы потому можем мыслить так, как мыслили в эпоху Ветхого Завета, что были эмбрионом. Это относится к существу древнееврейского народа, когда в мире, через который человек проходит в период между рождением и смертью, он ничему не хочет научиться в дополнение к тому, что получил как способности во время своего эмбрионального развития. Вы поймёте ветхозаветное мышление, если подойдёте к нему, сказав себе: это такое мышление, которое мы имеем в силу того, что были эмбрионом.

Вторым мышлением, которое мы присовокупляем к этому первому мышлению, является то, которое мы вырабатываем в послеембриональное время, в процессе индивидуального развития. Для различного внешнего употребления человек овладевает всевозможным опытом, однако он не пользуется им, чтобы действительно преобразовать мышление, поэтому и сегодня в значительно большей степени, чем полагают, продолжает действовать ветхозаветное мышление. Человек принуждён в период между рождением и смертью жить здесь, на физической земле. Но опыт, получаемый им здесь, он не пронизывает мышлением, которое, собственно говоря, даётся ему в этом опыте. Если он это и делает, то в наименьшей степени, самое большее – инстинктивно. Он не работает с получаемым опытом до такой степени, чтобы родился новый образ мышления. Это по-настоящему делает только развитый в современном смысле слова оккультист. Он использует жизнь, которой он здесь живёт, таким образом, что приходит к новому пробуждению, подобно тому, как пробуждается к новой жизни рождающееся дитя. Кто работает в смысле "Как достигнуть познания высших миров", тот пробуждается ещё раз и это пробуждение так относится к его предыдущей жизни, как жизнь новорожденного к его эмбриональному состоянию. Но в обычной жизни поступают так, что хотя и бывают вынуждены получать опыт, но применяют к нему только то мышление, ту силу, которую приобрели ещё в эмбриональном состоянии. Так живут люди на Земле. Они получают опыт, а дальше соединяют его с тем содержанием мышления, с той формой мышления, которая была им дана в эмбриональном состоянии и которая поэтому есть унаследованная через кровь из поколения в поколение.

Теперь коснёмся факта фундаментального значения. Этот факт состоит в том, что Мистерия Голгофы, как явление уникальное, не может быть постигнута тем мышлением, в котором обитают лишь силы эмбрионального развития. Поэтому в лекциях, прочитанных вам в этот мой приезд, я уже указывал, что Мистерию Голгофы нельзя постичь с помощью обычного физического мышления. Если быть честным, то ее нельзя признать до тех пор, пока пользуешься физическим мышлением. Мистерия Голгофы, вся пронизанная Христом, должна постигаться не в лунных, а в солнечных силах, с той точки зрения, которую вырабатывают здесь, в жизни после рождения. В этом заключается большая разница между людьми, пронизанными Христом и не пронизанными Христом.

Тот, кто не пронизан Христом, владеет мышлением, унаследованным через кровь. Тот же, кто пронизан Христом, постигает мир с помощью мышления, приобретённого им, как личностью, в мире индивидуально, путём жизненного опыта, когда он получаемый опыт одухотворяет в том смысле, как это описано в "Как достигнуть познания высших миров".

Важно понять, что мышление, в котором живёт сила эмбрионального развития, приводит к тому, чтобы Бога познавать как Отца. А то мышление, которое вырабатывают в мире путём индивидуальной жизни уже после эмбрионального развития, приводит к познанию Бога как Сына.

Стремление пользоваться только мышлением, которое является мышлением Ягве, действовало постоянно вплоть до XIX столетия. Но мышление способно понять в человеке только то, что в нём принадлежит природному порядку. Так происходит потому – вы знаете, что Ягве есть один из семи Элоимов, – что Бог Ягве как один из семи Элоимов ещё в древности завладел господством над человеческим сознанием и оттеснил других Элоимов. По этой причине другие Элоимы были отнесены к сфере так называемых иллюзий, то есть их стали считать фантастическими существами. Таким образом, Бог Ягве временно оттеснил этих духов, а человеческое сознание пронизал тем, что может быть усилено лишь идущим из доэмбрионального развития.

И так продолжалось до XIX столетия. И по той причине, что Бог Ягве как бы сверг с трона других Элоимов и они смогли впервые заявить о себе лишь благодаря Индивидуальности Христа – так они, благодаря Его силе, будут один за другим заявлять о себе различным образом и в будущем, – по этой причине человеческая природа попала под влияние низших, более стихийных (элементарных) духовных существ, противодействующих стремлениям Элоимов.

Таким образом, развитие человеческого сознания носило такой характер, что в него, свергнув других Элоимов, вступил Бог Ягве как единовластный правитель. А поскольку другие Элоимы были свергнуты, то человеческая природа со временем попала под влияние существ более низких, чем Элоимы. Так что вплоть до XIX века действовал не только Ягве, но и другие боги, занявшие место Элоимов. А когда распространилось христианство – я постоянно подчёркиваю, что оно сейчас стоит в самом начале, – то человечество не смогло его понять и именно по той причине, что люди не могли воспринять действия Элоимов, но оставались зависимыми от Ягве-мышления, а кроме того, оставались ещё под влиянием противников Элоимов.

И вот, в XIX столетии, а точнее, в 40-х годах XIX столетия, наступил переломный момент особого рода, о чём вы уже не раз слышали. Влияние Ягве на человеческое сознание стало постепенно побеждаться теми духами, которых он сам призвал. С силами Ягве в человеке можно понять лишь то, что в нём принадлежит природному порядку, что, таким образом, связано с кровью. Но под действием тех духов прежние поиски духовного в природе перешли в обычное атеистическое естествознание, в обычное атеистическое, естественнонаучное мышление, а в практической сфере – в обычное утилитарное мышление. И это произошло в 40-е годы, в тот момент времени, о котором я вам говорил*. [*В это десятилетие Архангел Михаил начал новый этап борьбы с ариманическим Драконом. (Прим. перев.)]

Итак, по той причине, что Ягве выпустил из рук тех духов, которых он призвал, ветхозаветное мышление перешло в атеистическое естествознание Нового времени, которое в сфере социального мышления стало марксизмом и тому подобным, так что в сфере социальной жизни теперь господствует окрашенное естествознанием мышление.

Всё это находится в связи со многим из того, что разыгрывается непосредственно в сегодняшние дни. В сегодняшнем человеке сидит, преобразовавшееся в натурализм, ветхозаветное мышление. Против этого мышления ни образ человека на Западе, ни образ человека на Востоке не могут служить ни в малейшей степени достаточной защитой. Ибо оно мешает человеку реально и правильно понимать вещи.

Сегодня это можно потрогать руками – как люди мешают себе понимать происходящее. Временами дело доходит до патологии. Так называемая история войны последних двух лет – я вновь говорю вам об этом – есть психиатрический, социально-психиатрический феномен. Произошедшие

события для человека, который их понимает, который в состоянии правильным образом привести их во взаимосвязь, являются лучшей симптоматологией в сфере социальной психиатрии последних лет и тех лет, которые ещё придут. Речь идёт, само собой разумеется, о более тонкой психиатрии, чем та, которую имеет в виду материалистическая медицина, поскольку психиатрия изучаемая на факультетах, ни в малейшей степени не применима к такой, например, персоне как Людендорф.

Но человек должен научиться в этом свете видеть изрядный кусок новейшей истории. Некоторые из друзей могут вспомнить, что я в начале этой военной катастрофы не раз, когда о том либо ином говорилось с лёгким сердцем, подчёркивал: эта военная катастрофа сделает невозможным написать её историю на основании документов и архивных материалов. Как стала возможной эта катастрофа, поймут только те, кто уяснит себе, что решающие события конца июля и начала августа 1914 г. произошли при помрачённом сознании людей. По всей Земле у людей тогда было помрачено сознание, и при воздействии ариманических сил на это помрачённое сознание происходили те события. Это открывается через познание фактов с помощью духовной науки. Когда-то станет необходимым понять, что прошло то время, когда на основании одних только документов можно было писать нечто в смысле истории Ранке, Букле [*Леопольд фон Ранке (1795—1886). Генри Томас Букле (1821 - 1862).] и т. п. Это важно иметь в виду!

Одни только симпатия и антипатия не дают ничего, когда желаешь выработать направление для суждений. Но только из симпатий и антипатий и судили главным образом в последние годы, и судят до сих пор. Несомненно, также и под влиянием симпатий и антипатий возможны правильные суждения, но для проникновения человека со своими суждениями в фактическое положение дел они не имеют никакого особенного значения. Пути, на которых так или иначе ориентированные суждения принимали эпидемический характер, следует изучить особенно внимательно, если хотят исследовать развитие суждений у людей в последние годы.

Во что верили миллионы людей в Средней Европе, пока она ещё существовала, и во что они будут верить? И во что верят и будут верить вне Средней Европы ещё долгое время?

Однако суть дела заключается в том, чтобы в конце концов привыкли учиться у событий, чтобы научились судить о вещах, исходя из событий.

Видите ли, обнаруживается, что весомость событий может оказаться определяющей, решающей для людей, особенно событий современности, разыгрывающихся совершенно оригинальным образом, как они ещё никогда раньше не разыгрывались. Соединяются полярно противоположные вещи!

В последний раз я обращал ваше внимание на то, что пересадка большевизма в Россию произошла с существенной помощью Людендорфа. Эти вещи часто высказывались - но не за пределами Средней Европы - с достаточной откровенностью. Но люди слушать их не хотят. Я неоднократно имел опыт, о котором однажды уже здесь упоминал, опыт особого значения! Тот материал, который я разработал - я уже об этом рассказывал, но мне бы хотелось, чтобы об этом не забывали, и потому я всё снова и снова говорю об этом; мир должен знать, о чём идёт речь, - тот материал состоит из двух частей. Его вторая часть содержит в себе в сравнительно приглушённом виде то, что было необходимо сказать в то время, о чем я вам теперь вкратце говорю как о социальных отношениях. А в первой части содержится то, что я считаю необходимым обсуждать и распространять далее указанным мною образом [*Речь идёт о "Меморандуме" 1917 года. Напечатан в "Сборнике статей о трехчленном социальном организме 1915 - 1921", Дорнах, 1961.].

Я нашёл нужных людей, которые прочли написанное мною и дали мне такой ответ: "Но ведь если осуществить один только первый ваш пункт, то уже потребуется отречение немецкого кайзера! – На что я мог лишь сказать: Если так получается, то, значит, так и должно быть". Мировая история подтвердила мой вывод. Отречение должно было произойти. Но оно не должно было произойти тем путём, каким оно произошло; оно должно было произойти из внутреннего, свободного решения. Это, разумеется, и следовало из самого первого пункта. Тот пункт, естественно, не призывал: "Немецкий кайзер должен отречься!" – но там было поставлено определённое требование. Если бы оно было исполнено, то отречение последовало бы совсем при других обстоятельствах, чем оно произошло теперь.

Я не мог добиться, чтобы люди поняли, что написанное там мною вытекало из действительности. Так что и с первым пунктом дело вперёд не пошло. Когда я излагал суть дела министру иностранных дел, то сказал: "Вы должны сделать выбор: либо стать разумными и уже сейчас, исходя из разума, поступить таким образом, либо придётся пережить революцию, которая должна произойти в ближайшие годы и которая начнётся совсем скоро".

И если верным было то, что открывалось, исходя из большой перспективы, то, значит, правильным было для немецкого кайзера отречься от престола, и было правильным сделать такое предложение. А если при этом было высказано другое мнение, основанное на знании лишь ближайшего окружения, то его совсем не следовало высказывать всерьёз.

Также не было нужды, естественно, и в том, чтобы произошли последние события, которые, я бы сказал, со всей очевидностью обнаружили болезненное состояние ума Людендорфа; но и об этом можно было знать задолго до того. Много времени назад я уже указывал на это. Но, не правда ли, если посмотреть из сферы духовной науки, то можно увидеть, как люди сегодня шарахаются от неё, поскольку они её *боятся*.

Душевный страх является сегодня чем-то таким, что в характерах людей играет очень значительную роль, играет просто колоссальную роль. Он выступает под различными масками. Душевный страх, нежелание подойти к чему-то, – оно играет совершенно особенную роль. Учитывая это, следует рассматривать текущие события, и тогда они явятся симптомами того, что лежит в глубине. Рассмотрите хотя бы события последних дней.

Что события пойдут тем путём, каким они идут теперь, об этом мог давно уже знать каждый, наблюдавший немецкие отношения и немецкую армию. Взять хотя бы одного Людендорфа, которому лишь 8 августа 1918 года открылось, что он не в состоянии побеждать. Он был "практик". Вспомните всё, что я в ряде лет говорил о практиках, о непрактичности практиков! Он был практиком, который заблуждался во всех отношениях и которому, в конце концов, только 8 августа стало ясно, что с отданной в его распоряжение армией он не может побеждать.

Проницательные люди уже 16 сентября 1914 г. поняли, что с этой армией победить невозможно. Ну а как повел себя Людендорф в 1918 г.? Он пригласил к себе Баллина[*Альберт Баллин (1857—1918), директор линии Гамбург – Америка.] и попросил его чтобы тот, наконец-то, пошёл к кайзеру и изложил ему, как обстоят дела, поскольку Баллин был в очень дружественных отношениях с кайзером. Вы спросите: – А разве тогда не было рейхсканцлера? – Как же, рейхсканцлер тогда был, но звали его Гертлинг[*Георг фон Гертлинг (1843– 1919), профессор философии, с 1912 г. баварский министр-президент, в октябре 1917 г. стал прусским министром – президентом и рейхсканцлером.]. – А разве тогда не было министра иностранных дел? – Был и такой, но это был вышедший из самых тёмных придворных апартаментов господин фон Гинтце[*Пауль фон Гинтце, дипломат, временный

государственный секретарь по иностранным делам.]. Был, конечно, и рейхстаг и т. п. приатки народной жизни, о которых, увы, не стоит труда и говорить. Итак, Людендорф пригласил к себе Баллина и поручил ему объяснить положение дел высочайшему военачальнику. Баллин собрался в путь, туда, где проживал кайзер, чтобы, минуя, само собой разумеется, подлинные события (поскольку Людендорф нашёл их не совсем благоприятными), сообщить в присутствии их высочества, высочайшего военачальника, о том, что были предприняты некоторые акции. Это "присутствие", конечно, мог оценить каждый, кто знал обстоятельства. Одним словом, Баллин, который хорошо знал кайзера и был умным человеком, отправился в высочайшие "Вильгельм-сферы", чтобы изложить кайзеру положение дел. Сделать это можно было, естественно, лишь в том случае, если бы он смог поговорить с кайзером с глазу на глаз, что ему, в общем-то, было вполне доступно; правда, в прошлом был случай, когда однажды, ещё в самом начале войны, Баллин захотел кое-что объяснить кайзеру, и тот дамским веером – н-да..., этак... по щекам его похлопал. Но, несмотря на полученную тогда с помощью дамского веера затрецинку, Баллин на этот раз, в силу важности событий, всё же решился рассказать о них своему старому другу. Но тот вызвал господина фон Берга, который тут же понял, что кайзер хочет, чтобы он увёл разговор в сторону, ибо не желал услышать правду. Так не состоялся разговор, который должен был состояться.

Я привёл вам это как психологический феномен. Здесь вы видите человека, который находится среди важнейших событий и боится услышать правду, которую принёс ему другой, и не даёт ей прозвучать. Именно так всё это выглядит. И подобный феномен сегодня чрезвычайно распространён. Итак, Баллину не удалось ни в чём убедить "высочайшего военачальника", поскольку он не смог изложить ему суть дела. Тогда Людендорф пригласил господина фон Гинтце, чтобы договориться с ним: пусть он попросит у Антанты перемирия. Их разговор состоялся вскоре после 8 августа 1918 года. Господин фон Гинтце обещал связаться с Вильсоном [*Вудро Вильсон (1856—1924), президент Соединённых Штатов (1912 – 1920).], но не сделал этого до октября 1918 года, несмотря на то, что стало уже ясно: может случиться то, что и случилось несколькими неделями позже при злополучном министерствовании принца Макса Баденского[*Принц Макс Баденский (1867–1929), последний рейхсканцлер кайзеровской Германии (3 октября – 9 ноября 1918 г.).].

Принц Макс Баденский решился поехать в Берлин и кое-что сделать там по-другому. Но тут Людендорф объявил, что в течение 24-х часов должно быть сложено оружие, иначе произойдёт величайшее несчастье. И, вопреки принятому им ранее решению, принц Макс Баденский так и сделал. А через пять дней Людендорф заявил, что он оказался в заблуждении и не было нужды складывать оружие!

Таков один пример того, как практики, уважать которых нет ни малейшего основания, разбираются в мировых событиях, с каким настроением и с какими силами мышления они подходят к ним. Но здесь также содержится и путь, на котором можно изучить, как суждения становятся эпидемическими. Ибо суждение, что Гинденбург и Людендорф являются "великими людьми" распространялось поистине с мощью эпидемии, в то время как в действительности они ни в малейшей степени ими не были, даже с точки зрения их узкой профессии. И именно эти катастрофические события особенно характерны для того способа, каким образуются ложные мнения. Правильное понимание встречается порой в анекдотах. Если вы теперь приедете в Берлин – большинство из вас там в последние годы наверняка не бывало, – то найдете удивительное сооружение – отвратительную, гигантскую, деревянную фигуру человека. Это "Гинденбург". Каждый патриот должен в

эту фигуру забить гвоздь, и теперь она вся утыкана гвоздями. Её намереваются поставить потом в музее военного министерства. Таким путём, благодаря берлинской шутке, пришли к правильному решению: когда он будет весь заколочен гвоздями, то пусть тогда идёт в военное министерство!

Следует чаще рассматривать вещи с той точки зрения, о которой я теперь часто говорю, с точки зрения как исторической симптоматологии, так и симптоматологии событий, имеющих отношение к людям. Внешний мир даёт как раз только симптомы, и к истине можно прийти лишь в том случае, если симптомы познаются в их природе, то есть как таковые.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Дорнах, 30 ноября 1918 г.

Если Вы рассмотрите основания нашей антропософски ориентированной духовной науки в сравнении с другими - весьма многочисленными сегодня, - так называемыми, мировоззрениями, то среди всего прочего вы увидите одну особенность, которая состоит в том, что антропософски ориентированная духовная наука, будучи миро- и жизневоззрением, старается всё, что она получает в результате исследования духовных миров, применить ко всей жизни, ко всему, что может встретиться человеку в жизни. И кому доступен смысл того существенного, что содержится в подступающих к человеку жгучих вопросах и импульсах современности, тот, вероятно, способен также понять, что именно в области *взаимосвязи великих мировоззренческих идей с непосредственной жизнью* находится насушно необходимое современности и ближайшему будущему. Ибо среди тенденций, которые принесло с собой людям современное катастрофическое состояние, имеется и такая, в силу которой все человеческие мировоззрения - где бы они ни коренились: в религии ли, в науке или в эстетике - теряют постепенно, в ходе времени, связь с жизнью.

Имелась, в некотором роде, потребность, можно сказать, противоестественная потребность отделить, так называемую, повседневную жизнь, в самом широком её проявлении, от того, что искалось для удовлетворения потребностей в религиозной, в мировоззренческой сферах. Вы только подумайте о том, как в последнем столетии жизнь постепенно приняла такой облик, что люди в повседневности так называемые "практические" люди - устраивали свою жизнь на "практических" основаниях, а затем ежедневно, этак на полчаса или того меньше, или даже только по воскресеньям, обращались к тому, чтобы найти связь с пронизывающим мир божественно-духовным.

Такое положение должно измениться, если антропософски ориентированной духовной науке дано найти место в душах людей. Тогда из этого мировоззрения должны проистечь мысли, применимые в непосредственной жизни, делающие нас способными с пониманием судить обо всех сферах жизни.

Принцип воскресной послеобеденной проповеди не может стать принципом нашего антропософски ориентированного мировоззрения, но вся жизнь, в каждый день недели, а также и в воскресный полдень должна быть пронизана тем, что может дать человеку антропософское миропонимание. Ибо, если всё останется по-старому, то мир всё больше станет впадать в хаос. Люди не удосуживаются обратить внимание даже на то, что реально совершается в их непосредственном окружении и бывают поражены тем, что последствия их непонимания заявляют о себе вполне ощутимо. В будущем придётся изумляться ещё больше, так как эти последствия заявят о себе ещё ошутимее.

Сегодня ни в коем случае не позволительно отвращать взгляд от того, что распространяется среди людей по всей Земле. С суждениями, позволяющими нам распознавать великие импульсы, проходящие через мировое развитие, мы обязаны пытаться проникнуть в то, что сегодня отчасти столь загадочно стоит перед человеческими душами и грозит повергнуть в хаос социальную структуру. Поступать прежним образом, когда позволяют совершаться всему, что хочет совершиться, теперь нельзя; необходимо со здоровым суждением стремиться проникнуть в сущность происходящего.

Необходимо отказаться от того подхода к жизни, когда говорят: "Это повседневное, это пошлое, это принадлежит внешней жизни; от всего этого взор следует обратить к божественно-духовному". - Такого больше быть не должно! Должно настать время, когда всё самое повседневнейшее будет приводиться в связь с божественно-духовным, когда вещи, приобретаемые из духовной жизни, не будут рассматриваться с наиабстрактнейшей точки зрения.

Ранее я говорил, что благоприятный поворот в социальном движении может наступить только благодаря тому, что возрастёт интерес у одного человека к другому человеку. Ведь социальная структура - это такая структура, которая связывает людей в общественной жизни. Она может быть оздоровлена только благодаря тому, что человек действительно внутренне осознает себя, будет помнить себя в социальной структуре. И для современности является не здоровым, влечёт за собой катастрофы, когда люди не делают и малейших усилий для выработки хоть какого-то ощущения того, каким образом они пребывают в социальной общности.

Интереса, который нас как людей связывает с другими людьми, больше не существует, хотя люди часто считают, что такой интерес есть. Дешёвый теософский лозунг: "Я люблю всех людей, я интересуюсь всеми людьми!", - не обладает никакой действенностью, так как он есть абстракция и с реальной жизнью связи не имеет. А именно в связи с реальной жизнью и заключается всё дело. - Вот что необходимо глубоко понять.

Непонимание реальной жизни было характерно для последних столетий. А теперь эти последние столетия, в течение которых людьми совершено не изучался процесс развития, привели к современному состоянию и вызовут ещё будущие состояния. В исторической жизни человечества всегда было так, что все происходящее между людьми в социальной жизни, они сопровождали мыслями. Но вот уже на протяжении довольно долгого времени происходящие события можно проследить мысленно лишь в том случае, если здоровым образом постигаешь глубинный смысл некоторых явлений.

Объективному наблюдателю со всей отчётливостью предстает лишь одно, что почти весь мир управляется, регулируется и будет управляться и регулироваться на одних и тех же основаниях, которые, собственно говоря, устарели уже несколько столетий тому назад, тогда как жизнь за эти столетия, естественно, ушла вперёд. И тем существенным, что в Новое время возникло в развитии человечества, - является современная индустриализация, породившая весь современный пролетариат. Но возникновение современного пролетариата не сопровождалось выработкой соответствующих мыслей. Правящее сословие продолжало жить как и прежде, исполняя свои функции управления тем же образом, каким оно привыкло делать это столетиями, и не предпринимало ничего для того, чтобы процесс мирового развития сопроводить какими-то мыслями, в то время как фактически, в фактическом развитии, становлении современного индустриализма, который, в основном, начался в XVIII столетии с изобретения ткацкого станка и прядильной машины, развивался современный пролетариат. А от того, что пусть, скажем, "встаёт как призрак" в головах современного пролетариата, зависит судьба мировой истории настоящего времени и ближайшего будущего. Ибо этот пролетариат стремится к влиянию, к преобладанию, и этот процесс следует рассматривать в его действии как результат природной необходимости, как стихийное явление, а не как то, что можно критиковать, как то, что одним нравится, а другим не нравится, о чём можно судить так, либо этак, в зависимости от того, какое это производит впечатление; нет, об этом следует судить, как о чём-то, подобном землетрясению, морскому приливу или чему-то в этом роде.

Теперь вы, прежде всего, видите, как подготавливается то, что проистекает от современного пролетариата или, лучше сказать, из тенденций и ощущений современного пролетариата. Вы можете рассматривать то, что выступает перед вами с определённой стороны в русском большевизме, как, я бы сказал, военные действия форпостов. Этот русский большевизм – я уже не раз об этом говорил – не свойственен, естественно, коренному характеру русского народа. Он внесён в Россию извне. Но не об этом должна идти речь, когда хотят иметь дело с фактами, ибо, будучи однажды внесённым в области, бывшие прежде царскими владениями и занимавшие огромные территории, и получив там большое распространение, он должен рассматриваться теперь как природное явление, имеющее в себе стремление распространяться всё шире и шире.

Необходимо, прежде всего, когда рассматривается нечто такое, как русский большевизм, отвлечься от сопутствующих явлений, необходимо взглянуть на главное. Тот факт, что он выступил в 1917 году, что он тем или иным образом проявился внешне, имеет, вероятно, в значительной степени, близлежащие основания. Я говорил вам, что не осталась безучастной в непосредственном выступлении большевизма даже беспомощность Людендорфа, а также и многое другое. И тем не менее от всего этого нужно отказаться, если мы хотим плодотворно рассмотреть вещи, обратиться следует к импульсам, которые живут в русском большевизме.

Необходимо однажды совсем сухо спросить себя о том, чего хочет этот русский большевизм, и каким он представляет себе своё место во всём развитии человечества? – Ибо, вне всякого сомнения, он не является чем-то эфемерно преходящим, он есть глубоко идущее явление мировой истории. А потому исключительно важно представить себе однажды ту основную социальную структуру, которую как образ создаёт себе этот русский большевизм, чтобы быть в состоянии проследить, до некоторой степени, её происхождение из глубоких мировых импульсов.

Так вот, если рассмотреть главные особенности русского большевизма, то придётся сказать, что первое его устремление состоит в том, чтобы буржуазию – как мы вынуждены её назвать, пользуясь марксистской лексикой – уничтожить, изъять из мира. Такова, так сказать, главная максима. Всё, что как буржуазность, как буржуазия образовалось в ходе исторического развития, должно быть выкорчевано с корнем, так как оно, по его мнению, вредит развитию человечества. Сделать это можно различными путями. Первый из них состоит в преодолении всех классовых различий между людьми. То фактическое преодоление классовых и сословных различий, о котором я говорил вам вчера, большевизму не подходит. Ведь он сам мыслит, в общем-то, буржуазно. То же, о чём я вам говорил вчера, мыслится не буржуазно, а мыслится по-человечески. Он хочет по-своему преодолеть классовые и сословные различия. И он говорит себе, что современные государства по своей структуре построены на основе буржуазного жизнепонимания; поэтому формы современных государств должны исчезнуть. Всё то, что в современных государствах является придатком буржуазии: полиция, армия, судопроизводство – всё это должно исчезнуть. Так что всё, созданное буржуазией для своей безопасности, для своего судопроизводства, должно исчезнуть, а вместе с ним должна исчезнуть и сама буржуазия. Вся власть, вся организация социальной структуры должны перейти в руки пролетариата. Благодаря этому государство, каким оно было до сих пор, отомрёт и пролетариат будет управлять совокупной структурой общества, совокупной общественной жизнью. Этого нельзя достичь с помощью старых институтов, созданных буржуазией, этого также нельзя достичь с помощью парламента и тому подобных народных представительств, избранных на основе того или иного избирательного права, как это имело место при

буржуазном жизневоззрении; ибо, если и дальше избирать представительный орган управления, то в него снова попадёт буржуазия. Таким образом, со всеми подобными представительными органами, избираемыми на основе того или другого избирательного права, к нужной цели не прийти. Поэтому дело заключается в том, чтобы своё место заняли те установления, которые происходят от самого пролетариата, рождаются в его голове, которые не может взрастить никакая буржуазная голова, поскольку голова буржуа способна создавать только такие установления, которые потом нужно преодолевать. Поэтому править может не какое-то там национальное или учредительное собрание, а лишь одна диктатура пролетариата. Это значит, что вся социальная структура должна быть преобразована в диктатуру пролетариата. Только пролетариат способен знать, как устранить буржуазию из мира. Ведь буржуазия, заседай она в представительных органах, никогда бы не додумалась устранить саму себя из мира; поэтому совершенно необходимо крупную буржуазию, мелкую буржуазию, мещан (третье сословие), лишить всех гражданских прав. Влияние на социальную структуру должны иметь те люди, которые в подлинном смысле являются пролетариями, то есть те, кто производит работу, в которой нуждается общество.

В смысле этого пролетарского мировоззрения, всякий, ставящий в какой бы то ни было форме себе на службу других людей и оплачивающий их труд, не должен обладать никаким правом голоса. Так что, всякий, нанимающий людей и платящий им за оказываемые ими услуги, должен быть лишён права как-либо участвовать в жизни социальной структуры. А, следовательно, – и избирательного права. Точно также лишается права голоса и тот, кто живёт на проценты со своего состояния, рантье. Точно также не имеет права участвовать в выборах торговцев, не занятый производительным трудом, и перекупщик. Таким образом, все эти люди, живущие на проценты, нанимающие на оплачиваемую ими работу других людей, торговцы, перекупщики не могут входить в органы управления в условиях диктатуры пролетариата. Ибо эта диктатура пролетариата не предоставляет ни свободы слова, ни свободы собраний, ни свободы организаций, но допускает только собрания тех, кто занят производительным трудом. Все остальные свободного слова, права собраний, права соединяться в каких-либо организациях, лишаются. Также свободой печати наслаждаются только занятые производительным трудом. Буржуазная пресса подавляется, становится недопустимой. – Таковы, примерно, те максимы, которые должны быть осуществлены в, так сказать, переходный период. И если этим максимам дать действовать в течение некоторого времени, то в мире, – как обещает пролетарское мировоззрение в случае своей победы, – наконец, останется одно трудящееся человечество. В мире будут существовать одни пролетарии. А вся буржуазия, мещане будут искоренены.

К перечисленным вещам, имеющим значение для переходного периода, примыкают другие, имеющие длительное значение. К последним относится, например, обязанность всех трудиться. Каждый человек обязан исполнять какую-либо работу, в которой нуждается общество. Другой решающий принцип, также имеющий длительное значение, состоит в отмене частной собственности на землю. Крупная собственность переходит к сельскохозяйственным коммунаам. Частной собственности на землю, согласно этому пролетарскому мировоззрению, не должно существовать в будущем. Промышленные предприятия должны быть изъяты у предпринимателей и преданы обществу, должны управляться централизованным рабочим правлением; на вершине, при этом, стоит верховный совет народного хозяйства. Именно таков большевизм в России.

Банки должны перейти к государству; устанавливается всеобъемлющая, охватывающая всё общество бухгалтерия, учитывающая всё производство. Вся

внешняя торговля производится государством, также государственными становятся все предприятия.

Таковы основные принципы, составляющие идеал Троцкого и Ленина, через которых, как вы можете видеть, выступают, я бы сказал, главные пункты того, чего хочет современный пролетариат.

Ничего нельзя поделать с тем, что ежедневно узнают из газет – сколько кровавых дел было совершенно благодаря большевизму. Если кровавые деяния большевизма сравнить с бесконечным числом кровавых деяний, совершённых в этой войне, то первые окажутся сильно уступающими вторым. Главное же заключается в том, чтобы увидеть остающееся незамеченным, проходящее мимо внимания, чтобы благодаря этому, будущее развитие человечества сопровождать мыслями. Человеку необходимо научиться сначала душевно, а потом духовно постигать суть того, что находится во внутренней связи со всем движением человечества вперёд. Именно такова задача духовной науки: душевно и духовно постигать происходящее.

Должны окончиться времена, когда во время ленивых воскресных посещений, людям, для так называемого согревания души, с кафедр говорится бессвязный вздор, не имеющий никакой связи с жизнью. На смену тем временам должны прийти другие, когда каждому, имеющему желание соучаствовать в духовной жизни, вменялось бы в обязанность оглядываться также и на внешнюю жизнь, стоять в непосредственной живой связи с нею. Немалую долю вины за несчастья нашего времени несут люди, издавна правящие религиозными чувствами человечества, потому что со своих мест, со своих кафедр они говорят вещи, не имеющие ни малейшей связи с жизнью вообще, произносят речи, несущие человеческим сердцам, человеческим душам расслабляющий вздор, способный вызывать приятное томление, но не способный найти никакой связи с жизнью. Поэтому жизнь стала безбожной, поэтому жизнь стала бездуховной и, в конце концов, пришла к хаосу.

Ищите причины многих долгов, за которые теперь приходится платить, именно в пустой болтовне, например, тех, кто управляет религиозными чувствами и при этом не имеет никакой связи с жизнью. Чего достигли они в эпоху, когда развилось совершенно новое человечество в форме пролетариата, чего достигли они, эти люди, возвещавшие с кафедр ненужный вздор, такой вздор, который могут слушать только те, кто сами страстно желают быть введёнными в заблуждение относительно подлинной реальности жизни? Времена настали слишком серьёзные и говорить о них необходимо серьёзно.

Когда говорится о том, что люди должны обрести интерес друг к другу, то это следует понимать не в смысле того, что даётся в воскресных послеобеденных проповедях, а в смысле глубинного познания социальной структуры современного общества. Возьмите конкретный случай. Сейчас существует множество людей, которые о жизни, о своей собственной личной жизни имеют самое абстрактное, спутанное представление! Если кто-то из них, например, спрашивает себя: "Как я живу? – они, правда, этого почти никогда не делают, но представим себе, что они это сделали бы, – то в ответ себе он говорит: Ну, как? – на собственный счёт". И среди тех, кто говорит: "на собственный счёт", – имеется множество таких, кто этот свой счёт получил, например, по наследству от родителей. Но теперь они полагают, что живут на собственные деньги, хотя и получили их по наследству. Но, мои дорогие друзья, ведь на деньги жить нельзя!

Деньги не есть что-то такое, чем можно жить. Здесь должно начинаться размышление. И затронутый вопрос внутренне связан с действительным интересом человека к человеку. Кто здесь считает, что на те деньги, которые он получил по наследству или каким-либо другим способом, исключая нормальный путь, когда их зарабатывают, он может жить, кто считает, что он

может жить на деньги, тот не имеет никакого интереса к окружающим его людям, ибо жить на деньги нельзя. Человеку нужно есть, а то, что он съедает, должно быть произведено людьми. Человеку нужно одеваться, а то, во что он одевается, должно быть сделано людьми. Чтобы я мог ходить в костюме, люди должны часами производить работу, чтобы его изготовить; должны работать для меня. Поэтому я живу не на мои деньги. *Деньги не имеют никакой ценности, кроме той, что дают мне власть использовать работу других.* И в тех социальных отношениях, в которых люди живут сегодня, интерес у человека к человеку возникнет лишь тогда, когда соответствующим образом решат указанный вопрос, когда в каждом уме со всей отчётливостью встанет: столько-то и столько-то людей должны в течение столько-то часов работать, чтобы я мог жить в социальной структуре. Дело тут заключается не в том, чтобы, ублажая себя, говорить: "Я люблю людей". – Людей не любят, когда считают, что живут на свои деньги и не имеют ни малейшего представления о том, как трудятся люди, чтобы обеспечить себе хотя бы жизненный минимум!

Но эта мысль, что такое-то вот число людей работает столько-то времени, чтобы обеспечить себе жизненный минимум, неразрывно связана с другой мыслью, что *вернуть что-либо социуму можно, опять-таки, не в виде денег, а в виде работы, которую для этого необходимо исполнить.* И только, когда почувствуют себя обязанными вернуть в какой-либо форме то количество работы, которое взяли для своих нужд у других, только тогда появится у человека интерес к своим ближним. А когда своим ближним дают деньги, то это лишь означает, что своих ближних держат на привязи, в оковах рабства, заставляют их работать на себя.

Не могли бы вы из собственного опыта ответить сами себе на вопрос: многие ли люди думают, что деньги представляют собой чек на человеческую рабочую силу, что они есть лишь средство власти? Многие ли люди ясно представляют себе, что их вообще не могло бы быть в этом физическом мире, если бы не работа других людей, которую они используют для своей жизни? – чувствовать себя в долгу перед обществом, в котором живёшь, – здесь лежит начало того интереса, который должен развиваться в здоровом социальном организме.

Все эти вещи необходимо хотя бы однажды самостоятельно продумать, иначе можно нездоровым образом впасть в спиритуальные абстракции и нездоровым образом взойти от физической действительности к духовной. Отсутствие интереса к социальной структуре особенно характерно для последнего столетия. Ибо в последнем столетии у людей мало-помалу выработалась привычка лишь для пользы собственной персоны развивать интерес к социальным импульсам; в той или иной мере, прямо или косвенно всё было нацелено на собственную пользу. Здоровая же социальная жизнь возможна только в том случае, если интерес к своей ценной персоне будет расширен до действительного социального интереса. И в этом отношении буржуазия должна спросить себя: "Что мы сделали?". – Следует однажды обдумать следующее: существует духовная культура, существуют произведения искусства; я хочу понять одну вещь – спрашиваете вы себя: – многим ли людям доступны эти произведения искусства? – Или, лучше спросите себя так: многим ли людям произведения искусства совершенно не доступны? Для скольких людей произведений искусства всё равно, что не существует совсем? – При этом взвесьте так же и другое: сколько людей должны были работать, чтобы эти произведения искусства могли теперь существовать. Какое-либо произведение искусства находится теперь в Риме. Буржуа может поехать в Рим. Подсчитайте, сколько работы должно быть произведено трудящимися и т. д. и т. д. – у этого "и т. д." нет конца, – чтобы этот буржуа мог поехать в Рим и получить, таким образом, возможность созерцать нечто, существующее там

для него, поскольку он буржуа, и что как будто совсем не существует для тех людей, которые теперь начинают проявлять своё пролетарское жизнепонимание. Как раз в среде буржуазии сложилась привычка рассматривать наслаждение как нечто само собой разумеющееся. Но наслаждение совсем не должно рассматриваться как нечто само собой разумеющееся. Напротив, как социальный грех следует рассматривать то наслаждение, которое не возмещено в той или иной форме эквивалентным ему вкладом в общество. Ничто не должно оставаться бесполезным для общества. *В природном и духовном порядке нет ничего, что не жило бы за счёт общего.*

Время и пространство являются искусственными, а не действительными препятствиями. Вещи, связанные с одним местом, могут быть воспроизведены где угодно, они могут стать доступными для всех людей. А вещи, которые можно многократно воспроизвести, уже не связаны с отдельным местом, они могут быть – таков абсолютно всеобщий закон – донесены до любого места. Это не более, чем предрассудок буржуазного мировоззрения, будто бы Сикстинская Мадонна окончательно связана с Дрезденом и может быть увидена только теми, кто в состоянии приехать в Дрезден. – Ибо она подвижна, она может быть перевезена в любую часть мира. И можно позаботиться о том – я привожу это лишь как пример, – чтобы и другие могли наслаждаться тем, чем наслаждаются одни.

Я привёл пример, но я выбрал такой пример, который может быть примером для всего остального, то есть он может разъяснить и многое другое. Как вы видите, необходимо лишь взять правильный тон и тогда можно соприкоснуться со всей полнотой вещи, о которой людям, собственно говоря, не обязательно размышлять далее, но которую следует принимать как нечто само собой разумеющееся. В самом нашем кругу, где многое так очевидно, нет нужды постоянно размышлять о том, что нельзя просто наслаждаться, что за всё, использованное для личных нужд, в социум должен быть внесён соответствующий эквивалент.

Теперь у вас, на основании всего, что я показал на отдельных примерах, но их можно увеличить не только в сотни, но в тысячи раз, может возникнуть вопрос: так, как же может быть иначе, если деньги являются лишь средством власти? – Ответ находится уже в готовом виде в том принципе, о котором я говорил здесь на прошлой неделе; ибо основная особенность того, что я вам излагал как род социальной науки, почерпнутой из духовного мира, состоит в том, что она настолько же надёжна, насколько надёжна математика.

В таких вещах дело заключается не в том, что кто-то, обращаясь к практической жизни, говорит: "Ну, мы ещё должны посмотреть, в самом ли деле это так?". – Нет, то, что я вам излагал как социальную науку, почерпнутую из духовной науки, носит, примерно, тот же характер, что и теорема Пифагора. Если вы возьмёте теорему Пифагора и узнаете, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, то никакой опыт не может этому противоречить, и вы можете применять это правило повсюду. Точно также обстоит дело с тем принципом о котором я вам говорил, как о принципе социальной науки и социальной жизни.

Всё, что человек получает как плату за свой труд в социальной взаимосвязи, является нездоровым. Оздоровливающим для социальных взаимосвязей может быть только такое положение, при котором человек будет существовать не за счёт своей работы, а за счёт других общественных источников.

Это как будто бы противоречит уже сказанному мною прежде, но так только кажется. Работа как раз тогда-то и приобретёт ценность, когда не будет оплачиваться. Необходимо попробовать пойти в том направлении –

разумно, конечно, не по-большевистски, – где работа перестаёт быть источником средств существования. Это я ещё раз повторяю: если люди перестанут получать плату за свою работу, то деньги как средство власти потеряют свое значение по отношению к работе. Нет никакого другого средства исключить злоупотребление деньгами, кроме перестройки всей социальной структуры таким образом, чтобы никто не мог получать плату за свою работу и средства к существованию поступали бы с совершенно другой стороны. Тогда бы вы, естественно, принуждая кого-либо работать за деньги, ничего не смогли бы достичь.

Большинство современных вопросов всплывает таким образом, что за их решение с самого начала берутся весьма сбивчиво. Если вы хотите пробиться к ясности, то вам может помочь только духовная наука. В будущем деньги ни в коей мере не смогут служить эквивалентом человеческой рабочей силы, но – только безжизненных товаров. *Только безжизненные товары будут в будущем получать за деньги, а не человеческую рабочую силу.* Это бесконечно важно понять, мои дорогие друзья.

А теперь задумайтесь над тем, что именно из пролетарского мировоззрения в различных обликах было заявлено: в условиях современного индустриализма рабочая сила представляет собой, прежде всего, товар. Ведь таково краеугольное положение марксизма, положение, с помощью которого он действует на большинство своих прозелитов и в среде пролетариев. Отсюда вы видите, что благодаря путанице и заблуждениям из совершенно другого угла всплывают требования, которые должны быть удовлетворены совсем в ином месте. И в том состоит особенность социальных требований современности, что они, до тех пор, пока выступают инстинктивно, проистекают из правильных и здоровых инстинктов, но, попадая в хаотическую социальную структуру, становятся спутанными и ведут также к путанице. Так происходит во многих областях. Поэтому столь необходимо усвоить действительное духовнонаучное социальное мировоззрение, поскольку лишь оно одно способно принести истинное оздоровление.

Но теперь вы спросите: а способно ли такое познание вызвать перемены в жизни? Ведь если у кого-то есть состояние, полученное, например, наследство, то он и впредь будет покупать товары за деньги, несмотря на то, что в деньгах оказывается заключённой рабочая сила других людей. Это останется неизменным, скажете вы. Да, если вы мыслите абстрактно, то тогда ничто не изменится. Но если бы вы увидели те *последствия*, которые возникнут в том случае, если образование средств для существования отделить от работы, то вы бы судили иначе. Ибо в действительности так не бывает, чтобы всё сводилось к извлечению абстрактных следствий. Вещи вызывают реальные последствия.

Если бы действительно случилось так, что образование средств существования было отделено от платы за труд, то тогда не стало бы никаких наследств. Это вызвало бы такое изменение структуры, что не стало бы никаких денег, кроме тех, что употреблялись бы для приобретения товаров. Ибо, если дело продумать реально, то можно увидеть, что из него возникает целый ряд следствий. И среди других, отделение средств существования от связи с работой имеет одно совершенно особое следствие. Тут, если говорить о реальности, нельзя делать заявлений, подобных следующему: "Я этого не вижу". – В подобном случае вы могли бы сказать и так: "Я не вижу, почему морфий вызывает сон". – Кое-что происходит не от простого сплетения понятий, и вы поймете, о чем у нас идет речь, только тогда, когда исследуете следствия.

Сегодня в социальном строе присутствует нечто в высшей степени противоестественное, оно заключается в том, что деньги могут увеличиваться, если вы их просто имеете. Их можно положить в банк и получать с них

проценты. Это противоестественно в высшей степени. Это просто бессмыслица. Человек ничего не делает; он кладёт в банк деньги, которые, может быть, даже не заработал, а получил в наследство, и получает на них проценты. Это полнейшая бессмыслица. Но, если получение средств существования отделить от работы, то придёт необходимость денег, если они имеются, если они произведены, израсходовать в качестве эквивалента товаров, имеющихся в наличии. Они должны быть использованы, они должны циркулировать. Ибо реально выступают последствия, в силу которых деньги не смогут умножаться, а только убывать. Если сегодня некто имеет определённую сумму денег, то при хорошем проценте он может её удвоить в течение четырнадцати лет; для этого ничего не нужно делать, только ждать. Но если социальная структура изменится под влиянием того принципа, который я вам изложил, то деньги уже не будут умножаться, а только убывать; и через несколько лет те банкноты, которые у меня есть сейчас, не будут иметь никакой ценности, они обесценятся, они потеряют всякую ценность.

Благодаря этому естественному процессу в социальной структуре наступят такие изменения, что деньги, являющиеся сами по себе лишь видимостью, лишь знаком определённой власти над человеческой рабочей силой, через некоторое время обесценятся, если не будут пущены в обращение. Так что, не будет происходить умножение, а только прогрессивное убывание, и через четырнадцать лет, или чуть позже, то, чем обладают сегодня, станет равным нулю. Если вы сегодня являетесь миллионером, то через четырнадцать лет ваши миллионы не удвоятся, но вы станете нищим, если за это время не заработаете новых денег.

Когда сегодня слышат подобные вещи, то чувствуют как бы зуд от неких "зверей", если воспользоваться сравнением. Я это знаю, я бы не сделал такого сравнения, если бы не видел примечательного движения в аудитории. Но по той причине, что подобные вещи воспринимаются как зуд от неких "зверей", в мире ныне существует большевизм. Вы только ищите правильные основания. Правильные основания лежат как раз здесь! И вы не устраните из мира выходящее в нём наружу, иначе, как пожелав обратиться к истине. Нет нужды, что истина неприятна. И это имеет отношение к воспитанию человечества в настоящем времени и в ближайшем будущем; что исчезнет вера, будто истина должна зависеть от субъективных оценок, от субъективной симпатии и антипатии. А о том, чтобы истина постигалась здоровым человеческим рассудком, – об этом должна позаботиться духовная наука. Ибо факты необходимо рассмотреть также и с духовной стороны. Мне приходилось слышать от антропософов, как, взяв в руки деньги, они с пафосом восклицают: "Это Ариман!". – С подобным пафосом нельзя ничего достичь. Деньги сегодня являются эквивалентом товаров и рабочей силы, чем указывается на происходящее в действительности. Если от абстракций перейти к действительности, то следует сказать себе: "Если у меня есть десять стомарочных видимостей, и я их даю кому-то, то я при этом из рук в руки, вместе с этими десятью стомарочными видимостями, передаю определённое количество человеческой работы, ибо в этих видимостях заключена власть над работой определённого количества людей". – Если я так говорю, то, значит, я пребываю в действительной жизни. Я пребываю в жизни со всеми её разветвлениями и импульсами, и тогда я не остаюсь с абстракциями, тогда я не занимаюсь абстрактным подсчётом денег, но спрашиваю себя: "Что это означает, когда я из рук в руки передаю десять стофранковых видимостей, которые вызваны к существованию тем, что столько-то человек, имеющих голову, сердце и душу, должны были работать? Что это означает?" Ответ на поставленный вопрос даёт, в конце концов, только духовное рассмотрение сути дела. Возьмём крайний случай, дорогие друзья. Представим себе, что кто-то обзавёлся деньгами, без того, чтобы тратить при этом силы на пользу человечества. Такие случаи имеются. И я хочу рассмотреть такой крайний

случай. Итак, некто обладает деньгами, не сделав при этом ничего полезного для человечества. На имеющиеся у него деньги он что-то покупает для себя. Он может с большими удобствами устроить свою жизнь благодаря этим деньгам, обусловленным человеческой работой. Прекрасно. Такому человеку нет нужды быть плохим, напротив, он может быть очень хорошим, даже чрезвычайно отзывчивым человеком. Ведь социальной структуры чаще всего просто не видят. Не имеют интереса к окружающим людям, а, значит, и к действительной социальной структуре. Считают, что любят людей, когда на унаследованные деньги что-то покупают для других или дарят им сами деньги. Однако, если такой человек делает подарок, то это означает не что иное, как то, что он заставляет такое-то количество людей работать на того, кому он подарил эти деньги. Они есть лишь средство власти. Благодаря тому, что деньги указывают на рабочую силу, они есть средство власти.

Но, дорогие друзья, имеется причина, по которой всё это так стало. В сложившемся положении отражается кое-что другое, о чём я говорил в предыдущей лекции. Там я обращал ваше внимание на то, что Бог Ягве получил на некоторое время господство над миром благодаря тому, что сверг других Элоимов и теперь не может больше спастись от духов, которых он пробудил по этой причине. Своих товарищей, других шесть Элоимов, он сверг. Благодаря этому в человеческом сознании может стать господствующим лишь то, что человек пережил ещё в эмбриональном состоянии. А потому шесть других сил, которые человек не может переживать во время эмбрионального развития, остаются бездеятельными, попадают из-за этого под влияние низших духовных существ. И в 40-е годы (XIX в.), как я вам говорил, Ягве больше не мог спастись от них. И тогда прорвалось – поскольку мудрость Ягве, вырабатываемая эмбрионами, способна провидеть лишь внешнюю природу, а это провидение перестало быть понятным, – *прорвалось простое атеистическое естествознание*. Отражением этого и явилось развитие циркуляции денег, не сопровождаемой циркуляцией товаров; деньги переходят от одного человека к другому без того, чтобы при этом циркулировали товары. Но в той области, где деньги производятся как таковые, живёт ариманическая сила. Вы не можете получить наследство без того, чтобы вместе с деньгами к вам не перешло какое-то количество ариманической силы. Нет никакой другой возможности здоровым образом иметь деньги внутри социальной структуры, как только иметь их по-христиански, то есть приобретать их наравне со всем тем, что мы приобретаем в жизни между рождением и смертью. Так что способ, каким человек приобретает деньги, не должен быть отражением того, что является ягвестическим. Ягвестически мы рождаемся, то есть из эмбрионального состояния переходим во внешнюю жизнь. Отражением этого является наследование денег. Способности, которые мы наследуем через кровь, носят природный характер. Не заработанные, приобретённые путём наследства деньги являются отражением этого.

По той причине, что христианское сознание ещё не заняло своего места, что социальная структура всё ещё обуславливается мудростью Ягве или её призраком, романским государственным мышлением, возникают все те явления, которые влекут за собой одну сторону современных несчастий. Я говорил: нельзя абстрактно судить о том, что деньги создают деньги; этот процесс необходимо рассматривать в его реальности. Каждый раз, когда деньги создают деньги, мы имеем процесс, происходящий на физическом плане, в то время как человек постоянно находится в связи с духовным миром.

Что делаете вы, когда сами не работаете, а деньги имеете и даёте их тем, кто за них должен работать? В таком случае те люди (производители товаров) должны нести на рынок то, что является в них небесной частью, и за нее вы даёте им только земное; вы платите им только земным, ариманическим.

Такова, как видите, духовная сторона дела. А там, где в игру вступает Ариман, там возникает лишь распад.

Такова еще одна неприятная истина. Но нет никакого проку оттого, что некто говорит себе: "Ну, я-то порядочный парень! – или: я ведь порядочная женщина, я не делаю ничего незаконного, когда из своей ренты плачу за то, либо другое". – Поступая так, вы делаете не что иное, как за Бога отдаёте Аримана. Конечно, при современном состоянии социальной структуры человек бывает вынужден так поступать в силу множества обстоятельств. Но он не должен придерживаться политики страуса и перед фактами прятать голову в песок; он должен истине смотреть прямо в глаза. Ибо то, что должно принести будущее, во многом зависит именно оттого, будут ли люди смотреть истине в глаза. Многие из того, что столь катастрофически разразилось над человечеством, разразилось по той причине, что люди закрыли глаза, душевные глаза перед истиной, что они сжились с абстракцией, с абстрактными понятиями правого и неправого и не захотели иметь дела с действительностью, с конкретной жизнью. Об этом мы продолжим разговор завтра и взглянем тогда на дело с духовной высоты.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Дорнах, 1 декабря 1918 г.

В ходе наших рассмотрений необходимо, как мне представляется, бросить короткий взгляд на тот образ, какой должно иметь социальное мышление современности. Я бы хотел сегодня к уже сказанному добавить кое-что такое, что позволило бы вам подняться, в рассматриваемых нами вещах, на уровень выше, что, в связи с особыми требованиями духа нашего столетия, является совершенно необходимым. Все те вещи, о которых я говорил и ещё буду говорить – я бы хотел это ещё раз повторить, – я прошу вас рассматривать таким образом, что в них не содержится критики времени и его отношений, но, главным образом, даётся материал для выработки суждений, материал, имеющий единственную цель: сформировать основу для пронизательного наблюдения происходящего. Духовнонаучной точкой зрения не может быть та, которая занята социальной критикой, но единственно только та, которая без пессимизма и оптимизма указывает на происходящее в действительности. При этом, конечно, приходится пользоваться словами, которые, естественно, то стой, то с другой стороны, воспринимаются как критика тех или иных общественных классов. Но это не так. Если здесь говорилось о буржуазии, то говорилось как об исторически необходимом явлении, а не с целью выдвинуть упрек против того, что ведь с определённой духовнонаучной точки зрения было просто необходимостью. Так прошу я Вас понимать вещи, о которых я буду сегодня говорить.

Прежде всего, мы пойдём от того всеобъемлющего импульса, который во всех или в большинстве массовых движений, а также и в пролетарском социальном требовании, выражен в какой-то мере сознательно, а какой-то мере бессознательно, инстинктивно, спутано и туманно; но в то же время он достаточно твёрдо лежит в их основе. Этот импульс состоит в стремлении, исходя из определённого идеала, образовать социальный строй, который был бы со всех сторон удовлетворительным. При этом, если прибегнуть к радикальной – а значит фальшивой – характеристике, то, что лежит здесь в основе, то можно было бы сказать: люди хотят придумать и построить такой социальный строй, который бы стал раем на Земле или, по меньшей мере, принёс с собой для

всех возможность вести человечески достойную, счастливую жизнь; такой строй рассматривается пролетариатом в наше время как достойный того, чтобы к нему стремиться – его осуществление называют "решением социальных вопросов", и то, о чём я вам уже говорил, инстинктивно скрывается за таким "решением социальных вопросов".

Так вот, в отношении этого "решения социальных вопросов" необходимо, чтобы представитель духовной науки, не предающийся иллюзиям ни в какой сфере, но считающий себя обязанным всегда пробиваться к действительности, также и здесь никаким иллюзиям не предавался. Ибо именно в этой сфере часто случается, что человек деятельный или стремящийся к пониманию, пребывает на точке зрения, не свободной от иллюзий, на точке зрения, обременённой множеством иллюзий и, прежде всего, содержащей в себе основную иллюзию, *будто социальные вопросы можно решать*.

Это происходит, до некоторой степени, потому, что наше время не имеет никакого понятия о разнице между физическим планом и духовным миром, что это наше время, до некоторой степени инстинктивно считает физический план за единственный мир, и что на этом физическом плане можно наворочить рай. Поэтому оно вынуждено верить, что человеку суждено либо нигде не найти справедливости, гармонизации своих желаний и потребностей, либо найти их внутри физического земного бытия. Но тому, кто рассматривает мир имажинативно, кто, таким образом, приходит к истинной действительности, физический план являет себя иным, и о нём можно сказать: в нём нет никакого совершенства, а лишь одно несовершенство. Поэтому об окончательном решении социальных вопросов вообще невозможно говорить. Вы бы могли, если хотите, из глубочайшего познания попытаться решить социальные вопросы, но они ни в коей мере не разрешимы в том смысле, как это предлагают сегодня очень многие люди. Однако отсюда не следуем, что люди должны сказать себе: Ну, раз социальные вопросы не разрешимы, то оставим всё, как есть, предоставим всему старому вздору возможность существовать и далее.

Дело тут обстоит так, как при качании маятника: сила, отклоняющая его в одну сторону, становится силой, отклоняющей его затем в другую. Таким образом, как при отклонении маятника скапливается сила, влекущая его затем в обратном направлении, так нечто подобное происходит и в исторической жизни человека. Любой социальный строй, который вы считаете подходящим или даже наилучшим для какой-либо эпохи, приходит через некоторое время, если вам удаётся его осуществить, в расстройство. *Эволюция не идёт по равномерно восходящей линии, эволюция проходит через отливы и приливы, она волнообразна*. И то лучшее, чего вам удаётся добиться на физическом плане, само вызывает через некоторое время силы, которые его же уничтожают. И дела человеческие обстояли бы совсем иначе, если бы был распознан этот *неумолимый закон исторического развития*. Тогда бы не думали, что можно основать на Земле рай в абсолютном смысле этого слова, но были бы вынуждены всмотреться в циклический закон человеческой эволюции. И если хотят дать абсолютный ответ на вопрос: какой должна быть социальная жизнь? – то правильно сделают, дополнительно спросив: что должно быть сделано для нашего времени? Чего требуют импульсы именно *нашей, пятой послеатлантической культурной эпохи!* Что здесь должно быть внесено в действительность? – Когда осознают, что всё, что бы ни делалось, будет в ходе циклических переломов вновь уничтожено, тогда смогут понять, что *социально мыслить можно лишь в относительном смысле*, распознавая импульсы развития каждой конкретной эпохи. Нужно работать с действительностью. Человек работает против действительности, когда считает, что с помощью абстрактно-абсолютных идеалов в ней можно сделать что-то полезное.

Для сторонника духовной науки, желающего иметь дело с реальностью, а не с иллюзией, вопрос сводится к следующему: что хочет реализовать себя непосредственно в данной Действительности ?

В смысле такого вопроса были сделаны и вчерашние сообщения, и вы истолкуете меня совершенно ложно, если подумаете, будто я считаю возможным построить вечный рай, если отделить заработную плату от работы. Ничего подобного! Я говорил, исходя как из необходимости, из глубокого закона того человеческого развития, которое должно иметь место теперь. Ибо позади того, что люди имеют в сознании, к чему тяготеет пролетарское жизнепонимание, если даже временами оно выставляет столь радикальные требования, как те, о которых я вам вчера рассказывал как о большевистский требованиях, – позади всего этого лежит то, что люди хотят осуществить инстинктивно. И кто считается с действительностью, не станет предлагать программы, в том числе и русский Совет республик, но займётся тем, постарается вникнуть в то, что сегодня инстинктивно стоит за подобными вещами, о которых внешне звучит один только лепет. Вот, собственно говоря, в чем заключается всё дело; и кто в нем не разберётся, тот ничего и не поймёт. То, к чему стремятся инстинктивно, заложено в самом характере нашей пятой послеатлантической эпохи, которая существенно отличается от предыдущей, четвёртой, греко-латинской и, тем более, от третьей, египетско-халдейской эпохи. В социальных отношениях люди сегодня должны – не как отдельные, индивидуальные существа, но в социальных отношениях – там, где они выступают группой, хотеть чего-то совершенно определённого. И они хотят этого инстинктивно. Они хотят того, чего в четвёртой послеатлантической эпохе, вплоть до XV столетия нашего христианского летосчисления, они не могли хотеть. Они хотят достойного человека бытия, что означает: они хотят, чтобы в социальной структуре было отражено исполнение того, что в нашу эпоху является идеалом человечества. Люди сегодня инстинктивно хотят, чтобы *то, чем является человек, было отражено в социальной структуре.*

Такого не было в третьей послеатлантической, в египетско-халдейской эпохе. Также и во второй эпохе все было иначе. В ту вторую, то есть в древнеперсидскую эпоху, человек ещё целиком пребывал в своём внутреннем, человек тогда был всецело внутренним существом. Он тогда не внешне, а инстинктивно стремился распознать в мире то, что он имел внутри себя как потребности; человек тогда не требовал никакой социальной структуры, которая позволила бы ему вовне познавать то, что внутри его жило как желания, инстинкты, потребности. Затем пришла третья послеатлантическая эпоха, египетско-халдейская. Здесь человек потребовал, чтобы одна часть его существа являлась ему как отражение во внешней социальной действительности, а именно та, которая связана с головой. Поэтому мы видим, как начиная с третьей послеатлантической, египетско-халдейской эпохи, осуществляется поиск теократического социального устройства, способного все стороны жизни пронизать теократически-религиозным принципом. Всё остальное тогда оставалось ещё инстинктивным.

Всё, относящееся ко второму человеку, к грудному человеку, к человеку дыхания, а также относящееся к человеку обмена веществ – всё это оставалось инстинктивным. Тогда человек ещё не думал о том, чтобы каким-то образом смотреться в зеркало внешнего социального устройства. В древнеперсидскую эпоху существовала только инстинктивная религия, ведомая посвященными зараостризма. А всё то, что развивал человек, было ещё внутренне инстинктивным. У него ещё не было потребности рассматривать вещи внешне, в отражении, в социальной структуре. Только во время, окончившееся, примерно, основанием древней Римской Империи – это 747 год дохристианского летосчисления, – только во время, предшествовавшее

этому году, человек начал требовать, чтобы в социальном строе можно было находить то, что как мысли жило в его голове.

Затем пришла эпоха, начавшаяся в восьмом столетии, в 747 г. дохристианского летоисчисления и окончившаяся в XII столетии христианского летоисчисления, греко-латинская эпоха. Здесь человек потребовал, чтобы внешне в социальной структуре отразились два члена его существа: головной и ритмический человек, или человек дыхания, грудной человек. Отражаться должно было и древнее теократическое устройство, но теперь лишь в отголоске. Фактически все теократические устройства имеют много общего с теократией третьего послееатлантического периода, в том числе и католическая церковь. В четвёртой послееатлантической эпохе в дополнение к тому, что пришло из предыдущей эпохи, возникло нечто новое: внешнее учреждение – *республика*, такое учреждение, которое строило своё управление внешней жизнью на основе права и тому подобного. Человек требовал, чтобы два члена своего существа он не только носил в себе, но мог бы их видеть отражёнными извне. Вы не поймёте, если не будете знать, что жизнь обмена веществ, которая выражается в экономической структуре, оставалась в ней инстинктивной, внутренней, и внешнего её отражения тогда не требовалось. Тенденция же требовать для этого также и внешнего выражения впервые выступила начиная с XV столетия христианского летоисчисления. Изучите историю, какой она является в действительности, а не легенды о ней, фабрикуемые нашей так называемой исторической наукой, и вы найдёте внешние подтверждения того, что я вам сообщал на оккультных основаниях о рабстве в Греции, без которого греческая культура, которой мы так восхищаемся, немислима. Всё, о чём я вам сейчас говорю, вы найдёте в социальной структуре четвёртой послееатлантической эпохи, где господствует стремление иметь вовне правовое, религиозное общественное устройство, но не более, чем инстинктивное – экономическое устройство.

И только в нашу эпоху, начавшуюся в XV столетии по Р.Х. впервые выступает требование видеть всего трёхчленного человека, отражённым во внешней социальной структуре, внутри которой он находится.

Таким образом, сегодня мы должны изучать трёхчленного человека, поскольку он развивает трёхчленный инстинкт: иметь во внешней структуре, в общественной структуре то, о чём я вам говорил: во-первых, духовную сферу, самоуправляющуюся, с собственной структурой; во-вторых, сферу безопасности и государственного управления, политическую сферу, которая, опять-таки, является самостоятельной; в-третьих, экономическую сферу, внешняя организация которой впервые потребовалась в наше время. Видеть человека, реализованным в образе социальной структуры – это, как инстинкт, впервые выступает в нашей эпохе и является глубоким основанием того, что простой экономический инстинкт больше не действует, но тот экономический класс, который возник впервые, пролетариат, стремится к тому, чтобы сознательно создать внешнюю экономическую структуру, подобно тому, как четвёртая послееатлантическая эпоха создала административную, правовую структуру, а третья, египетско-халдейская – теократическую.

Таково внутренне основание, дорогие друзья. А теперь, если вы разглядите это внутреннее основание, то сможете правильно судить о современных отношениях. Тогда вы также поймёте, почему восемь дней тому назад мне было нужно изложить вам сущность трёхчленного социального строя. Он, поистине, не выдумка, подобно тем программам, что изобретаются сегодня бесчисленными обществами, но исходит из тех сил, которые можно наблюдать, если обратиться к действительности эволюции. Этого можно достичь, если действительно конкретно и объективно понять эволюционные импульсы, действующие в развитии человечества. Время понуждает к такому пониманию. Только люди этому противятся. Любопытные наблюдения можно

здесь сделать. Совсем недавно появились "Письма одной дамы к Вальтеру Ратенау. Трансцендентальное грядущее". В этой книге говорится о самых разных вещах, например следующее: "В настоящей книге публикуется одно значительно воззрение, изложенное в письмах... Предрасположенная к видениям дама, сообщает в них издателю этой книги о своих необычных переживаниях, о том, что она знает душу времени и новое развитие мира. Силы будущего, борющиеся сегодня за возвышенный облик мира, являют здесь себя в отдельной человеческой судьбе как переживаемая действительность новых душевных сил".

Весьма примечательно, что там говорится об очень многих вещах, но весьма курьёзным образом. Дама в своих рассуждениях исходит из того, что человек должен развить высшие духовные способности, и только тогда он сможет увидеть истинную действительность. Книга заканчивается главой под названием "Заключительные космические рассмотрения мировой души и человеческой души", но дело в ней не идёт дальше того взгляда, что человек может иметь некоторые высшие способности; её автор не доходит до того, чтобы сказать, что же именно видит человек с помощью этих высших способностей. Получается вроде того, как если бы человека поучали, у тебя есть глаза, - но не говорили бы ничего о том, что он может этими глазами увидеть в действительности.

Примечательно также, какая позиция по отношению к духовной науке занимает сегодня некоторыми людьми. Они шарахаются прочь, когда при них начинают говорить о том, что же всё-таки можно увидеть. Упомянутой писательнице можно бы было сказать: "Ты придерживаешься того мнения, что в человеке могут быть развиты высшие способности; духовная наука существует здесь для того, чтобы говорить о том, что же именно видят в важнейших вещах, когда высшие способности бывают развиты. - Но люди отшатываются от этого, они не могут этого слышать".

Вы видите, как время тянется именно к тому, к чему хочет идти духовная наука, и как при этом в людях уживаются вместе вещи, о которых я говорил в моей последней статье "Люциферическое и ариманическое и их отношении к человеку" [*Эту статью можно найти в сборнике "Философия и антропософия. Статьи 1904 - 1923 годов". ИПН. 35.], опубликованной в журнале Александра фон Бернус "Царство". Получается так, что люди, признающие, собственно говоря, возможным для человека видеть духовную действительность, считают фантастами тех, кто теперь говорит об этой духовной действительности, о той действительности, которую они признают за истинную и которую человек может видеть. И подобные вещи могут сожительствовать в одной и той же душе.

Я упомянул ту даму, поскольку она не единственное явление. Выступающее в ней, выступает и во многих других случаях, ибо характерным является как раз то, что людей влечёт взглянуть выше обычной внешней действительности, но их не хватает на то, чтобы захотеть этого всерьёз, чтобы желаемое осуществить. Представьте себе, в той книге говорится, например, о том, что человек имеет определённое родство с космическими силами. Но только всё равно нельзя идти к людям и сообщать им то, что об этом говорится в моём "Очерке тайноведения"! Они от этого шарахаются. Однако социальных явлений, в том смысле, как я вам о них говорю, не понять, если вдаваться лишь в то, что можно увидеть, и игнорировать всё, чего увидеть нельзя. А увидеть невидимое бесконечно важно. Иначе будут постоянно впадать в ошибки подобные той, о которой я сегодня говорил в самом начале, что действительное в отдельном, индивидуальном случае абсолютизируют, что, например, задаются таким социальным вопросом: как ввести единое общественное устройство для всех людей на Земле? Ведь это пустой вопрос. Люди на Земле не одинаковы. И как раз в будущем различия между ними,

несмотря ни на какой интернационализм, будут проявляться всё более и более. А в результате получается, что от действительности наиболее удалены мысли того, кто полагает, будто можно одинаково заниматься социализацией что в России, что в Китае, что в Южной Америке, Германии или Франции.

В таком случае абсолютные мысли высказывают там, где действительности соответствуют единственно лишь индивидуальные, относительные мысли. Исключительно важно иметь это в виду.

Большую боль пережил я в последние годы, когда столкнулся с фактом, что в местах, где эти вещи должны бы были понять, их не понимали. Вспомните, как два года тому назад я показывал здесь карту, которая теперь реализована в действительности. Я показывал её не только вам. Я хотел, чтобы об этой карте тогда узнали, чтобы можно было объяснить, что с некоторой стороны идут определённые импульсы, а существует закон, по которому, если о тех импульсах будут знать, если в них вдумаются, если их примут в сознание, то тогда в них можно будет внести *поправки*, тогда им можно будет дать *иное направление*. Очень важно их понимать. Но не удалось найти никого, кто бы захотел к этому прислушаться, кто бы захотел разобраться в этих вещах, кто бы эти вещи принял действительно всерьёз. А что их нужно было принимать всерьёз, об этом свидетельствуют сегодняшние события.

Тут ещё необходимо принять во внимание тот факт, что знание некоторых краеугольных законов мировой эволюции в широком охвате, такое знание, которое сегодня деятельно выступает также и вовне, существует, в какой-то мере, только в некоторых тайных обществах народов, говорящих на английском языке. Это исключительно важный факт который нужно принять во внимание. Тайные общества других народов занимаются, в сущности говоря, одним пустозвонством. Зато тайные общества говорящих по-британски народов являются теми центрами, в которых с помощью определённых методов, о которых я когда-нибудь может быть расскажу, но сегодня это увело бы нас далеко от темы, добываются истины, в соответствии с которыми затем можно направлять политические события. Таким образом, можно сказать: силы, притекающие из тех тайных обществ в политику Запада, со знанием дела ставятся в связь с историей. Там считаются с законами исторического развития. Нет нужды внешним образом ставить все точки над "и", суть дела сводится к вопросу: со знанием ли дела или дилетантски, под влиянием произвольного случая, обращаются с законами исторического развития.

Крайне дилетантской, покинутой Богом была, например, политика Средней Европы. Не дилетантской, проводимой со знанием дела, профессиональной – если воспользоваться обывательским выражением – была политика по-британски говорящих народов, политика Британской Империи и её американского придатка.

Тут перед нами большая разница, нечто в высшей степени значительное, что нужно иметь в виду. Значительно оно по той причине, что известное в тех кругах, уже вливается в действительность. Оно вливается в инстинкты тех людей, которые вовне представляют политику и действуют только из политических инстинктов. За ними стоят силы, о которых я вам теперь говорю. Незачем спрашивать, являются ли Нортклиф или сам Ллойд Джордж* в той или иной степени посвященными в эти силы. Речь идёт не об этом, а о том, могут ли они поступать в духе тех сил.[*Виконт Нортклиф (Альфред Чарльз Вильям Хармсворт) (1865 – 1922). Давид Ллойд Джордж (1863 – 1945), с 1909 года – министр, в 1917 — 22 гг. – премьер-министр.]

Вам достаточно лишь увидеть, что их инстинкты на самом деле действуют в направлении тех сил. Да, так это и происходит. Указанные силы действуют в направлении мировой истории. Это существенно. Благоотворно действовать во

взаимосвязях мировой истории можно только в том случае, если со всей серьёзностью воспринять всё то, что здесь говорится о происходящем в мире. Силой обладает только тот, кто действует или позволяет действовать в смысле подлинной истории мира, а действия того, кто ничего не знает – лишены силы. Таким образом, сила побеждает бессилие. Таково внешнее свершение. Победа силы над бессилием сводится, в конце концов, к разнице между *знанием и незнанием*. Это необходимо иметь в виду.

И важным является то, что хаос, подготовляющийся теперь на Востоке и в Средней Европе, с одной стороны, показывает, как ужасно было всё то, что хотело в этом хаосе основать государственный строй и что теперь сметено; а с другой стороны – стало ясно, что происходящее в Средней и Восточной Европе обнаруживает во внешней жизни полнейший дилетантизм относительно этих вещей. На Западе, у ряда народов, говорящих по-английски, дилетантизм не господствует, там повсюду господствует – если, опять же, воспользоваться обывательским выражением – компетентное обдумывание этих вещей.

Но ведь это является, в то же время, тем, что даст истории её облик в ближайшие десятилетия. И можно ещё более высокие идеалы выставлять в Средней и Восточной Европе, можно иметь добрую волю, выступая с теми или иными программами, но со всем этим нечего делать до тех пор, пока не научатся исходить из тех импульсов, которые черпаются с той стороны порога сознания, чем, в конце концов, и занимаются на Западе, в среде говорящих по-британски народов; они свои импульсы берут по ту сторону порога сознания.

Те друзья, которые, по меньшей мере, слышали те вещи, о которых я говорю уже годами, как это делаю и сейчас перед вами, постоянно совершали в этом отношении одну ошибку, сбывавшую, как правило, с толку так же и наших лучших Друзей, ошибку, происходящую из следующей мысли: что толку говорить людям о том, что из определённых тайных Центров Запада исходят те или иные вещи, если, прежде всего, им нужно ещё привить веру в то, что такие тайные общества существуют. Это то и дело рассматривается как фундаментальная задача: пробуждение веры в существование подобных тайных обществ. Но не на это следует обращать внимание в первую очередь. Вы можете совсем мало рассчитывать на любезный приём, если государственному деятелю калибра Кюльмана[* Рихард фон Кюльман (1873–1948), в 1917–1918 гг. - государственный секретарь по иностранным делам.] захотите объяснить, что имеются тайные общества, осведомлённые о подобных импульсах. Дело совсем не в этом.

Ошибку совершают как раз тогда, когда это рассматривают как основополагающее. А рассматривают это как основополагающее по той причине, что среди антропософов всё ещё обитает, происходящий из старого теософского общества, обычай заниматься торгашеством тайнами. Считают, что если слово говорится таинственно или оккультно, что если можно сослаться на нечто тайное или оккультное, то этим приобретают особое уважение. Но таким образом ничто не действует плодотворно, когда речь идёт о внешней действительности. Задача заключается в том, чтобы указать на то, как совершаются события, указать просто на то, что доступно пониманию каждого, кто обладает здоровым человеческим рассудком.

Внутри тех обществ, где занимаются подобными оккультными истинами, претворяющимися в жизнь, высказывался, например, такой тезис: нужно следовать такой политике, что, когда для пользы русского народа русский царь будет свергнут, то в России должна быть создана возможность осуществить социалистический эксперимент, который нельзя осуществлять в западных странах, ибо здесь он представляется невыгодным, нежелательным.

Поскольку я говорю вам, что такое было сказано в тайных обществах, вы можете в этом сомневаться. Но если указывается на то, как все политические

тенденции осуществляются таким образом, что этот тезис реализуется в жизни, то тогда с обычным здоровым человеческим рассудком стоят в самой действительности, а всё дело заключается в том, чтобы пробудить понимание действительности.

Происходящее в России есть, в сущности говоря, реализация того, чего хотели на Западе. И то, что этот столь неуклюжий социалистический эксперимент осуществляется не англичанами, что всё там идёт вкривь и вкось, – это прекрасно знают в тех обществах, и голова у них об этом особенно не болит, ибо они знают, что эти страны должны быть доведены до того, чтобы там стал необходимым социалистический эксперимент. – А тогда, оставив их в неведении о сущности социального строя, им введут нужное социальное устройство, тогда можно будет самим править социалистическим экспериментом.

Вы видите, что в скрытии определённым образом оккультного знания, о чём весьма много заботятся в тех центрах, заложена огромная сила. И против этой силы нет никакого спасения, кроме познания, которое может быть приобретено с другой стороны и противопоставлено этой силе. В этой сфере не говорят о виновности и невиновности, в этой сфере просто говорят о необходимости, о вещах, которые должны прийти, поскольку они теперь уже пребывают в подосновах, в области сил, и если они ещё не стали явлением, то всё равно они уже обладают силами, действительностью и станут явлением.

Вряд ли стоит ещё подчёркивать, что я постоянно утверждаю, что существо немецких народов не может быть уничтожено. Это существо немецких народов должно искать свой путь. И дела как раз обстоят так, что оно может найти этот путь, но не должно его искать на ложных путях, на путях невежества.

Итак, отметьте себе, то, о чем я сейчас рассказываю – оно не противоречит сказанному мною в последние годы, ибо вещи имеют две стороны, – во многих отношениях обладает волей. И она может быть парализована, если в игру вступят силы с другой стороны; но нужно опираться на знание, а не на дилетантское невежество.

Видите ли, суть дела заключается в следующем: если с Востока – а под Востоком я имею в виду всё то, что простирается на восток от Рейна и далее в Азию – не возникнет никакого отпора, то британское мировое господство, с распадом романско-латинского, французского элемента, разовьётся в соответствии с намерениями тех сил, которые я сегодня, как уже не раз в прошлом, обозначил как стоящие за инстинктами. Они стоят за инстинктами. Поэтому нужно, чтобы с тем мышлением, к которому так приучены люди, не делалось всё то, что говорит Вудро Вильсон, но нужно с глубоким знанием постигать всё то, что, собственно, в таких людях, как Вудро Вильсон, выступает лишь в инстинктах и чем, затем, облакая во всевозможные формы, соблазняют людей, но, что только потому исходит из той или иной души, что эта душа определённым образом одержима подсознательными силами.

Дело ещё в том, что в кругах Запада, держащих в тайне знание, зорко следят за тем, как образуются определённые вещи, приводящие *при любых обстоятельствах* к господству Запада над Востоком. Люди сегодня, исходя из своего сознания, могут говорить всё, что им хочется, но в мире есть стремление основать *касту господ на Западе и хозяйственную касту рабов на Востоке*, который начинается от Рейна и простирается далее в Азию. Имеется в виду каста рабов не в древнегреческом смысле, но экономическая каста рабов, каста рабов, которая должна быть организована социалистически, социальная структура которой должна принимать самые невероятные формы; но эти формы не должны затем применяться в среде народов, говорящих по-английски.

Дело сводится к тому, чтобы народы, говорящие по-английски, сделать господами земли.

Да, той стороной это мыслится во всеобъемлющем смысле. И вот теперь я подошёл к тому, чтобы объяснить нечто такое, что я прошу вас воспринять в полном сознании: когда сегодня высказываются подобные вещи, то это делается под давлением событий времени и *легкомысленное к ним отношение поистине не позволительно*. То, что я здесь рассказываю, тщательно сохраняется в тайне теми центрами на Западе, на которые я часто указывал. И на Западе считается само собой разумеющимся, что люди на Востоке не должны ничего знать о тех вещах, которые, как я ранее говорил, с помощью определённых методов, о которых я возможно ещё расскажу, становятся известными этим центрам, поскольку, сохранив их в тайне от других – и единственно лишь с помощью этого, – они хотят с их помощью основать мировое господство.

Видите ли, начиная с пятой послеатлантической эпохи в эволюции человечества поднимаются совершенно определённые силы. Человечество ведь развивается вперёд. В рамках короткого промежутка времени, рассматриваемого антропологически или исторически внешней материалистической наукой, совершенно невозможно выработать суждение о силах, существующих в человеческой эволюции. Ибо в этих маленьких промежутках времени, в которых антропологически или исторически наблюдается внешнее становление, происходят только очень небольшие изменения. Эта наука не знает, насколько всё выглядело иначе, например, во второй эпохе, не говоря уже о первой, или о ещё более ранних эпохах. Об этом можно узнать только с помощью духовной науки. И также только с помощью духовной науки можно указать на те силы, которые в будущем разовьются из человеческой природы совершенно элементарным образом. И о том, что такие, преобразующие жизнь на Земле, силы разовьются из человека – об этом знают в тех тайных центрах. И это хотят скрыть от Востока, это знание они хотят иметь только сами. И им известно так же, что эти силы дают три рода способностей, которые сейчас имеются у людей лишь в самом первоначальном зачатке. Они так разовьются из человеческой природы, как в ходе человеческой эволюции развились другие способности.

Я должен рассказать вам об этих трёх способностях, о которых знают в тех тайных центрах, и следующим образом сделать для вас понятным то, как они будут развиваться в будущем в человеческой природе. Во-первых, это способности к так называемому *материальному оккультизму*. Через эти способности – и это является идеалом британских тайных обществ – определённые социальные формы, лежащие сегодня в основе индустриализации, должны быть поставлены на совершенно другую основу. Это известно каждому знающему члену этих тайных кругов, что благодаря лишь неким способностям, которые развиваются, но сегодня ещё скрыты в человеке, машины и всякого рода механические устройства в большом количестве могут приводиться в движение посредством *закона созвучных колебаний*. Небольшое указание на это вы можете найти в том, что в моих Драмах-Мистериях связано со Штрадером.

Эти вещи находятся сегодня в становлении. Тайные круги в области материального оккультизма сохраняют эти вещи в тайне. Возможно создание двигателей, которые благодаря тому, что будет известна соответствующая кривая колебаний, с помощью совсем незначительного влияния со стороны человека смогут быть приведены в движение на предприятиях. Благодаря этому большое количество потребляемой сегодня человеческой силы может быть заменено чисто механической силой. Сегодня на Земле живёт тысяча четыреста миллионов человек, но работы производится больше, чем её могут произвести эти тысяча четыреста миллионов – я об этом однажды уже

говорил; чисто механическим путём производится столько работы, сколько её могло бы произвести, живя на Земле, две тысячи миллионов человек. Эту остальную работу производят машины, и не будь их, на Земле для исполнения этой работы должно бы было жить людей на шестьсот миллионов больше. Но если то, что я вам называю механическим оккультизмом, вступит в сферу практической деятельности – что составляет идеал тех тайных центров, – то с помощью тех машин будет исполняться работа не пяти-шести сотен миллионов человек, а более тысячи миллионов человек. Благодаря этому в среде народов, говорящих по-английски, сложатся условия, при которых девять десятых человеческой работы окажется не нужной. Но механический оккультизм не только позволит обходиться без девяти десятых рабочих рук, исполняющих работу сегодня, он так же позволит парализовать всякий протест неудовлетворённых человеческих масс.

Способность приводить в движение машины на основании закона созвучных колебаний – эта способность в широких масштабах развивается у народов, говорящих по-британски. Это знают в тех тайных кругах. Это знание расценивается ими как дающее власть над остальными народами Земли в ходе пятой послееатлантической эпохи.

Но в тех кругах знают и кое-что другое. Там знают, что имеются ещё две способности, которые также будут развиваться. Одну из них я бы назвал *евгенической* способностью. Эта евгеническая способность будет развиваться преимущественно у людей на Востоке, у народов России и её азиатских окраин. И в тайных кругах Запада также знают, что евгенический оккультизм не может быть развит из врожденных задатков народов, говорящих по-британски, но именно из врождённых задатков азиатских и русских народов.

Эти факты знают в тайных кругах Запада и считаются с ними. С ними считаются как с импульсами, которые в будущем развитии станут действительными. Евгеническими способностями я называю изъятие человеческого размножения у случая и произвола. У народов Востока разовьётся инстинктивно прозрачное знание того, как параллельно определённым космическим явлениям действует закон размножения, роста населения; как, будучи в созвучии с определёнными звёздными конstellациями, управлять зачатием и благодаря этому создавать побуждение ко вхождению в земное воплощение добрым или злым душам. Только те люди, которые образуют расовое и кровное продолжение азиатских народов, смогут обрести способности в отдельности наблюдать, как то, что сегодня хаотически, по произволу действует по всей земле – зачатие, рождение, – можно в каждом отдельном конкретном случае привести в созвучие с великими законами Космоса. Здесь речь идёт не об абстрактном законе, а о приобретении конкретной способности, которая в каждом отдельном случае позволит знать: сейчас должно произойти зачатие или сейчас не должно происходить зачатия.

Это знание, которое будет в состоянии приносить с неба импульсы для морализации или деморализации Земли с помощью самой человеческой природы, эти особые способности разовьются как продолжение способностей, приносимых кровью, у рас Востока, и то, что там разовьётся как такие способности, я называю евгеническим оккультизмом. Такова вторая способность, которая воспрепятствует эволюции человечества протекать, в отношении зачатия и рождения, по произволу, в большей или меньшей зависимости от случая. А теперь посмотрите на колоссальные социальные последствия, на колоссальные социальные импульсы, которые возникают при этом! Эти способности скрыты. В тех тайных кругах народов, говорящих по-британски, хорошо знают, что эти способности разовьются у народов Востока. Знают, что сами с помощью врождённых задатков они их приобрести не смогут. Знают так же, что Земля не сможет достичь своей цели, не сможет

перейти в состояние Юпитера, более того, Земля даже сравнительно скоро могла бы отклониться от своей цели, если работать только с силами Запада. Если работать только с механическими оккультными способностями Запада, то постепенно смогло бы развиваться лишь утратившее душу население Запада; оно утратило бы её на сколько только это возможно.

Это знают. Поэтому внутри своих кругов они стремятся развить то, что может быть развито с помощью своих способностей: механический оккультизм, и при этом они стремятся к господству над теми народами, которые развивают евгенический оккультизм. Каждый знающий в тайных кругах Запада говорит: "Нам необходимо господствовать, например, над Индией на том основании, что только на продолжении того, что приходит с индийской телесностью – если это соединить с тем, что на Западе идёт совершенно в ином направлении, в направлении механического оккультизма – возникнут тела, в которые смогут воплотиться души, которые поведут будущее развитие к его последующим стадиям". Говорящие по-английски оккультисты знают, что им придётся отказаться от тел, которые возникают в среде их собственных народов, и потому они стремятся к господству над народами, которые могут дать тела, с помощью которых развитие Земли может быть проведено в будущее.

Американские оккультисты знают, что только в том случае, если они приобретут господство над русским народом, в телах которого в будущем разовьются задатки к евгеническому оккультизму, постепенно установится социальная связь между их отмирающими расовыми особенностями и прорастающими психическими, расовыми особенностями европейской части России, и что только в этом случае они смогут, перенести в будущее то, что хотят перенести.

Теперь я должен рассказать вам о третьей способности, которая сегодня ещё скрыта, но которая будет развиваться. И тогда нам будут известны все три: материальные оккультные способности, евгенические оккультные способности и *гигиенические* оккультные способности. Эти гигиенические оккультные способности находятся на добром пути и не заставят себя долго ждать. Эти способности созревают лишь через одно понимание того, что человеческая жизнь, какой она протекает от рождения до смерти, представляет собой процесс, совершенно идентичный процессу болезни. Процесс болезни есть именно лишь специальное, радикальное преобразование совершенно обычного, нормального жизненного процесса, протекающего между рождением и смертью; мы бываем здоровы лишь потому, что кроме сил, вызывающих болезнь, мы носим в себе оздоравливающие силы. И эти оздоравливающие силы – об этом знает каждый оккультист – являются абсолютно теми же самыми силами, которые человек применяет, когда вырабатывает оккультные способности, когда он эти силы преобразует в познание. Преобразование внутренне присущих человеческому организму исцеляющих сил в познание даёт оккультное познание.

Тем, знающим в тайных кругах на Западе, опять же, известно, что в будущем материалистическая медицина не будет иметь под собой никакой почвы. Ибо, когда разовьются гигиенические оккультные способности, больше не станут пользоваться внешней материальной медициной, но появится возможность любую болезнь, не обусловленную кармическими причинами, а потому не поддающуюся лечебному воздействию, излечить, предотвратить чисто физическим путём – профилактически. Сейчас это может показаться просто фантазией, но очень скоро это станет действительностью.

Случилось так, что эти три способности разовьются не сразу у всех народов Земли. Вы уже видели, что имеет место подразделение. Это подразделение, естественно связано с телами, не с душами, которые ведь постоянно переходят из расы в расу, из народа в народ; но с телами оно имеет

много связи, это подразделение. Из тел англоговорящих народов ни в коей мере не могут развиваться предпосылки к тому, чтобы через рождение приобрести в будущем евгенические оккультные способности. Эти способности будут применены на Западе, но они будут там применены благодаря господству над странами Востока и заключению браков между людьми Востока и Запада; будет использовано то, что смогут испытывать только люди Востока.

К гигиеническим оккультным способностям особенно предрасположены люди Средней Европы. И дело обстоит так, что англоговорящие народы не смогут развить через врождённые способности гигиенического оккультизма, но в ходе времени, в ходе развития между рождением и смертью они эти способности смогут выработать. Эти способности могут быть выработаны. И, опять-таки, у народов Средней Европы не будет врождённых способностей к евгеническому оккультизму, которые у народов на восток от Рейна и далее в Азии будут иметься от рождения, но в ходе жизни они их смогут усвоить, если будут этому учиться у народов Востока. Так будут распределены эти способности. Люди Востока не будут иметь никаких способностей к материальному оккультизму; они смогут получать его только извне, если им его кто-то даст, если его не скроют от них. А всегда будут находиться способы скрывать его, тем более, что всегда имеется достаточно людей, допускающих глупость не верить тому, кто способен видеть эти вещи.

Итак, люди Запада и Востока и Средней Европы смогут получить материальный оккультизм от Запада. Они будут также наделены земными благами – продуктами. Гигиенический оккультизм – он будет развиваться в Средней Европе, евгенический – в странах Востока. Но между людьми должно развиваться общение. Это должно быть воспринято социальными импульсами будущего; это делает необходимым, чтобы в будущем на Земле была только общечеловеческая жизнь. Ибо, если американец захочет жить только как американец, то наибольшее, чего он сможет достичь – это материального эффекта, но при этом он осудит себя на то, что будет совершенно не в состоянии пробиться к общеземному развитию. Если он не будет искать социальных отношений с Востоком, то он осудит себя на то, что его душа после какой-либо инкарнации так свяжет себя с земной сферой, что подобно призраку останется связанной только с этой земной сферой. Земля могла бы быть вырвана из её космических связей, и тогда все эти души были бы вынуждены остаться призраками.

Люди же Востока, если бы они не смогли в будущем воспринять в дополнение к своим евгенически-оккультным способностям того, что притягивает к Земле – материализм Запада, – то они потеряли бы связь с Землёй. Они тогда были бы втянуты в какое-либо психически-спиритуальное развитие и утратили бы земное развитие; Земля тогда как бы исчезло под ними, и они не смогли бы получить плодов земного развития.

Между людьми должно развиваться доверие в глубочайшем смысле этого слова. К этому призывает особое человеческое развитие в будущем. Вообще говоря, тайным центрам Запада подобает в рассудочном смысле заниматься только теми вещами, которыми они могут заниматься. Это совсем не дело Запада особенно засматриваться на то, что развивается на Востоке, сточки зрения людей Востока; что развивается у других, другим должно быть и предоставлено. Нужно очень и очень глубоко запечатлеть в душе, что здесь достигается та грань, где понятия вины, невинности и им подобные, вообще теряют своё значение, где речь идёт только о том, чтобы вещи принимать в их глубочайшем смысле, со всей серьёзностью, ибо они содержат знание, единственно способное провести человечество в будущее.

Очень важно эти вещи рассмотреть вполне определённым образом. Ибо обдумайте только, что по всей Земле, разделёнными согласно трём типам

совершенно разных людей Запада, средней Европы и Востока, развиваются три вида оккультных способностей, которые, в то же время, и взаимно переплетены определённым образом, так что люди на Западе имеют задатки к материальному оккультизму от рождения, но могут выработать в себе способности к гигиеническому оккультизму; люди в Средней Европе обладают, преимущественно, врождёнными задатками к гигиеническому оккультизму, но если им помогут, они смогут приобрести с Запада материальный оккультизм, а с Востока – евгенический оккультизм; люди на Востоке имеют врождённые задатки к евгеническому оккультизму, но от Средней Европы они могут приобрести гигиенический оккультизм. Эти способности выступают в земном человечестве дифференцировано и, в то же время, взаимно переплетаясь. И их взаимопереплетённостью будут обусловлены социальные связи в обществе будущего по всей Земле.

Но имеются препятствия к развитию этих способностей; они многообразны и их действие крайне сложно. Так, например, для людей в странах Средней Европы и в странах Востока значительным препятствием к сознательному развитию способностей, которые должны прийти, может послужить сильная антипатия к людям западных стран, если они не смогут эти вещи рассматривать объективно. Это является препятствием к развитию таких способностей. Но задатки к позднейшим оккультным способностям могут даже усилиться, если они будут развиваться из некой *инстинктивной ненависти*. Это совершенно исключительное явление. Заметьте себе, часто спрашивают – здесь мы касаемся такого, что должно быть рассмотрено совершенно объективно: – так почему же, собственно говоря, в западных странах так бессмысленно негодуют? – А, как раз, с той целью, чтобы эти способности усилить, исходя из инстинкта. Ибо ничто так не способствует тому, что заложено в глубочайших импульсах западного оккультизма, как развитие ложного, но как бы свято переживаемого чувства, представляющего людей Востока и Средней Европы как "варваров". Развитию задатков материального оккультизма способствует, например, то настроение, которое в Америке называют "настроением крестового похода". Оно основано на мнении, что Америка призвана нести миру свободу, право и, я не знаю, какие ещё прекрасные вещи. Люди верят, что это разумеется само собой. Здесь речь не идёт о каком-либо обвинении. Люди верят, что они несут крест. Но как раз в том, что верят в ложь, и содержится определённого рода опора. А если ложь утверждали сознательно, то не было бы и этой опоры.

Так, с одной стороны, ныне происходящее оказывается бесконечно полезным, а с другой – мешает развитию как раз тех способностей, о которых можно сказать, что у большинства людей они сегодня ещё скрыты, но они хотят развиваться по отношению к будущему и что они глубочайшим образом будут включены в социальную структуру людей в будущем.

Вы только представьте себе, как озаряется, насыщается пониманием, как делается прозрачным всё то, что совершается в современности, если Вы примете во внимание эти подосновы, если Вы воспользуетесь знанием того, что за всем тем, что сознательно говорится сегодня, лежат соответствующие сегодняшним сообщениям подсознательные инстинкты!

Но важнейшим фактом при этом является тот, что благодаря совершенно особым процессам эволюции именно англоговорящие народы имеют оккультные центры, знающие эти вещи, знающие, какие способности они будут иметь в будущем, благодаря принадлежности к народам, говорящим по-английски, а какие способности им будут не даны, и потому знающие также и то, какую социальную структуру они должны ввести, чтобы и те, не данные им способности, поставить себе на службу.

Но в подобном направлении действуют и инстинкты, и эти инстинкты уже действовали, они действовали очень значительно, они действовали чудовищно.

Особенно эффективным средством, если хотят развитие ввести в ложный фарватер, где можно влиять с помощью знаний западных оккультных центров, является обработка Востока в том направлении, чтобы он свои старые склонности развивал чисто религиозно, избегая всякого знания, и придерживался бы этого и в будущем. Вожди западных тайных кругов позаботятся о том, чтобы существовала просто наука и отдельно от неё – религия, чтобы синтеза религии со знанием, взаимодействия веры и знания там не было. Но они позаботятся также и о том, чтобы та наука, которая в другом случае также переходит в содержание религии, действовала лишь втайне, чтобы она элементарным образом пронизывала важнейшие дела человечества, политическое водительство Земли, имеющее целью обеспечить британское мировое господство. Колоссальную помощь этому распространению мирового господства оказало бы то состояние, при котором страны Востока свои религиозные представления не стали бы пронизывать наукой.

А теперь подумайте о том, насколько все русские идут навстречу как раз этим стремлениям Запада. С одной стороны, в России сегодня ещё живо стремление к благочестию, но при этом не хотят благочестие пронизать духовным знанием, а хотят пребывать в некой туманной мистике. Эта туманная мистика есть как раз желаемое средство для достижения господства Запада над Востоком.

С другой стороны, дело ведут к тому, чтобы науку на Земле сделать в возможно большей степени атеистической. И в этом отношении особенно плодотворна деятельность именно культуры англоговорящих народов в новейшее время. Этим англоговорящим народам, поистине, не на что жаловаться. Они достигли невероятно много, ибо своё научное направление, безрелигиозную науку, атеистическую науку они распространили по всей Земле. Она стала госпожой всей Земли. А Гётеанизм, совершенно сознательная её противоположность, не может найти места даже в стране Гёте; даже в самой земле Гёте он является, в сущности, едва ли не совершенно неведомым делом! То, что господствует сегодня в науке как интеллект, направляется в том смысле, чтобы оно было внешним выражением целей, которые в тех кругах держатся в тайне; однако в самих тех кругах наука представляет собой синтез знания и религии. Внешнему миру должна быть дана атеистическая наука; для внутреннего же круга, который должен направлять ход мировых событий, наука является, в то же время и религией, а религия есть, в то же время, и наука.

Легче всего будет держать в руках Восток, если сохранить ему *безнаучную религию*. Легче всего держать в руках Среднюю Европу, если привить ей *безрелигиозную науку*, поскольку религия к ней не прививается. Эти вещи теми, кто, как знающие, находятся в тех кругах, осознаются совершенно отчётливо, а другие им следуют инстинктивно. И после того, как были устранены из прошлых времён силы господства Средней Европы, на их место оказалось нечего поставить. Поэтому так трудно бывает понять правильно всё всемирно-историческое положение дел современности. Весь мир захвачен вопросом о вине и невиновности в этой военной катастрофе. Но все эти вещи находят своё освещение только в том случае, если их рассматривать на фоне того заднего плана, который как действенная сила выступает во внешних феноменах. В вопросе о вине и невиновности не судят в категориях мышления, в которых привыкли судить, – этого не следует делать на том основании, о котором Вам сегодня было сообщено.

Я очень хорошо знаю о том, что сегодня, когда уже даже Вильсона называют папой XX века, в самой Средней Европе мало-помалу затемняется суждение о происхождении этой мировой войны, как это называют, поскольку не обращают внимания на постановку вопроса. Множество документов доказывает то, что я говорю. Но, рассматривая документы, нужно иметь основание. Следует, прежде всего, приобрести возможность для выработки суждения. В данном случае суждение может образовать только тот, кто в состоянии внести в эти вещи свет с той стороны Порога. Ибо я боюсь, что с помощью всего того, что, как говорится, выступает сегодня изо дня в день, пути суждения делаются всё более и более ложными, всё меньше людей желает подойти к вопросу так, что бы этот подход мог быть плодотворным. Я думаю, у людей рождаются удивительные мысли, когда они узнают теперь из газет, например, о том – не знаю, правда это или нет, но такое могло быть, – что отставной немецкий кайзер сказал: "Я не был при том, как готовилась война, это сделали Бетманн и Ягов [*Теобальд Бетманн-Холльвег (1856—1921), с 1909 по 1917 г. – немецкий рейхсканцлер. Готтлиб фон Ягов (1863-1935), с 1913 по 1916 – государственный секретарь по иностранным делам.]. – Вы можете прочесть это в последних газетах.

Если нечто подобное действительно прозвучало из этих уст, то это просто неслыханно! Но повсюду ходят тайно сфабрикованные суждения, которые с помощью подобных вещей приводят на ложный путь. Видите ли, дело заключается, главным образом, в том, что факты должны браться совершенно точно, чтобы можно было поставить правильные вопросы. Тогда увидят, что поистине глубокая, трагическая необходимость, лежащая в основе этой катастрофы, не должна быть так же поверхностно принята во внимание, как это часто теперь происходит. Так же и поверхностные события не следует рассматривать поверхностно.

Я хочу обратить Ваше внимание на один случай, после чего Вы увидите, почему я занимаюсь такими подробностями. Некоторое время тому назад я уже показывал здесь, что в Германии имели место, собственно говоря, целые ряды событий, целые ряды фактов, которые могли вести к войне, но которые затем расстроились и не привели к ней, тогда как, фактически, то, что привело к войне, пришло из неких предпосылок довольно поздно и не стоит ни в какой связи с другими вещами. Сегодня я не хочу повторять уже сказанного в этом направлении, но я бы мог предложить вам обдумать нечто такое, из чего вы увидите, как вещи в мировой истории сцепляются и действуют как внешние симптомы, в то время как за ними стоят другие, очень значительные вещи, о которых я сегодня говорил вам.

Видите ли, можно задать такой вопрос: "Могла ли вся военная катастрофа, начавшаяся с июля или августа 1914 года, принять под влиянием определённых обстоятельств иной ход, чем это произошло в действительности?" Я сейчас не хочу вдаваться в вопрос о том, могла ли она быть предотвращена или нет, это особая статья, но я хочу поставить вопрос: могла ли эта катастрофа пойти другим путём? – Она, надо сказать, могла пойти по-иному, хотя разговор об этом задним числом имеет лишь методическую ценность. Но, судя по событиям и оккультным подосновам, можно допустить мысль, что вся катастрофа могла бы принять совсем другой ход. Судить здесь можно лишь отрывочно. И то, что я сейчас говорю, имеет, естественно, значение лишь для определённого слоя событий. Можно высказать следующее суждение. Можно сказать: вполне допустимо, что война 1914 г. могла бы начаться движением немецких армий на восток, а затем можно бы было подождать, начнётся ли, благодаря возникновению войны на Востоке, так же война и на Западе. Вполне можно бы было поступить так: двинуть основную массу немецких войск к границам России, а на Западе оставить лишь небольшие подразделения для целей обороны и подождать,

вступит ли в войну Франция, которая в этом случае не имела бы никаких союзнических обязательств. Она бы не имела никаких союзнических обязательств в том случае, если бы не объявлять войну на Востоке, а подождать, пока русские армии действительно нападут. Они бы конечно напали; в этом можно не сомневаться. Я сейчас не утверждаю, что пять лет тому назад (т. е. за год до начала войны. – Прим. перев.) не было другой альтернативы, имеющей другое направление, но в 1914 г. её не было. В этом слое фактов можно представить себе, что война обратилась бы на Восток. Такое было возможно. И в то же время, это было невозможно. Это было фактически невозможно на том основании, что не было разработано немецкого плана кампании на Востоке. Совсем не думали о том, что война может пойти каким-то иным путём, не так, что Германия будет спровоцирована к нападению на Россию, а затем по союзническому договору в войну вступит Франция, и Германии придётся тогда вести войну на два фронта.

Исходили из аксиомы, сложившейся в немецкой стратегии в начале XX столетия, что война на два фронта может быть только наступательной и никакой иной. Существовал план кампании, включавший в себя быстрое вторжение через Бельгию на запад, с целью принудить Францию к сепаратному миру – это, конечно, была иллюзия, но иллюзия, имевшаяся налицо, – а затем переброску армий на восток.

Теперь я прошу вас подумать о том, чем является этот стратегический план. Он рассчитан до малейших подробностей, рассчитан по дням. Было точно рассчитано, сколько времени должно пройти от момента объявления в России всеобщей мобилизации до начала мобилизации в Германии, которая тогда уже не могла ждать больше, но должна была непременно осуществиться, как только будет дан к тому толчок русской всеобщей мобилизацией. Через день после того... через два... через три дня после того, должно было быть сделано то-то и то-то. Если промедлить лишь один день после русской генеральной мобилизации, то весь план тогда ломается и осуществить его становится невозможно. Здесь заключается нечто такое, о чём я прошу вас подумать. Здесь вкрадывается нечто такое, что оказывается решающим вне всякой средневропейской политики. А это ведь существенно, что никакой средневропейской политики не было. Ибо Бетманн говорит сегодня сплошную бессмыслицу. Можно прийти в отчаяние, когда Бетманн высказывает в немецком парламенте свои невозможнейшие, невероятнейшие вещи; но он высказывает их до сих пор. Никакой политики не было, а была одна только стратегия, стратегия, построенная на один единственный случай. В ней ничего нельзя было изменить, в ней нельзя было ничего передвинуть ни на один час.

Я прошу вас также подумать и о том, что ни у кого в Германии не было внешних побуждений желать войны и тем не менее она должна была всё же возникнуть. Не было нужды желать её. Это я попрошу вас иметь в виду. Она должна была возникнуть по той простой причине, что совершенно автоматически, как само собой разумеющееся, в тот миг когда в России издаётся приказ о всеобщей воинской мобилизации, у немецкого военачальника, подобно стрелке на часах, указующей на двенадцать, возникает мысль: "Теперь я должен объявить мобилизацию". – И с этого момента всё совершается автоматически, не через волю, а благодаря тому, что было подготовлено в течение лет.

Совершенно автоматически вслед за русской всеобщей мобилизацией следует вторжение через Бельгию во Францию, по одной только причине, что это было найдено единственно разумным. Кайзеру сказать об этом не могли, потому что – я уже об этом рассказывал – знали: он настолько не скромнен, что скажи ему сегодня – и завтра об этом будет знать весь мир. О нападении на

Бельгию он узнал, когда была произведена мобилизация. Подобные вещи происходили в массе. Эти вещи я прошу вас принять во внимание, и тогда вы сможете сказать, что не было вообще никакой нужды хотеть войны в Германии – она сама должна была начаться. Я отмечаю, что если оставаться при этом в одном определённом слое фактов. Естественно, вы можете обратиться к другому слою фактов, но тогда вы придёте к совершенно запутанным вопросам.

События, приведшие к катастрофе всё человечество, поистине напоминают историю бравого ректора Кальтенбруннера, которую я рассказывал вам в связи с Гамерлингом [*Роберт Гамерлинг (1830– 1889), поэт и философ]. Если вы вспомните ту историю о поэте Роберте Гамерлинге, то желая понять его, можете сказать себе: то, что действует в этой личности, проистекает большей частью из того, что он в определённый момент времени поехал в Триест в качестве учителя гимназии, а оттуда смог отправиться в отпуск в Венецию, что он смог посетить побережье Адрии. Вся внутренняя душевная структура Гамерлинга зависит от того, что он в течение десяти лет – как учитель гимназии, кем он только и мог быть, исходя из своей прежней жизни – смог прожить в Триесте на адриатическом побережье. Но как он туда попал? Я вам рассказывал, как он написал прошение, когда ещё был заместителем в Граце, предоставить ему место в Будапеште. И вот, можно подумать: он написал прошение; если бы дирекция его учла и дала своё согласие, то Гамерлинг все десять лет провёл бы в Будапеште. И поэтическая личность из него не возникла бы, он не стал бы поэтом; кто знает Гамерлинга, согласится с этим. Но почему случилось так, что он поехал не в Будапешт, а в Триест? Бравый ректор Кальтенбруннер, которому передали прошение, забыл о нём, оно пролежало в ящике его стола до тех пор, пока место в Будапеште не было занято. А когда место было занято и Гамерлинг воскликнул: – Видит Бог, как бы мне хотелось получить это место в Будапеште! – тогда бравый ректор Кальтенбруннер покраснел и заявил: – Ах, Боже, я совсем забыл, прошение лежит у меня в столе! – И Гамерлинг не попал в Будапешт. В дальнейшем, когда Гамерлинг отправился в Триест, роль бравого ректора Кальтенбруннера не окончилась, его действия возымели определённые последствия. Гамерлинг приехал в Триест и стал благодаря этому "Гамерлингом". Теперь я спрошу вас: "Так не дал ли бравый ректор Кальтенбруннер миру поэта Гамерлинга?" – Ибо среди внешних феноменов, обусловивших превращение Гамерлинга в поэта, нет никакого другого, кроме забывчивости бравого Кальтенбруннера, ректора в Граце, что в Штейермарке. Проникнуть за вещи можно только занимаясь симптоматологией. Ибо симптоматология приводит к тому, что о внешних явлениях человек начинает судить правильно и начинает видеть то, что стоит за симптомами. Это важно. Это есть то, чего мне более всего хочется достичь.

Когда смотрят на эту современную катастрофу, то обнаруживают, насколько трудно вырваться из неразберихи. Вы только посмотрите, какая огромная трудность возникает здесь. Возьмём хоть это: мистер Грей [*Сэр Эдвард Грей (1862 – 1933), английский министр иностранных дел с 1905 по 1916 год.] пытается на основании внешних документов доказать, что он совершенно не виновен в начале войны. Само собой разумеется, это можно доказать и очень легко. На основании внешних документов можно очень точно доказать, что британское правительство не виновато в том, что началась война. Но дело в том, насколько, вообще, весомы доказательства. Прийти к пониманию можно только в том случае, если вы будете так ставить вопросы, как я это делал перед вами уже в течение лет: было ли, например, в состоянии британское правительство воспрепятствовать вторжению в Бельгию? – На это вы должны ответить: – Да, было. – Ибо это есть как раз то, что я, опять-таки, требовал в моём меморандуме, чтобы миру были открыты только факты. Они бы естественным образом привели, с одной стороны, к тому, что тот господин,

который теперь дезертировал в Голландию[*Имеется в виду Вильгельм П.], уже тогда должен бы был каким-либо образом исчезнуть. Причина, возможно, заключается в том, что мой меморандум нашёл слишком мало откликов так же и среди тех, кто мог судить об этом. Но я требовал, чтобы некоторые события были описаны поминутно, одни только события, без всякой окраски, такими, как они разыгрывались одновременно в Берлине и Лондоне в субботу между половиной пятого и половиной одиннадцатого вечера. – Вы знаете, что в субботу, в половине пятого в Берлине был подписан приказ о мобилизации.

Если эти решающие события просто описать, без примеси того, что об этом говорит мир, то *они* представят доказательство того, что нападение на Бельгию могло быть предотвращено британским правительством. Но оно его не предотвратило. Поэтому в субботу, в половине одиннадцатого вечера тот единственный приказ, противоречащий немецкой стратегии, согласно которому войска должны бы были быть удержаны от переброски на Запад и там должны были остаться лишь силы, необходимые для обороны – этот приказ не был издан и всё осталось согласно старой стратегии. Поэтому субботние события между половиной пятого и половиной одиннадцатого должны быть описаны минута за минутой, должны быть описаны одни лишь только факты. Тогда возникнет совсем другая картина, такая картина, которая, прежде всего, приведёт к правильной постановке вопросов.

Следует опасаться, что в мире удовольствуются тем, что находится в архивах; но решающие события, произошедшие в субботу с половины пятого до половины одиннадцатого, они, вероятно, никогда не выйдут из архивов в мир, поскольку они, скорее всего, и не записаны, вернее, они записаны, но не так, чтобы записи можно было найти в архивах.

Видите ли, осторожность в суждениях есть нечто такое, что так же необходимо приобрести. Если осторожность в суждениях приобретена, то она становится большой помощницей в развитии тех скрытых способностей, о которых я сегодня говорил, которые в будущем должны трояким образом развиваться в человечестве. И тогда вы так же поймёте, что, поистине, не из каких-либо интеллектуальных мыслей, из которых возникают программы, вроде той, что появилась восемь дней тому назад, может развиваться то, что я называю единственно правильным решением социальных вопросов в том смысле, в каком о подобном решении сегодня может идти речь.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Дорнах, 6 декабря 1918 г.

На днях я с особой силой подчёркивал, что – если вновь воспользоваться тем словом, которое было употреблено тогда – райское состояние на физическом плане не возможно, поэтому все, так называемые, решения социальных вопросов, которые более или менее сознательно или бессознательно хотят осуществить на физическом плане такое райское состояние, которое к тому же должно ещё стать и нескончаемым, – все подобные, с позволения сказать, решения социальных вопросов с необходимостью строятся на иллюзии. В этом свете я прошу вас воспринимать, вообще, все сообщения, которые я делаю в связи с явлениями современности. Ибо, без сомнения, в современной действительности выступает одно требование, которое можно назвать требованием придать социальный облик отношениям человечества. При этом дело заключается только в том, чтобы не переабстрагировать эти вопросы, чтобы не брать эти вопросы в абсолютном смысле, но – как я уже говорил в последний раз – чтобы

из духовнонаучного познания выработать прозрение в то, что необходимо именно нашему времени. А о том, что, исходя из духовнонаучных предпосылок, необходимо нашему времени, об этом мы хотим теперь ещё поговорить.

Если окинуть взором ту широкую сферу, где сегодня обычно говорится о социальных вопросах или социальных требованиях, то становится понятно, что без истинного знания человеческого существа социальные вопросы вообще не могут быть поняты сообразно требованиям нашего времени. Можно выдумать, какие социальные программы нужны, можно ещё захотеть воссоздать идеальные социальные состояния, но всё это останется бесплодным, если не проистекает из познания человека как такового, если это не проистекает из интимного познания человека. Я обращал ваше внимание на то, что социальные члены, социальная трёхчленность, которую я категорически должен назвать требованием нашего времени, именно потому соответствует нашему времени, что она считается с познанием человека во всех частностях, с познанием человека, каким он является теперь, в данный момент времени пятой послееатлантической культурной эпохи. Так же и с этой точки зрения я прошу вас рассматривать всё, что я скажу в дальнейшем.

Прежде всего, требуемый современными отношениями социальный строй невозможно установить, если не будет осознано: этот социальный строй связан с тем, что человек узнаёт о себе самом в его отношении к социуму. Можно сказать: среди всех познаний, познание человека едва ли не самое трудное, поэтому ведь и в древних Мистериях призыв "Познай самого себя" считался высшей целью устремления к мудрости.

Что особенно трудно современному человеку – это осознать, что всё, приходящее из космоса, деятельно в нём, что в нём действует абсолютно всё. Человеку по сердцу иметь о себе наипростейшее представление, поскольку сегодня в своём мышлении, в своих представлениях он особенно привык к удобствам. Но человек совсем не простое существо. В отношении действительности какие-либо действия, основанные на произвольных представлениях, не допустимы. Человек, прежде всего, так же в социальных отношениях не является простым существом. Именно в социальных отношениях он является таким существом, каким он бесконечно охотно не хотел бы быть; невероятно охотно он стал бы другим, чем он есть.

Можно сказать, что человек, ведь, собственно говоря, невероятно нравится себе. Ни в коем случае нельзя отрицать, что человек весьма и весьма нравится самому себе. И любовь к себе делает для человека самопознание источником заблуждений. Так что, человек не может сознаться в том, что он, собственно, лишь на половину является социальным существом, а в другой своей половине он есть *антисоциальное* существо.

Строго и энергично признать, что человек, в одно и то же время, есть социальное и антисоциальное существо – это является краеугольным требованием социального человекопознания. Полезно признать: – Я стремлюсь стать социальным существом, – это нужно сказать себе, поскольку, не будучи социальным существом, человек вообще не может правильно жить совместно с другими людьми. Но в то же время, в человеческой природе заложено стремление постоянно бороться с социальным, постоянное стремление быть антисоциальным.

Напомню, что мы рассматриваем человека с разных точек зрения, согласно трёхчленности его души, в отношении его мышления, или представлений, чувств и воли. Сегодня мы могли бы также и в социальном отношении рассмотреть человека с точки зрения его мышления, или представлений, чувств и воли. Прежде всего, в отношении представлений (мышления) должно стать ясно, что в этих представлениях, в этом мышлении

находится исключительно важный источник человеческой антисоциальности. Лишь только по той причине, что человек является мыслящим существом, он, в то же время, является и антисоциальным существом. И только духовная наука в состоянии прийти здесь к истине. Ибо только духовная наука в состоянии пролить свет на вопрос: в каких отношениях мы, как люди, находимся к другим людям? Какое взаимоотношение между людьми, с точки зрения обычного, повседневного сознания, или, лучше сказать, для обычной повседневной жизни следует до некоторой степени считать правильным? Тут, видите ли, если правильные отношения установлены между человеком и человеком, то тогда, без сомнения, налицо и социальный порядок. Но тут имеет место – можно бы сказать, злополучный, но, со знанием дела, скажем: необходимый – один особенный факт, состоящий в том, что правильное отношение человека к человеку мы развиваем только во сне. Только когда мы спим, мы устанавливаем правильное, не приукрашенное отношение человека к человеку. В тот момент, когда ваше обычное дневное сознание надламывается и вы оказываетесь в состоянии, длящемся от засыпания до пробуждения, в состоянии сна без сновидений, вы делаетесь – я имею в виду, в отношении представлений, в отношении мышления – социальным существом. В тот же момент, когда вы пробуждаетесь, вы через представления, через мышление развиваете антисоциальные импульсы.

Нужно только представить себе, сколь сложными становятся отношения в человеческом обществе благодаря тому, что человек, собственно говоря, только во сне правильно относится к другим людям. С других точек зрения я уже различным образом указывал на это. Я, например, указывал, что в бодрственном состоянии человек может быть порядочным шовинистом, националистом, а когда он спит, то переносится как раз в среду тех людей, пребывает совместно с теми – а именно с их народным духом, – кого он, бодрствуя, особенно ненавидел. С этим ничего нельзя поделать. Сон – это социальный примиритель. Но поскольку современная наука вообще ничего не хочет знать о сне, то ещё очень долго в своих социальных рассматриваниях она не сможет приблизиться к тому, что я теперь сказал.

В бодрственном состоянии мы благодаря мышлению ввергаемся ещё в одно антисоциальное течение. Представьте себе, вы стоите перед человеком. Человек противопоставлен всем людям благодаря тому, что он противопоставлен отдельному человеку. Вы, естественно, являетесь мыслящим существом, иначе никаким человеком вы бы не были, если бы не были мыслящим человеком. Я говорю теперь только о мышлении; о чувстве и воле мы поговорим потом; с точки зрения чувства и воли можно бы было кое-что возразить, но с точки зрения представления верно то, что я теперь говорю.

В то время, как вы, как представляющий, мыслящий человек, стоите перед другим человеком, происходит нечто удивительное, а именно: благодаря взаимоотношению, образуемому между одним и другим человеком в их подсознании имеется стремление быть усыпленными друг другом. В своём подсознании вы постоянно усыпляетесь другими людьми. И следует сказать, это совершенно нормальное отношение человека к человеку, когда мы, пребывая совместно, стараемся – обоюдно – усыпляюще действовать на подсознание друг друга. И что же мы должны при этом делать, как мыслящие люди? Всё, что я сейчас рассказываю, происходит, естественно, в подсознании, но от этого оно не становится менее действительным.

Это факт, хотя и не вступающий в обычное сознание. Таким образом, когда вы стоите перед человеком, то он вас усыпляет, то есть усыпляет ваше мышление, но не чувства или волю. Теперь, если вы хотите оставаться мыслящим человеком вы должны этому внутренне воспротивиться. Вы должны активизировать своё мышление. Вы должны обороняться от сна.

Стоять против другого человека всегда означает: удерживаться в бодрственном состоянии, будить себя, освобождаться от того, что он хочет с нами сделать.

Видите ли, подобные вещи происходят в жизни, и чтобы понять жизнь, нужно её рассматривать духовнонаучно.

Вы разговариваете с одним человеком, пусть только с одним человеком – в это время вы должны постоянно стараться не заснуть, вопреки его стремлению усыпить ваше мышление. В обычное сознание это просто так не вступает, но действует в человеке как антисоциальный импульс. В некотором смысле, каждый человек предстаёт нам как враг наших представлений, как враг нашего мышления. Мы должны защищать наше мышление от других. А это значит, что в отношении представлений, в отношении мышления мы являемся в высшей степени антисоциальными существами, и из нас, вообще говоря, можно ещё только воспитать социальных существ. Если бы путём воспитания, путём самодисциплины, благодаря потребностям, в которых мы живём, мы бы перестали отбиваться от других людей, то тогда в своём мышлении мы смогли бы стать социальными существами. А поскольку мы продолжаем отбиваться, то нам должно стать ясно, что социальными существами мы можем стать через самовоспитание, но от природы как мыслящие существа мы, прежде всего, антисоциальны.

Теперь вы видите, что не вдаваясь в душевное, в тот факт, что человек есть мыслящее существо, вообще ничего нельзя сказать о социальных вопросах, поскольку социальные вопросы коренятся в интимнейших глубинах человеческой жизни. И кто не считаетя с тем, что благодаря уже одному тому, что человек мыслит, он развивает антисоциальные импульсы, тот не в состоянии отвечать на социальные вопросы.

Во сне дело обстоит проще. Здесь мы усыплены без постороннего вмешательства. И здесь может быть перекинут мост от одного человека к другому, ко всем людям. Бодрствуя же, каждый находящийся перед нами человек старается нас усыпить – так же как и мы его, – чтобы тем самым построить мост между нами. Однако мы этому противимся, ибо иначе мы не смогли бы в общении с людьми воспользоваться нашим мыслящим сознанием.

Таким образом, совсем не просто выдвигать социальные требования; ибо большинство людей, выдвигая социальные требования, совсем не осознают при этом, насколько глубоко в человеческой природе коренится антисоциальное. Ему ведь легче было бы сознаться в том, что он не один, совместно со всеми другими людьми является антисоциальным существом. И немного в тайне каждый человек, даже признавая, что люди в целом, как мыслящие существа, антисоциальны, оставляет для себя запасное суждение: но за исключением меня. И если он даже не сознаётся себе в этом, всё равно, в тайне мерцает в нём сознание такого рода: – Я всё-таки составляю исключение, а другие, "да" – в мышлении они являются антисоциальными существами. Ведь для человека это составляет особую трудность – со всей серьёзностью признать, что нельзя *быть* человеком, как таковым, а можно им только *становиться*. А это совершенно фундаментальным образом связано с тем, чему нам приходится учиться в наше время.

Сегодня уже стало возможным указать на то, с чем пять-шесть лет тому назад не хотели иметь никакого дела, – на те недостатки и заблуждения человеческой природы, которые распространяются по всей Земле, поскольку эти недостатки и заблуждения сильно скомпрометировали себя. Люди пытаются с помощью самообмана уйти от необходимости стать чем-то. Они пытаются, прежде всего, указывать не на то, чем им надлежит стать, а на то, чем они являются. Так, сегодня мы находим, как большое число членов Антанты и американцев думают о том, что они собой представляют только

лишь как челны Антанты или американцы. Им нет нужды чем-то становиться, им желательно указывать лишь на то, насколько злые люди живут в Средней Европе, насколько они черны, а белыми являются только они сами. Такие человеческие иллюзии широко расходятся по земным путям, но со временем они, естественно, жестоко отомстят за себя.

Это желание быть, а не становиться, человек хранит как враждебность к духовной науке в своих подосновах. Ибо духовная наука не может поступать иначе, как только указывая людям, что они постоянно должны чем-то становиться, что благодаря тому либо иному они не могут быть готовыми, законченными существами. Человек ужасно заблуждается на свой счёт, когда полагает возможным указать на что-то абсолютное, что обуславливает в нём какие-либо совершенства. Всё, что не находится в становлении, обуславливает в человеке не совершенства, а несовершенства. И то, что я вам сказал о человеке как мыслителе и порождаемых этим антисоциальных импульсах, имеет ещё другую важную сторону.

Видите ли, человек неким образом парит между социальным и антисоциальным, подобно тому, как он парит между бодрствованием и сном; можно так же сказать: сон – социален, бодрствование -- антисоциально; и как в здоровой жизни ему необходима смена бодрствования и сна, также необходима ему смена социального и антисоциального. И в отношении человеческой жизни это должно быть рассмотрено самым тщательным образом. Ибо благодаря этому человек может к одному склоняться более, к другому менее, как в той или иной мере он может склоняться ко сну или бодрствованию. Есть люди, которые безмерно много спят и которые, следовательно, в смене состояний сна и бодрствования более склоняются к одной чаше весов. Точно так же, человек может возвращать в себе больше социальных или больше антисоциальных импульсов. Человеческие индивидуумы различаются тем, что один развивает более социальные, а другой антисоциальные импульсы. Если до некоторой степени знать людей, то по этому признаку их можно хорошо различать. Они точно делятся на эти два класса. Одни более склоняются к социальному, другие – к антисоциальному.

Я ещё сказал: "Это имеет так же и другую сторону, – ибо антисоциальность обусловлена тем, что мы до некоторой степени предохраняем себя от впадения в сон". А с этим связано ещё кое-что. Это делает нас *больными*. Пусть не особенно ясно для восприятия – иногда же и очень-таки ощутимо, – но отсюда возникают болезни; к причинам болезни относится антисоциальная сущность человека. Поэтому легко понять, что социальная сущность является оздоравливающей, оживляющей. Из этого нам также видно, насколько удивительно создана человеческая природа. Человек не может оздоровить себя через социальную сущность без того, чтобы не впасть до некоторой степени в сон.

Когда он порывает с социальной сущностью, то его мыслящее сознание крепнет, но он становится антисоциальным. Вместе с тем, он подрывает оздоравливающие силы, находящиеся в подсознании в его организме. Так в жизненной конституции здоровье и болезнь определяются тем, что как социальные и антисоциальные импульсы пребывает в человеке. Кто развивает человекопознание в этом направлении, тот может то или иное количество болезней свести к антисоциальной сущности человека. В большей степени, чем полагают, болезни человека зависят от антисоциальной сущности. Это, прежде всего, те болезни, которые ведь часто являются ими в полном смысле слова, хотя и выражаются в, скажем, "капризах", во всякого рода самоистязаниях, в мучении других, шутовстве, в мании "выкидывать что-нибудь этакое". Всё это связано с нездоровой органической конституцией, но развивается мало-помалу из сильно склонности к антисоциальным импульсам.

Вообще, следует уяснить себе, что здесь кроется очень значительная жизненная тайна. Эту жизненную тайну исключительно важно как для воспитателя, так и для самовоспитания, познать не в теории, а со всей жизненностью, что означает: иметь стремление собственную жизнь взять крепко в руки, серьёзно размышлять о преодолении антисоциального, понимать это в чувствах и таким образом действительно выходить из этого. Многие люди могли бы не только избавиться от своих капризов, но исцелить многие болезни, если бы они исследовали свои антисоциальные импульсы. Но делать это нужно со всей серьёзностью. Это нужно делать без самолюбия, ибо для жизни это имеет огромное значение. – И пусть для начала это будет сказано о социальном и антисоциальном в человеке в отношении его представлений или мышления.

Однако человек является ещё и *чувствующим* существом, а с чувствами, опять-таки, связано нечто особенное. Также и в отношении чувств человек не простое существо, как бы он охотно ни хотел себе это представить. Чувства человека к человеку содержат в себе нечто парадоксальное. Чувство обладает той особенностью, что оно склонно давать нам ложное ощущение другого человека. Первая склонность подсознания человека при общении с другим человеком состоит именно в том, что в этом подсознании всплывает искажённое ощущение другого человека и мы вынуждены в жизни постоянно бороться с этими искажёнными ощущениями. Изучающий жизнь очень легко замечает, что человек, не склонный с интересом относиться к людям, бранит почти их всех, по крайней мере, через какое-то время. Эта особенность присуща многим людям. Лишь какое-то время с любовью относятся к тому, либо другому человеку, а когда это время проходит, то в человеческой природе нечто приходит в волнение и он начинает ругаться или затевать что-нибудь против других. Часто люди сами не понимают, что же они имеют друг против друга, так как эти вещи во многом разыгрываются в подсознании. А происходит это оттого, что подсознание имеет тенденцию исказить тот образ другого человека, какой мы себе составляем. Мы должны сначала хорошо узнать другого человека и тогда увидим, что в том его образе, который мы себе образовали, необходимо подтереть искажения. Как бы парадоксально это ни звучало, но это хорошее жизненное правило – хотя из него есть и исключения: – постоянно исправлять, при всех обстоятельствах как-то исправлять образ человека, который запечатлелся в нашем подсознании. Ибо это подсознание имеет тенденцию судить о людях на основании симпатий и антипатий. Но всякое суждение, исходящее из симпатии или антипатии, – ложно. Не существует истинных, правильных суждений, если они построены на симпатии и антипатии. А поскольку подсознание выражается в чувствах через симпатии и антипатии, то оно набрасывает ложный образ окружающих нас людей. Мы никак не можем иметь в нашем подсознании правильный образ наших ближних. Конечно, иногда мы имеем очень хорошее мнение о ком-то, но оно основано на симпатии; и иначе быть не может до тех пор, пока человек не просто будет чем-то, а признает, что ему чем-то нужно стать. Нужно сказать себе, что именно в отношении чувственного общения с людьми нужно вести выжидающую жизнь. Не следует доверять первому образу человека, который из подсознания стучится в сознание, но нужно попытаться жить с людьми. Тогда увидят, если будут жить с людьми, что из антисоциального настроения, которое, собственно, всегда возникает в первую очередь, развивается социальное настроение.

Так что, исключительно важно изучать жизнь человеческих чувств, поскольку она антисоциальна. В то время, как мыслительная жизнь антисоциальна по той причине, что человек должен обороняться от засыпания, жизнь чувств антисоциальна по той причине, что, строя свои отношения с другими людьми на основе симпатий и антипатий, человек этим самым прививает обществу ложные течения чувств. Исходящее от человека

через симпатию и антипатию тут же ввергает в человеческое общество антисоциальные жизненные течения. Можно сказать, хотя это и звучит парадоксально, социальное общество было бы, собственно говоря, возможным только в том случае, если бы люди не жили в симпатиях и антипатиях. Но тогда они не были бы людьми. Отсюда, опять-таки, следует, что человек, в одно и то же время, есть социальное и антисоциальное существо, что для решения так называемых "социальных вопросов" нужно входить в интимные глубины человеческого существа. Если же в них не входят, то нечего и надеяться когда-нибудь эти вопросы решить.

В отношении *воли*, устремляющейся от человека к человеку, дело обстоит особенно поразительно, даже парадоксально, когда речь идёт о сложном существе человека. Вы ведь знаете, что в отношении волений, между людьми роль играют не только симпатии и антипатии – они играют роль, поскольку мы чувствующие существа, – но здесь особую роль играют склонность и нерасположение, отвращение, которые переходят в действие, иными словами: симпатии и антипатии в действии, в их проявлении, в их откровении. Человек относится к другим людям, сообразуясь с особенной к ним симпатией, особенной степенью любви, которую он несёт им навстречу. Здесь подсознательная инспирация играет примечательную роль. Ибо всё то, что изливается во всяком волевом общении людей, мы должны рассматривать в свете импульса, который лежит в основе этого волевого общения, в свете имеющейся между людьми в большей или меньшей мере любви. Из этой любви, возникающей между людьми, и выносятся они свои волевые импульсы, которые так переходят от человека к человеку.

В отношении любви человек впадает в особенно крайние заблуждения и должен делать ещё большие исправления, чем в отношении чувств симпатии и антипатии. Ибо, как бы удивительно это ни звучало для современного сознания, остаётся всё же верным, что любовь, проявляемая человеком к другим людям, если она не одухотворена – в обычной жизни любовь одухотворена лишь в малой степени, и я сейчас говорю не о половой или возникающей на половой основе любви, а, вообще, о любви человека к человеку, – эта любовь, если она не одухотворена, собственно говоря, не является любовью, как таковой, но образом, который строит себе о ней человек, а это, большей частью, является не чем иным, как ужасной иллюзией. Ибо любовь, которую человек, как он считает, развивает к другим людям – к таким, какими они есть в жизни – по большей части оказывается любовью к себе.

Человек верит, что любит других, но на самом деле любит только себя. Вы видите здесь источник антисоциального, который к тому же может быть ещё источником ужасного самообмана. Человеку может казаться, что он поднялся к переполняющей его любви к людям, но на самом деле он любит быть связанным с ними в собственной душе. То, что здесь ощущают, как восторг в своей душе, происходит от связи с другими людьми, от того, что, между прочим, можно говорить им о своей любви; это, собственно, и любят.

Человек, в основном, любит себя, когда в общении с другими людьми в нём вспыхивает это себялюбие.

Это важная жизненная тайна. *До бесконечности важная.* Ибо в заблуждении насчёт этой любви, о которой думают, что она есть любовь, а в действительности это лишь себялюбие, эгоизм, замаскированный эгоизм – и по большей части всё то, что называют любовью между людьми, является не более, чем замаскированным эгоизмом, – в этом заблуждении находится источник немисливо больших и распространённых антисоциальных импульсов. Через это себялюбие, маскирующееся под любовь, человек становится в чрезвычайной степени антисоциальным существом. Человек именно потому становится антисоциальным, что он зарывается в себя. А он,

по большей части, зарывается в себя тогда, когда не знает или не хочет знать об этом бытии – в себя – погребении.

Вы видите, что говорящий сегодня человечеству о социальных требованиях должен особенно хорошо разобраться в подобных состояниях души. Нужно просто задаться вопросом: как могут люди прийти к какой-либо социальной структуре их совместной жизни, если они не хотят уяснить себе, сколько себялюбия коренится в их так называемой "любви к ближним"? Так что, любовь может стать огромной силы импульсом к антисоциальной жизни. Можно сказать: человек, каков он есть, когда не работает над собой, когда через самообуздание не берёт себя в руки, является, как любящее существо, при всех обстоятельствах антисоциальным существом. Любовь, как таковая, когда она захватывает человеческую природу без того, чтобы человек упражнялся в самовоспитании, является с самого начала антисоциальной, поскольку её испытывают избирательно["*ansschliesend", то есть любя одно, исключают другое.] (для себя одного). И это вовсе не критика. Многие жизненные потребности находятся в связи с тем, что человек испытывает любовь избирательно. Само собой разумеется, отец любит своего сына больше, чем других детей; но это антисоциально. Этим вовсе не отрицается, что антисоциальное в жизни порождается самой жизнью. И говорить: человек есть социальное существо – как это сегодня стало модным – бессмысленно, поскольку человек в той же мере социален, в какой и антисоциален. Сама жизнь делает человека антисоциальным существом. А поэтому представим себе, что на Земле установилось бы то райское состояние, которое совершенно невозможно, но к которому страстно стремятся, поскольку люди ведь куда больше любят нереальное, чем действительность, – представим себе, что такое райское состояние было бы достигнуто или, между прочим, даже то сверхрайское состояние, которое хотят иметь на земле Ленин, Троцкий, Курт Айзнер и другие. Очень скоро несчётные массы людей восстали бы против него, так как они не смогли бы при этом оставаться людьми, ибо в подобном состоянии могли бы находить удовлетворение только социальные потребности, а это бы тут же привело в возбуждение антисоциальные потребности. Это так же неизбежно, как неизбежны качания маятника в одну и другую сторону. В тот момент, когда вы осуществите райское состояние, антисоциальные потребности придут в движение. Если осуществится то, чего хотят Ленин, Троцкий, Курт Айзнер и что они представляют себе как райское состояние, то в кратчайшее время, благодаря антисоциальным потребностям, это превратится в свою противоположность. Ибо такова сама жизнь, протекающая в смене приливов и отливов. И если этого не хотят понять, то, значит, вообще ничего не понимают в мире. Можно часто услышать: "Идеалом общественной жизни является демократия". Но если эту демократию захотят каким-либо образом осуществить, то в своей конечной фазе она с необходимостью приведёт к своей противоположности. Демократия неизбежно ведёт к тому, когда демократы собираются вместе, – что одни постоянно хотят возобладать над другими, постоянно одни хотят иметь право распоряжаться другими. Это разумеется само собой. Демократия стремится к своему собственному уничтожению. Если вы хотите где-нибудь установить демократию, то в мыслях вы можете это расписать самым прекрасным образом. Однако, будучи осуществлённой в действительности, демократия именно приводит к противоположности демократии, как маятник, отклоняясь в одну сторону, затем отклонится в другую. По-иному в жизни не бывает. В демократах через некоторое время всегда умирает их собственная демократическая природа. Таковы вещи, в высшей степени необходимые для понимания жизни. Сюда же относится ещё одна особенность, состоящая в том, что наисущественнейшие свойства человека в пятой послепалеолитической эпохе антисоциальны. Ибо в эту эпоху должно развиться сознание, построенное на мышлении. Поэтому эта эпоха будет в сильнейшей степени антисоциальные импульсы выворачивать

через человеческую природу наизнанку. Из-за этих антисоциальных импульсов люди будут вызывать в большей или меньшей степени невыносимые состояния и всегда при этом реакция на антисоциальное будет заявлять о себе в криках за социализм. Необходимо понять, что приливы и отливы постоянно сменяются. Ибо, представьте себе, вы действительно социализировали бы общество, тогда, в конце концов, наступило бы такое состояние, при котором люди, общаясь друг с другом, то и дело засыпали бы. Общение между людьми стало бы снотворным средством. Вам это трудно сейчас представить, поскольку вам не удастся придумать, какой бы конкретно могла быть такая, так называемая, социалистическая республика. Такая социалистическая республика была бы, фактически, огромным государством-спальней для человеческой способности образовывать себе представления. Следует понять, что имеется тоска по чему-то подобному. У очень многих людей имеется тоска по непрерывному сну. Но нужно понять и то, каковы внутренние необходимости жизни и не следует удовлетворяться простым желанием того, что кому-то приходится под стать, что кому-то нравится; ибо, как правило, хотят обладать тем, чего нет в наличии. То, что человек имеет, он, по большей части, не ценит.

Из этих сообщений вы видите, что, говоря о социальных вопросах, необходимо, прежде всего, интимно вникнуть в существо человека, и это существо человека следует познать до такой степени, чтобы стало известно, как реализуются в человеке социальные и антисоциальные потребности. В жизни социальные и антисоциальные потребности часто сплетены в клубок, который невозможно распутать. Потому-то так трудно говорить о социальных вопросах. Социальные вопросы едва ли могут обсуждаться без наличия склонности действительно входить в интимную природу человека, входить, например, в то, каким образом буржуазия является носителем антисоциальных импульсов. Буржуазная жизнь развивает антисоциальные импульсы уже одним тем, что она, в существенном, сводится к развитию тех сфер жизни, которые нравятся, в которых можно пребывать спокойно. Если исследовать эти особенные стремления буржуазии, то окажется, что они сводятся к тому, чтобы согласно особенностям нашей эпохи создать на экономической основе жизненный остров, на котором можно было бы спать в отношении всех взаимосвязей современности, за исключением особенных жизненных привычек, развиваемых буржуа согласно субъективным симпатиям и антипатиям. И буржуа, он может благодаря этому очень много спать. Но он стремится не к самому сну, к которому стремится пролетарий, постоянно удерживаемый в бодрственном состоянии благодаря тому, что его сознание не усыпляется на экономической основе; поэтому он не тоскует по сну социального строя. Это очень значительное психологическое Арегси [*Арегси (франц.) – духовно содержательное замечание (примечание)]. Обладание усыпляет; необходимость бороться в жизни – пробуждает. Засыпание через обладание способствует развитию антисоциальных импульсов, поскольку человек не томится по социальному сну. Постоянная нужда в заработке развивает страстное желание сна в социальных взаимосвязях [*Здесь нет ошибки в переводе, но кое-что нужно додумать самому. Буржуа, поскольку его жизнь обеспечена, не имеет интереса к социальным отношениям, он никогда не погружается в них своим сознанием. Пролетарий крайне заинтересован в социализации, поскольку социальные условия для него трудны; он готов уснуть в своём сознании, лишь бы они улучшились, и т. д. (Прим. пер.).].

Эти вещи необходимо рассмотреть, иначе абсолютно не понять современности. Теперь можно сказать: несмотря ни на что, наша пятая послеатлантическая эпоха стремится к социализации в той форме, которую я вам недавно описал. Ибо вещи, о которых я говорю, они придут: либо через человеческий разум, если люди себя к ним приучат, либо, если не приучат,

через катаклизмы, через революции. Человек стремится к социальной трёхчленности в пятой послеатлантической эпохе, и эта социальная трёхчленность должна прийти. Наше время также стремится к определённой социализации.

Но эта социализация невозможна – это вам теперь ясно благодаря многим рассматриваниям, которыми мы здесь занимались, – если её не будет сопровождать ещё нечто другое. Социализация может иметь отношение только ко внешней структуре общества. И в нашу пятую послеатлантическую эпоху она, собственно, может состоять только в обуздании мыслящего сознания, в обуздании антисоциальных человеческих инстинктов. Через социальную структуру могут быть, некоторым образом, обузданы антисоциальные инстинкты, действующие благодаря образованию представлений. Последнее должно иметь противовес, должно быть каким-то образом приведено в равновесие. Но в равновесие оно может быть приведено только благодаря тому, что пришедшее из предыдущих эпох – в которые это было правомерно – порабощение мыслей, господство одних над мыслями других, будет через возрастающую социализацию устранено из мира. Поэтому *свобода духовной жизни* должна в будущем иметь место наравне с организацией хозяйственных отношений, экономических отношений.

Лишь только свобода духовной жизни способна сделать то, что мы действительно станем так относиться друг к другу, что будем видеть один в другом человека, конкретного человека, который стоит перед нами, а не человека вообще. В программе Вудро Вильсона *говорится о человеке вообще*. Но такого человека вообще, этого абстрактного человека нигде не существует. Что существует, так это всегда только отдельный, индивидуальный человек. К нему мы должны иметь интерес, и не просто мысленный интерес, а, опять-таки, интерес ко всему человеку. Мы исключаем то, что должны развивать в межличностном общении, когда вильсонизируем, когда строим абстрактный образ человека. Существенное, в чём заключается дело, состоит в том, что социализация в будущем должна быть связана с абсолютной свободой мысли; *социализация не мыслима без свободы мысли*. Поэтому социализация должна быть связана с искоренением всякого порабощения мысли, кем бы оно ни культивировалось – определёнными ли обществами англоязычных стран, которые я вам уже охарактеризовал, или римским католицизмом. И тому и другому одна цена, и исключительно важно, чтобы люди принимали во внимание их внутреннее родство. Исключительно важно, чтобы в отношении подобных вещей сегодня не было никакой неясности. Вы могли бы то, что я вам изложил об особенностях тех тайных обществ англоязычных стран, рассказать сегодня какому-нибудь иезуиту. Он бы очень обрадовался при этом, ибо получил бы, таким образом, подтверждение того, за что он борется. Но вам должно быть ясно, если вы хотите стоять на почве духовной науки, что не следует путать ваше неприятие этих тайных обществ с неприятием их иезуитами. Это просто удивительно, как мало способности различения подобных вещей встречается сегодня.

Недавно, в одной открытой лекции я указывал, что сегодня дело часто заключается не в том, что говорится, а в том, каким духом пронизано сказанное. Я приводил пример, как одна и та же мысль была высказана Вудро Вильсоном и Германом Гриммом[*См. на эту тему высказывание Р. Штейнера в лекции от 14 марта 1918 года, ИПН. 67, стр. 183 нем. изд. 1962 г.]. Я говорю об этом потому, что теперь вы можете довольно часто сталкиваться с тем, как, например, с той стороны, со стороны англо-американских тайных обществ на первый взгляд выступает – но это только на первый взгляд – то же самое, что и с этой стороны. Однако то, например, что вы встречаете в декабрьском номере "Штиммен дер Цайт", – производит на человека, способного видеть фактическую сторону дела, карикатурное, комическое впечатление. Ибо само

собой разумеется, то, за что борются англо-американские тайные общества, является тем же самым, за что борется иезуитизм. И при этом одни противостоят другим, одни борются с другими, сила против силы, одни не выносят других. Как у одних, так и у других нет и малейшего, действительного, фактического интереса, а только партийные, орденские интересы. Мы должны сегодня совершенно отвыкнуть смотреть лишь на содержание и не обращать внимание на то, с какой точки зрения нечто внедряется в мир. С определённой точки зрения, действительной для одной эпохи, в мир может быть внесено нечто благотворное, оздоровляющее; если же оно выставляется на сцену другими силами, то оно может быть либо чем-то совсем смешным, либо даже вредным. Это необходимо сегодня совершенно особым образом иметь в виду. Ибо всё чаще и чаще будет случаться так: *двое говорят одно и то же, а основания у них совершенно разные*. Все те испытания, что жизнь в течение последних трёх-четырёх лет принесла нам, говорят о том, насколько важно обратить внимание на подобные вещи, насколько необходимо в них разобраться.

Но если даже и считаться с этими вещами, всё равно многого ещё не заметишь. Сегодня, к примеру, часто спрашивают: "Как нужно устроить то, либо это, как нужно сделать то, либо это, чтобы получилось правильно?" Да, как ни устраивайте, что ни делайте – если вы не возьмете людей такими, какими они являются в смысле нашей эпохи, то вы можете возводить как наилучшие, так и наихудшие устройства, они могут быть в равной степени как здоровыми, так и нездоровыми, ибо всё зависит от того, каким вы берёте человека. О чём сегодня идёт речь, так это о том, чтобы человек действительно понял: он должен пребывать в *становлении*, ни в чём он не может быть законченным существом, он не может быть тем, что он уже есть, он должен беспрерывно находиться в становлении. При этом он ещё должен понять, что ему необходимо *реально* всматриваться в реальность. Но к этому совсем, совсем не склонны; я подчёркивал это с разных точек зрения. Во всех вещах, а особенно в отношениях нашего времени люди очень склонны не соприкасаться с действительностью, но принимать лишь вещи, которые приходятся им по нраву. Образовать суждение, отвечающее сути дела, – не так уж просто, как те суждения, которые поддаются прямолинейной формулировке. И совсем плохо поддаются выработке суждения, отвечающие сути дела, когда они касаются социальной или человеческой, или политической жизни, ибо здесь почти всегда верно как одно, так и ему противоположное, – причём в равной степени, как прямое, так и обратное утверждение. Только когда стараются вообще не образовывать никаких суждений о подобного рода отношениях, а создавать себе образы, то есть восходить к имажинативной жизни, тогда становится возможным идти примерно верным путём.

В наше время исключительно важно стараться творить образы, а не абстрактные, законченные суждения. Образом может быть так же и то, что тяготеет к социализации. Далее, что необходимо знать: нет социализации без познания человеком духовной науки. – Итак, свобода мысли – с одной стороны, духовная наука – с другой.

На то, что лежит здесь в основе, я уже указывал в отдельной лекции, в открытой лекции в Базеле[*Лекция в Базеле 8 ноября 1918 года "Нравственная, социальная и религиозная жизнь в свете сверхчувственного познания мира" (Не опубликована).]. Я говорил, что некоторые материалистически мыслящие люди, которые всё развитие хотят понять, исходя из животного царства, говорят: ведь мы видим у животных начала социальных инстинктов, которые у человека развиваются до моральности. Но как раз то, что у животных является социальными инстинктами, поднимаясь до человека, становится антисоциальным. Именно социальное у животных

становится в высшей степени антисоциальным у человека! Люди вообще не хотят вдаваться в различные линии, образующие реальный образ вещей, но они хотят поскорее образовать суждение. Только тогда надлежащим образом войдут во взаимоотношения между людьми, когда перестанут рассматривать человека согласно одной его животной природе, ибо как раз здесь-то он и является в наибольшей степени антисоциальным, когда его будут рассматривать как духовное существо, каждого человека – как духовное существо. А это можно сделать лишь в том случае, если весь мир начать понимать в отношении его духовной основы.

Три вещи неразрывно связаны между собой, – это – социализм, свобода мысли, духовная наука. Они взаимосвязаны. Развитие одного из них невозможно без развития других в нашей пятой послеатлантической эпохе.

Особенно необходимо, чтобы люди привыкли на то, что в человеке коренится как антисоциальное существо, не смотреть безмысленно. Можно бы так же сказать, если даже это звучит тривиально: очень скоро, на благо этой эпохе, люди придут к тому, что перестанут так ужасно охотно заниматься собой. Для настоящего времени особенно характерно то, что человек охотно занят собой. И здесь, опять-таки, вы должны разглядеть: человек особенно охотно имеет своё мышление, своё чувствование, своё воление; и если он однажды, получил, например, мышление, то расставаться с ним он уже не хочет.

Видите ли, кто действительно может мыслить, тот знает нечто такое, о чём никак не скажешь, что это пустяк: обо всём, что он мыслит правильно, когда-то он мыслил ложно. Человек, собственно, только о том знает верно, о чём он получил опыт: как оно действовало в его душе, когда он думал об этом ложно. Но в подобные состояния внутреннего развития люди вдаются весьма неохотно. Поэтому люди сегодня так мало понимают друг друга.

Хочу привести один пример. Пролетарское мировоззрение, о котором я вам часто говорил, утверждает, что весь образ человеческих представлений целиком относится к идеологической надстройке, зависит от хозяйственных отношений, так что люди образуют свои политические мысли на основе своих хозяйственных отношений. Желаясь разобраться в таких мыслях, может обнаружить, что они верны в широком смысле слова, они почти полностью верны особенно для эпохи, начавшейся с XVI столетия. Ибо то, что люди думают в XVI столетия, есть почти полностью результат хозяйственных отношений. Нельзя сказать, что это верно в абсолютном смысле слова, но в относительном – это почти полностью верно. Однако в такую голову, как голова профессора политэкономии, это не хочет входить. Невдалеке отсюда читает в университете лекции один политэконом по имени Михельс[*Роберт Михельс (1876 – 1936), политэконом, социолог.]. Он утверждает, что это не верно, ибо можно доказать, что не хозяйственными отношениями определяются политические мысли, а с помощью политических мыслей можно значительно изменять хозяйственные отношения. И затем этот профессор Михельс указывает на континентальную блокаду Наполеона, благодаря которой были искоренены некоторые отрасли промышленности в Италии или в Англии и начали развиваться новые. Таким образом, говорит он, перед нами явный случай, когда политические идеи – континентальная блокада – определяют экономические отношения. И он приводит ещё другие примеры подобного рода.

Я знаю, когда сотня людей читает об этом в книге профессора Михельса, то им кажется убедительным то, что он говорит, ибо в книге есть строгая логика. И тем не менее всё там до смешного ложно. И всё до смешного ложно потому, что примеры, которые Михельс там приводит, трактуются по той же схеме, как и континентальная блокада. Несомненно, континентальная блокада обусловила некоторые изменения в итальянской промышленности, но эти

перемены в промышленности не вызвали никаких изменений в экономических отношениях между предпринимателями и рабочими. Это-то как раз и характерно. Всё просыпается как из решета или из бочки без дна. Именно такова экономическая теория Михельса – как бочка без дна. Всё, что он приводит, рассыпается, поскольку пролетарское мировоззрение вовсе не утверждает, что не благодаря таким идеям, как континентальная блокада во Флоренции, а не в Англии, развилась шелковая промышленность, которой раньше там не было. Более того, пролетарское мировоззрение утверждает: несмотря на то, что благодаря континентальной блокаде в ряде мест развилась промышленность, на экономические отношения между предпринимателями и рабочими это никак не отразилось, – а это является решающим. Так подобные вещи выпадают из основного хода экономического развития, и континентальная блокада с её последствиями не доказывает ничего из того, что хочет доказать профессор Михельс. Теперь вы спросите: – Почему такой человек, как профессор Михельс, настаивает на своей теории в противовес пролетарскому мышлению? – По той простой причине, что он влюблён в своё мышление, а так же потому, что он совершенно не в состоянии войти в пролетарское мышление. Он спит. Он спит скрытым сном. В тот момент, когда ему требуется продумать пролетарские мысли, он засыпает. Он только тогда в состоянии удержаться от сна, когда развивает мысли, в которые он влюблён.

Так следует подходить к душевным вещам. Наша эпоха такова, что к душевным вещам следует относиться с величайшей серьёзностью, иначе не понять того, что необходимо в наше время; иначе не прийти ни к каким целящим суждениям от этих трудных, трагических отношений. А лишь одни целящие суждения могут вывести в выведут из огромных бед современности. *Ни в малом, ни в большом нет никаких оснований для пессимизма; но есть много оснований изменить суждения; более чем достаточно оснований изменить суждения вплоть до каждого единичного случая.*

Ведь можно сказать: это весьма и весьма примечательно, как люди сегодня, словно бы во сне, высказывают свои суждения, и как в следующий момент времени они уже забывают о предыдущем моменте, сколь бы короток ни был промежуток между ними.

Сегодня мы особенно часто переживаем, как люди забывают род своих прежних суждений, забывают, как они разглагольствовали во всём мире о праве, о необходимостях, о праве бороться против бесправия. И мы ещё не раз увидим, как некоторые люди, разглагольствующие о праве, через некоторое время забывают об этом и совершенно не видят, что для многих из них, говоривших о праве, всё дело сводится к простому вопросу о власти. Не стоит ставить им это в вину; но нужно ясно представлять себе, что когда говорят о праве, то мы не имеем никакого права заблуждаться на тот счёт, что у крикунов подобного рода всё дело сводится к завладению властью. Как сказано, это не следует ставить им в вину, но нет ничего хорошего в том, что на протяжении сравнительно небольшого времени говорится так много о праве, праве, праве. Тут нечему удивляться. Но те, кто кричал о праве, кто соучаствовал во всём этом, должны бы были изумиться тому, как удивительным образом всё изменилось! По меньшей мере, они могли бы тогда осознать, насколько человек склонен строить свои суждения на иллюзиях, а не на действительности.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

Дорнах, 7 декабря 1918 г.

Людам часто бывает трудно найти себя в ходе мировых событий, особенно, если эти мировые события рассматривать с высшей точки зрения. Человек мало склонен непредвзято подходить к истинам, которые часто только в течение долгого времени способны решать жизненные конфликты. Человеку хотелось бы – хотя он этого никогда не признаёт, – однако ему больше всего хотелось бы быть ведомым мировыми силами на помочах. Особенно трудно бывает человеку непредвзято найти себя в тех случаях, когда он в какой-либо инкарнации вынужден жить в такое катастрофическое время, каким, например, является наше. Тогда он охотно задаёт вопрос: "Почему боги допустили всё это?" – но он не хочет спрашивать о жизненных необходимостях. Он имеет, в некотором роде, тоску смотреть на вещи "с приятностью", насколько это только возможно. Но в такое время, как наше, человек должен вдаваться в самые различные вещи, которые подготовляются именно из хаоса. Хаос необходим для всеобщего хода развития. И человеку часто бывает настолько же необходимо находиться среди хаоса, как и среди гармонии. Наша пятая послееатлантическая эпоха особенно характерна тем, что даёт людям много возможностей переживать хаос. Это находится в связи со всей особенностью, со всей сущностью этой эпохи. Ведь мы живём в эпохе, в которую человек должен проходить через те импульсы развития, которые ожидают на самих себе, которые пронизывают его индивидуальным сознанием. Мы живём в эпоху *души сознательной*.

После всего того, что мы теперь рассмотрели, о чём мы собрали различные факты, которые как раз делают понятным наше время, нужно теперь спросить себя: каковы же глубочайшие особенности именно нашей эпохи и развития души сознательной? Глубочайшие особенности этой эпохи заключаются в том, что человеку надлежит основательнейшим, интенсивнейшим образом познать силы, противящиеся гармонизации общественной жизни человечества. Поэтому в наше время необходимо постепенно расширять сознательное познание *враждебных человеку ариманических и люциферических сил*. Если бы человек не прошёл через те импульсы развития, в которых действуют люциферические и ариманические силы, то он не смог бы прийти к полному употреблению своего сознания, а так же и к выработке своей души сознательной. Но в этом вчленении души сознательной в человеческую природу мы узнаём в высшей степени антисоциальную потребность. Так что *особенность нашей эпохи состоит в том, что социальные идеалы в ней выступают как реакция на то, что хочет выйти наружу из внутреннего существа человеческой природы, реакция на развитие человеческого индивидуально сознания*. Я бы сказал, в наше время потому так много кричат о социализме, что внутреннейшая сущность человека как раз в это-то время более всего этому социализму противится. Нам потому необходимо всмотреться во всё, что в космосе, в мироздании стоит в определённой связи с человеком, чтобы осознать, какое отношение существует между антисоциальными импульсами, проистекающими ныне из глубины человеческой души, и криками о социальной гармонизации, которые возникают как реакция на то, что проистекает из внутреннего человеческой души. Необходимо разобраться в том, что человек в своей жизни представляет собой состояние равновесия между противоборствующими силами. Всякое представление, исходящее из двойственности, скажем, из злого и доброго принципов, не в состоянии пронизать жизнь светом понимания. Жизнь можно осветить, исходя из принципа троичности, где одно является состоянием равновесия, а два других полюса постоянно раскачивают это состояние равновесия. Поэтому наша скульптурная группа[*Имеется в виду деревянная скульптурная группа, выполненная Рудольфом Штейнером во время строительства первого Гётеанума. К моменту его пожара она была ещё не закончена и потому сохранилась; в настоящее время находится во втором

Гётеануме в Дорнахе.], которая должна составлять средоточие этого здания, изображает троичность, которую образуют Представитель Человечества, Ариман и Люцифер.

Это сознание состояния равновесия, к которому стремятся и которое находится в постоянной опасности быть поколебленным в одну или в другую сторону, это сознание должно стать сущностью мировоззрения пятой послеатлантической эпохи. Когда человек проходит через душу сознательную, то далее перед ним встаёт задача развивать Самодух. Эпоха развития души сознательной будет длиться ещё долго. Но в действительности не бывает так, чтобы, как в красивой схеме, одно следовало за другим, в действительности одно заключено в другом. И в то время, как вы всё более и более развиваете силы души сознательной, в ваших подосновах уже стоит, я бы сказал, на страже Самодух, который затем в шестой послеатлантической эпохе должен выступить с такой же силой, с какой в пятой эпохе выступает душа сознательная. И с той же силой, с какой душа сознательная действует антисоциально, Самодух действует социально. Так что, можно сказать: из внутренних импульсов своей души человек в данной эпохе развивает антисоциальное; но за ним вырастает духовно-социальное. И это, стоящее позади духовно-социальное, оно существенным образом заявит о себе, когда в шестой послеатлантической эпохе зажжётся свет Самодуха. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в эту пятую послеатлантическую эпоху всячески спутано, в гиперрадикальных формах выступает то, что упорядоченным образом может ужиться в человечестве лишь в шестой, следующей за нашей послеатлантической эпохе. И то, что должно прийти в шестой послеатлантической эпохе, уже заранее не даёт человеку покоя в пятой послеатлантической эпохе, и всё здесь будет зависеть от того, будет ли выработано понимание всего, через что мы должны проходить в пятую эпоху. Антисоциальные потребности будут играть колоссальную роль, и они могут быть умерены, вчленены в действительную социальную жизнь только благодаря тому, что люди, как я об этом недавно говорил вновь, возьмут в помощь то, что как социальная наука проистекает из всеобщей духовной науки.

Таковы подосновы, – поскольку преждевременно за многими стремлениями настоящего времени и будущего стоит социальное требование. Но мы должны всё вновь, с различных точек зрения повторять, что требуемое социальное устройство не может быть жизнеспособным, не вступив в связь с двумя другими вещами. В шестой послеатлантической эпохе эта связь более или менее выступит сама. *В пятой же эпохе социальная жизнь должна регулироваться с помощью духовной науки.* И всякая другая попытка регулировать социальную жизнь помимо сфер духовной науки, приведёт только к хаосу и гиперрадикализму, что сделает людей несчастными. В отношении социального строя жизни в пятой послеатлантической эпохе решающую роль играет духовная наука. Ибо, подумайте только еще раз о том, – на это я указывал вчера и теперь вновь в открытой лекции в Базеле, – что человек в определённом смысле постоянно преодолевает ту природу, которая господствует в животном царстве. Он есть победитель животной природы и он несёт животную природу в себе.

Простоватые дарвинисты утверждают, что человеческая мораль есть только развитие тех социальных потребностей, которые имеются и у животных. Но социальные потребности у животных врождённые, и поскольку они являются социальными потребностями животных, то у человека-то они как раз становятся антисоциальными, и человек только тогда пробудится к социальной жизни, когда перерастёт в себе то, что как животность развивает в нём антисоциальное. Такова истина. Таким образом, если мы представим человека схематически примерно так (это рисуется); (Рисунок в подлиннике

отсутствует. Прим. перев.), - то тогда мы можем сказать: человек преодолевает животность, в развитии он перерастает животное. Что в животном является социальным, у человека - антисоциально. Но человек вырастает в дух, и в духе он может вновь завоевать социальное. Человек завоёвывает социальное на более высокой ступени, чем та, на которой он стоит в эпоху души сознательной, где он вырастает из животности; через хаос это высвечивается в промежуточном состоянии, в котором теперь пребывает человек.

Но для завершенности необходимы два других элемента. Если социализм выступает как элементарный импульс, выступает как требование в среде человечества, то этот социализм может приводить только к несчастьям. Социализм способен привести к благу лишь будучи соединённым с двумя другими вещами, которые должны развиться в человечестве до конца нашей послеатлантической эпохи, до наступления шестой эпохи, - в соединении со свободой мышления и с проникновением в духовную природу мира, пребывающую за чувственной природой. Социализм без духовной науки и без свободы мысли - есть бессмыслица. Это объективная истина. К свободе же мысли человек может пробудиться, созреть именно в нашу эпоху души сознательной. Однако почему должен он пробудиться к свободному мышлению?

Видите ли, в этой пятой послеатлантической эпохе человек, в ходе своего развития, подошёл, в некотором смысле, к решающему моменту. До пятой эпохи, он ещё был в состоянии в жизнь после рождения принести с собой действие неких сил из жизни до рождения. Представим это себе со всей ясностью. Вплоть до нашей эпохи человек носил в себе силы, не развитые в ходе жизни, которые он уже имел в тот момент, когда, так сказать, увидел свет этого мира, когда он родился; эти силы были ему напечатлены во время эмбрионального развития. Эти силы, напечатлённые человеку в эмбриональном состоянии, которые затем продолжали действовать в течение всей жизни, человек имел ещё в четвёртой послеатлантической эпохе. А теперь мы впервые стоим перед великим кризисом в развитии человечестве, когда эти силы больше не могут играть решающей роли, когда они больше не могут действовать столь элементарным образом, как прежде. Другими словами: человек в пятой послеатлантической эпохе в основном предоставлен впечатлениям жизни, поскольку сопротивляющиеся впечатлениям жизни силы, приобретаемые ещё до рождения, в эмбриональном состоянии, утратили свою действительную силу. Это есть нечто бесконечно значительное, что эти силы *перестали быть действительными*.

Лишь в одном отношении жизнь до сих пор позволяла человеку между рождением и смертью кое-что выработать, то есть приобрести нечто такое, что ему не было напечатлено в эмбриональном состоянии. Это было возможно лишь благодаря следующему. Вчера мы рассмотрели одну исключительную особенность сна в связи с социальной жизнью. Когда человек спит, то его "я" и астральное тело находятся вне эфирного и физического тел. В это время имеет место совсем другая связь между "я" и астральным телом, с одной стороны, и физическим и эфирным телами - с другой, чем во время бодрствования. Человек имеет иное отношение к своему физическому и эфирному телам, когда он спит. Так вот, имеется определённое подобие между нашим сном и эмбриональным развитием - подобие, но не тождество! В определённом отношении наша жизнь от засыпания до пробуждения подобна - но не тождественна - жизни, которую мы ведём от зачатия - или, точнее, через три недели после того - до рождения. Когда мы покоимся в материнском лоне, то мы живём той жизнью, которая подобно сну в жизни позднейшей. Хотя тут имеется и значительная разница, она заключается в дыхании, в дыхании внешним воздухом. Поэтому я должен говорить о

подобии, а не о тождестве. Мы не дышим внешним воздухом, когда покоимся в материнском лоне. Мы начинаем дышать внешним воздухом, когда рождаемся. Поэтому жизнь во время сна всё же отлична от эмбриональной жизни. И заметьте себе: когда человек спит, он ведёт жизнь во многих отношениях *подобную* жизни эмбриона. Здесь вмешивается нечто, присущее жизни между рождением и смертью, а не эмбриональной жизни, – дыхание. Благодаря тому, что человек дышит внешним воздухом, его организм испытывает определённые влияния. Но всё, что влияет на наш организм, влияет и на все наши жизненные проявления, а так же и на душевные проявления. Мы иначе понимаем мир, когда дышим, чем когда не дышим.

В развитии человечества имелся один культурный элемент – мы касаемся здесь одной значительной тайны развития человечества – это был ветхозаветный элемент, который состоял в том, что глубоко посвященные в него сознавали тот факт, что жизнь человека между рождением и смертью, благодаря дыханию, отличается от жизни в эмбриональном состоянии и что последнее подобно состоянию сна. На этом внутреннем познании природы дыхания было построено отношение древнеиудейских посвященных, еврейских ветхозаветных посвященных к из Богу Ягве. Бог Ягве открывался своему народу; нужно лишь заглянуть в Библию, чтобы об этом узнать. Что это был за народ Ягве? Это был тот народ, имевший особое отношение к истине о дыхании, которую я высказал. И с этим связано то, что именно этот народ имел откровение, что человек становится человеком, когда его касается *живое дыхание*.

Но если основываются на природе человеческого дыхания, то достигают совсем особого понимания. Тогда достигают понимания жизни абстрактных мыслей, что в Ветхом Завете названо жизнью в законе. Как бы странно это ни звучало для материалистического мышления, однако это факт: именно процесс дыхания в существенном обуславливает силу человеческих абстракций. Что человек может абстрагировать, что он может схватывать абстрактные мысли в том смысле, в каком абстрактны мысли закона, – это физиологически находится в связи с процессом дыхания. Инструментом абстрактного мышления является мозг. Головной мозг находится в состоянии постоянного ритмического движения, соразмерного ритму дыхания. Об этом отношении ритма мозга к ритму дыхания я уже здесь говорил. Я излагал вам, как мозг погружён в мозговую жидкость, которая при выдохе уходит в позвоночник и далее вниз в брюшную полость; как при вдохе жидкость возвращается назад, так что происходит постоянное колебание: при выдохе – опускание мозговой жидкости, при вдохе – поднятие, так что мозг погружается в эту мозговую жидкость. С этим ритмом дыхательного процесса связана физиологически человеческая способность к абстрагированию.

Народ, основывающий особенно много на процессах дыхания, был, в то же время, народом, развивавшим абстрактные процессы. Поэтому посвященные, когда они воспринимали мудрость Ягве, могли давать своему народу совершенно особенные откровения, поскольку эти откровения были целиком приспособлены к абстрактному мышлению. Тайна ветхозаветного откровения состоит в том, что человек воспринимал мудрость, которая была приспособлена к абстрактным способностям, к способностям абстрактного мышления. И мудрость Ягве приемлема для абстрактного мышления. В обычном состоянии сознания человек просыпает мудрость Ягве. Посвященные Ягве в ходе своей инициации воспринимали непосредственно то, что человек переживал благодаря дыханию во время от засыпания до пробуждения. На этом основании многими любителями полуистины Ягве обозначается как то божество, которое регулирует сон. Это, конечно, тоже имеет место. Он сообщает человеку мудрость, которую тот мог бы воспринимать, если бы был ясновидящим, каковыми являются посвященные, если бы он мог сознательно

переживать жизнь от засыпания до пробуждения. Но это уже было недоступно обычному сознанию в ветхозаветной жизни, а давалось людям как откровение, они воспринимали в качестве откровения мудрости Ягве то, что должны были просыпать в своём обычном сознании. Они должны были это просыпать, иначе жизненный процесс не смог бы пойти дальше.

В этом заключается существенная особенность ветхозаветной культуры – мудрость Ягве открывалась там как ночная мудрость. Лишь до определённой степени – я прошу это заметить: только до определённой степени – эта возможность была исчерпана для людей в то время, когда приблизилась Мистерия Голгофы. Ибо эта мудрость, которая, собственно говоря, есть мудрость сонного дыхания, составляет седьмую часть той мудрости, которую человек должен развить в ходе своего развития, – одну седьмую! Это есть мудрость одного Элоима – Ягве. Другие шесть седьмых могли и могут приблизиться к человечеству вместе с вхождением в человечество Импульса Христа. Таким образом, можно сказать: когда открывался Ягве, то он открывал "мудрость-ночного-дыхания". Шесть других Элоимов, которые в совокупности с седьмым Элоимом представляют Импульс Христа, они открывают остальное, что помимо дыхания приходит к человеку от рождения до смерти.

Внутри ветхозаветной культуры человек был бы совершенно антисоциальным существом, если бы Ягве не открыл своему народу социальный элемент в виде абстрактных законов, которые и регулировали и гармонизовали жизнь этого народа. Своё единовластие Ягве смог приобрести, как я уже говорил, путём оттеснения, в некотором роде, путём свержения других Элоимов. Но благодаря этому другие низшие духовные существа подступили к человеческой природе и укоренились в ней. Человек подвергся действию этих других существ; – в результате во времена ветхозаветного развития мы имеем двоякое: во-первых, гармонизирующую мудрость Ягве, проявляющуюся в том, что иудеи называли законом, которым была ограничена социальная жизнь, и, во-вторых, то, что противилось этой социальной целостности, а именно подошедшие к человеческой природе низшие существа, поскольку другие Элоимы были оттеснены до наступления Мистерии Голгофы. Эти низшие существа с большой силой выступили в антисоциальном смысле против элемента Ягве.

И здесь мы подходим к важному факту, заключающемуся в том, что в середине XIX века, в *сороковые годы*, Ягве больше не мог господствовать над противодействовавшими его влиянию духами и они достигли большой мощи. И, собственно, впервые в XIX столетии выступила необходимость Импульса Христа, который до того только *подготавливался* – о чём я не раз говорил, – действительно *понимать*, ибо без него человеческая культура не может двигаться дальше. Перед этим значительным кризисом встал социальный элемент человеческой жизни. Преодолеть этот кризис можно лишь в том случае, если Импульс Христа в будущем будет понят в широчайшем смысле. *Без понимания Импульса Христа никакое социальное требование не достигнет здоровой цели.*

Преыдушие столетия – а их двадцать, – в которые распространялось христианство, были лишь *подготовлением* для действительного постижения Импульса Христа. Ибо Импульс Христа может быть постигнут только в духе. Всё происходит постепенно, и в наше критическое время, когда вещи, о которых я говорю, впали в кризис, обстоятельства сложились так, что в них ещё заявляет о себе пережиток потребности в мудрости Ягве, в той мудрости, указывающей на то, что приобретается в эмбриональном развитии и модифицируется через процесс дыхания, совершающийся бессознательно. Процесс дыхания остаётся бессознательным. Мудрость Ягве должна была открываться сознанию. Так продолжалось до тех пор, пока душа сознательная

не развилась до определённой степени. Теперь, когда душа сознательная развилась до необходимой степени, обусловленная дыханием мудрость Ягве больше уже не может хозяйничать далее. Однако всё более будет заявлять о себе стремление хозяйничать именно с тем, с чем по внутренней необходимости хозяйничать больше нельзя. Иудейская культура не была культурой индивидуальности, а культурой народа, где всё обусловлено происхождением от одного общего отчего корня поскольку для жизни между рождением и смертью то, что было связано с дыханием оставалось бессознательным. Иудейское откровение, в сущности, есть рассчитанное на этот народ откровение, поскольку оно опирается на то, что вырабатывается в эмбриональном состоянии и модифицируется только через бессознательное, через процесс дыхания.

Какое же следствие вытекает отсюда для нашего времени? Отсюда следует, что те, кто не желает признавать Мудрость Христа, вносящую в человека то новое, что вырабатывается между рождением и смертью помимо процесса дыхания, они хотят остаться при мудрости Ягве, хотят привить человечеству не индивидуальную культуру, а народную культуру. И современный призыв к разделению людей на обособленные народы есть атавистический, ариманический призыв к такой культуре, в которой каждый из народов представляет лишь одну общенародную, то есть ветхозаветную культуру[*Речь, следует заметить, идет здесь о культурной, духовной жизни, а не о расовом смешении народов. (Прим. перев.)]. Все народы земли должны уподобиться иудейскому ветхозаветному народу – таков призыв Вудро Вильсона.

Этим мы касаемся исключительно глубокой тайны, тайны, которая открывается во всевозможнейших формах. Социальный элемент является антисоциальным в отношении всего человечества, когда он хочет основать социальное только в масштабах отдельных народов, ибо в этом хочет проявиться ариманический элемент; ветхозаветный культурный импульс утверждает ариманическое!

Как видите, дело обстоит не так просто, как многие сегодня себе представляют, когда полагают, что достаточно выдумать то или другое и идеалы для людей готовы. Нужно быть в состоянии сказать, что же, собственно, в этой действительности господствует и набирает силу. Людям указывается на возможность не основываться более на бессознательном, но в жизни между рождением и смертью строить только на сознательном. Бессознательное основываться на процессах дыхания, на кровообращении, то есть на происхождении, на кровном родстве, на наследственности. Та культура, которая должны прийти, не может основывать социальный строй на кровных связях, ибо эти кровные связи представляют собой одну седьмую того, что должно быть основано в человеческой культуре. Другие шесть седьмых должны прийти через Импульс Христа: одна седьмая – в пятую культурную эпоху, другая седьмая – в шестую культуру, третья – в седьмую, а остальные – в последующие эпохи. Поэтому в человечестве постепенно должно развиваться стоящее в истинной связи с Импульсом Христа; и должно быть преодолено то, что стоит в связи с одним лишь импульсом Ягве. Следует при этом особенно отметить, что ужасное, далеко идущее усиление импульса Ягве в том, что понимается пролетариатом, как интернациональный социализм, произошло в последний раз. В сущности, это последние судороги импульса Ягве. Мы стоим здесь перед удивительным явлением: каждый народ становится народом Ягве, и, в то же время, каждый народ притязает на то, чтобы свой Ягве-культ, свой социализм распространить по всей Земле.

Здесь, опять-таки, мы имеем дело с двумя противоборствующими силами, между которыми нужно искать равновесие. Во всё то, что заявляет о себе как объективная необходимость в ходе человеческого развития, примешиваются

затем чувства, ощущения людей, которые тем или иным образом возникают в различных народных группах и которые в объективном, необходимом ходе развития действуют как препятствия. Через мудрость Ягве открываются одни из семи ворот в человеческие взаимосвязи. Вторые ворота открываются, когда узнают, что то, что человек сегодня несёт как свою физическую и эфирную природу, это в ходе жизни становится больным. При этом, естественно, не имеется в виду острое заболевание, но в нашу пятую эпоху "жить" означает постепенно заболевать. Это началось с четвёртой эпохи, но особенно развилось – в пятую. Жизненный процесс, хотя и постепенно, но уподобляется острому заболеванию. Поэтому, как острое заболевание нуждается в специфическом лечении, так же и человеческая жизнь нуждается в исцелении.

Естественная жизнь людей в пятой послееатлантической эпохе представляет собой, таким образом, постепенное *заболевание*. И всё воспитание, всё культурное влияние должно здесь действовать *исцеляюще*. В этом заключается до некоторой степени первое, истинное действие Импульса Христа: *исцеление*. К исцелению, к исцеляющему действию в особенной степени призван Импульс Христа в пятую послееатлантическую эпоху. Другие его формы должны здесь оставаться в подосновах. В шестую послееатлантическую эпоху Импульс Христа будет особенно действовать в ясновидении. Тогда начнёт развиваться Самодух, с которым человек не может жить без ясновидения. В седьмую послееатлантическую эпоху выступят пророческие способности; другие три члена шестичленной мудрости Христа будут действовать в последующие времена. Так должен Импульс Христа, как целительный процесс, как ясновидческий процесс, как пророческий процесс вживаться в человечество в ходе настоящей и двух последующих культурных эпох, вживаться как социально пронизывающий человечество элемент. Таково реальное действие Импульса Христа. Он проходит через все те вещи, о которых мы говорили в связи с развитием. Одни ворота открыты через мудрость Ягве. Но эти ворота стали практически неприменимыми в середине XIX столетия. Если бы пришлось проходить только через них, то произошло бы не что иное, как то, что все народы развивались бы в форме еврейской культуры. Должны быть открыты другие ворота. Это значит, что мудрость посвящения, познаваемая через вторые, третьи, четвёртые ворота, должна соединиться с мудростью, познаваемой через ворота Ягве. Только так может человек вращаться в иные связи, чем те, которые регулируются через кровь, то есть через дыхание; и то иные связи в будущем приобретут для него особое значение.

Критическое положение нашего времени, опять-таки, возникает потому, что люди хотят сохранить ариманическое, идущее из древних времён регулирование мирового порядка на основе кровных связей, тогда как развилась внутренняя необходимость вырваться из этих кровных связей. В будущем социальное регулирование ни в коей мере не может исходить из какого-либо родства, но только из того, что свободным решением души признаётся как способное регулировать социальный строй. По внутренней необходимости люди идут к тому, что будет искоренено всё, находящееся в социальном строе в силу одних только кровных связей. Но в первом своём проявлении подобные вещи выступают хаотически. В нашу эпоху должно развиваться духовное познание и свобода мышления, придём последнее – именно в вопросах религии. Духовная наука должна развиваться на том основании, что человек вступает в отношения с другими людьми. Но человек – это дух. В отношении с людьми можно вступить, исходя из духа. Прежние отношения, в которые вступали люди, исходили из бессознательного, из вибрирующего в крови духа, в смысле мудрости Ягве, что приводило только к абстракциям. Ближайшее, к чему должен быть приведён человек, должно постигаться в душевном. В образах, из атавизма получали языческие народы древних форм

культуры свои мифы. Иудейский народ имел свои абстракции - не мифы, а абстракции: закон. Это было первое овладение человеком силой представления, силой мышления. Но от теперешнего воззрения, в котором лишь продолжает жить: "Ты не должен творить себе никакого образа", человек должен вновь вернуться к способностям души, творящим образы, но теперь уже сознательно. Ибо только исходя из образа, имажинации, может быть правильно построена социальная жизнь в будущем. В абстракциях можно регулировать социальную жизнь лишь по принципу народности; в высшей степени этот принцип осуществлялся в регулировании ветхозаветных социальных отношений. Теперь же в силу вступает принцип регуляции социальной жизни, основанный на способности сознательным образом использовать те силы, которые в мифотворческих способностях людей пребывали бессознательно или полусознательно, атактически. Люди переполнились бы антисоциальными потребностями, если бы захотели остаться при простых абстрактных законах. Люди должны в своём мировоззрении прийти к образности, тогда из сознательного мифотворчества возникнет так же возможность в общении человека с человеком творить социальное.

Вы можете посмотреть на нашу "группу", её составляют: Представитель Человечества, Люцифер и Ариман. Здесь вы впервые имеете перед собой то, что действует во всём человеке, ибо человек представляет собой состояние равновесия между люциферическим и ариманическим. Войдите в жизнь с импульсом видеть в каждом человеке, стоящем перед вами, эту троичность, видеть её в нём совершенно конкретно, тогда вы начнёте понимать человека. И это является существенной силой, желающей развиться в пятой послеатлантической эпохе - чтобы мы не проходили, подобно призракам, друг мимо друга, так что в одном не возникает никакого образа другого, а лишь одни абстрактные дефиниции: кто есть кто. Ведь ничего иного мы теперь не делаем, мы проходим друг мимо друга как призраки. Один призрак составляет себе представление: - Это хороший парень, - другой призрак: - Это не очень хороший парень; хороший человек, плохой человек - одни лишь абстрактные понятия. В общении человека с человеком мы имеем не что иное, как связку абстрактных понятий. Возникшее в человеке благодаря ветхозаветному правилу: "Ты не должен создавать себе никакого образа", - существенно, но если этого правила придерживаться и далее, то теперь оно ведёт к антисоциальной жизни. То, что излучается из внутреннего существа человека, что хочет реализовать себя - это образ, встающий нам навстречу из человека, когда мы находимся в общении с ним, образ того особенного состояния равновесия, который выражает каждого человека индивидуально. Сюда же, конечно, относится тот повышенный интерес, уже неоднократно описанный мною как основа социальной жизни, тот повышенный интерес, который люди должны развить по отношению друг к другу. Сегодня мы не проявляем особого интереса к другим людям, поэтому мы их критикуем, поэтому мы их осуждаем, поэтому мы строим свои суждения на основании симпатии и антипатии, а не на объективном образе, который встаёт нам навстречу из других людей.

Эта способность некоторым образом возбуждаться мистически, когда мы стоим перед другими людьми, эта способность хочет реализоваться. И она вступает в жизнь, как особая социальная потребность. С одной стороны, душа сознательная стремится целиком проявиться антисоциально в эту пятую послеатлантическую эпоху. С другой стороны, из внутреннего человека стремится проявиться нечто другое - формирование образа людей, с которыми мы живём, с которыми мы встречаемся в жизни. Социальные потребности, социальные импульсы - эти вещи лежат много глубже, чем обычно себе представляют, когда говорят о социальном и антисоциальном.

У вас, вероятно, возник вопрос: как выработать способность воспринимать образ человека? Мы должны эту способность усвоить в ходе жизни. Ягве-способности даны нам от рождения, мы развиваем их в эмбриональном состоянии. Дальнейшая жизнь оказывается для человека не столь удобной; что необходимо ему к тому присовокупить – новые способности, он должен их развить в ходе жизни. В воспитание должны быть внесены более конкретные, более определённые максимы, чем те, которые сегодня столь беспорядочно действуют в педагогике. Прежде всего, людям необходимо выработать потребность чаще оглядываться на свою жизнь и при этом – правильным образом. Ведь то, что человек часто развивает как воспоминание прежних переживаний, носит сегодня, большей частью, весьма эгоистический характер. Если же мы не эгоистично, сообразно возрасту, которого мы уже достигли, оглядываемся на то, что пережили в детстве, юности и т. д., тогда как бы из сумеречных глубин духа всплывают люди, принимавшие в различнейших отношениях участие в нашей жизни. Оглядывайтесь назад, на прожитую вами жизнь, мои милые друзья, но поменьше сосредотачивайтесь на себе, на том, что вас интересует в своей собственной "драгоценной" персоне, а больше смотрите на тех, кто вошёл в вашу жизнь, кто вас воспитывал, с вами дружил, чем-то вам помогал, может быть даже вредил вам, вредил подчас крайне необходимым образом. В том, что поднимается тогда из сумеречных глубин духа, вы найдёте и нечто такое, что приведёт вас к выводу: как мало оснований имеет человек, в сущности говоря, приписывать себе что-либо из того, чем он стал. Часто важнейшее из того, чем мы владеем, оказывается зависящим от того, что в том или ином возрасте нам встретился тот или иной человек и, возможно не сознавая того – а иногда и очень даже сознавая, – направил наше внимание на то, либо на другое. Во всеобъемлющем смысле, не эгоистически просматривайте свою прожитую жизнь во всевозможных взаимосвязях, которые, поистине не дают нам никакого повода эгоистически углубляться в себя, эгоистически ломать голову над самими собой. Направьте свой взор на тех людей, которые повстречались вам в жизни. Углубляйтесь с любовью во всё то, что к вам когда-либо подступало. Часто мы видим, как антипатичное нам в одно время, уже не является таковым в другое, когда проходит достаточный срок, поскольку мы начинаем видеть внутреннюю связь. И если с кем-то мы столкнулись неприятным образом, то может оказаться, что это было для нас совершенно необходимо. Нередко бывает так, что человек, навредивший нам, был нам более полезен, чем тот, кто нам помогал.

Было бы полезно такой бескорыстный просмотр прожитой жизни проводить почаще, стараясь пронизать жизнь, проистекающим из такого самонаблюдения убеждением: как мало, собственно, у меня оснований заниматься самим собой! Сколь бесконечно богаче становится моя жизнь, когда я свой взор обращаю на тот или иной образ, вступивший в эту мою жизнь. – Тогда мы некоторым образом освобождаемся от самих себя, когда предпринимаем такой бескорыстный обзор прошедшей жизни. Тогда мы отрываемся от ужасного зла нашего времени, от которого страдает так много людей, отрываемся от копания в самих себе. Кто хоть однажды предпримет такое самонаблюдение, каким я его описал, тот обнаружит, насколько он стал не интересен самому себе по сравнению с прежним раздумыванием о себе. Бесконечный свет разольётся тогда над нашей жизнью, если мы увидим его исходящим из того, что выступает из сумеречных духовных глубин этой жизни.

Это нас так обогатит, что мы действительно получим имажинативные силы, которые позволят нам уже в настоящее время видеть в людях, с которыми мы живем, то, что в ином случае, с помощью обзора прошлого открывается лишь через годы. Мы приобретём благодаря этому способность наблюдать образы, выступающие из людей, с которыми мы встречаемся.

Забота о социальной жизни, поистине, связана не столько с идущими из прошлого кровными связями, с какими-либо социалистическими программами, сколько с пониманием того, что человек становится спиритуально-социальным существом. Он становится им благодаря тому, что описанным образом пробуждает в себе глубокие силы, возбуждающие в нём образные представления других людей. Во всяком другом случае мы постоянно будем оставаться антисоциальными существами и только на основании симпатий и антипатий будем приближаться к другим людям, а не на основании образа, который встаёт нам навстречу из каждого человека, если только мы развили образные силы в общении с людьми. Именно в социальной жизни людей должна прийти в действие максима: *ты должен создавать себе образ твоих ближних*. Лишь если мы будем создавать себе образы своих ближних, мы обогатим нашу душевную жизнь; тогда при каждом человеческом знакомстве наша внутренняя душевная жизнь будет обретать сокровище. Тогда мы будем жить просто с мыслью: здесь живёт некто А, там – В, там – С, но тогда А, В и С будут жить в Д; А, В, Д – в С; С, Д, Е, – в А и т. д. Мы приобретем способность, в силу которой другие люди смогут жить в нас. Но это должно быть выработано; это не может быть в нас врождённым. И если мы будем продолжать заботиться только о наших врождённых способностях, то мы останемся лишь при культуре крови и не сможем развить культуру, в которой можно бы было в истинном смысле слова говорить о человеческом братстве. Ибо о человеческом братстве, которое сначала остаётся лишь абстракцией, абстрактным словом, мы сможем говорить только тогда, когда будем носить в себе других людей как самих себя. Когда мы образуем себе образ другого человека, который возрастает как сокровище нашей души, то тогда мы носим от него в своей душевной области нечто, наподобие того, как от телесного брата мы носим нечто в своей крови. На место обычного кровного родства должно этим конкретным образом вступить *родство по свободному выбору как основа социальной жизни*. Это есть то, что действительно должно развиваться. От человеческой воли должно зависеть то, как будет пробуждено *братство* среди людей. А поскольку братство будет пробуждено таким образом, то совсем в иной сфере этому должна быть создана компенсация, а именно: *свобода мысли*. До сих пор люди были разъединены. Они должны социализироваться в братстве. Благодаря этому не утрачивается многообразие, но именно внутреннейший элемент, мысли, в каждом человеке должны образовываться индивидуально. Ягве имеет отношение к целому народу. Ко Христу каждый отдельный человек может находиться в индивидуальном отношении.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

8 декабря 1918 г.

В двух последних лекциях я говорил о том, что так называемые социальные вопросы вовсе не так просты, как это себе представляют, но что они заставляют считаться с человеческой природой во всей её сложности, заставляют считаться с тем фактом, что в человеке есть и хотят проявиться как социальные, так и антисоциальные инстинкты. – При этом безразлично, с какой социальной структурой имеют дело, какого рода социальные идеалы приходят к своему осуществлению. Антисоциальные импульсы, именно в наше время души сознательной, играют, как мы это уже видели, совершенно особенную роль. В развитии человечества они выполняют некоего рода воспитательную задачу при попытке человека опереться на самого себя. В дальнейшем они будут преодолены благодаря тому, что за нашей эпохой души

сознательной последует эпоха Самодуха, которая подготавливается уже теперь; в ту эпоху человечество в основном, будет социально единым. Правда, произойдет это иначе, чем представляют себе социальные фантасты, – между людьми сложатся такие отношения, при которых один человек будет действительно знать других как людей, иметь к ним интерес как к людям; короче говоря, каждый отдельный человек будет в состоянии с полным интересом понять другого человека как такового.

Разумеется, всё, выступающее ныне как социальная потребность, представляет собой некий род авангарда, головной заставы, род подготавливания, а потому, будучи семенем, предназначенным прорасти лишь в будущем, эта потребность изживает себя хаотически через многие заблуждения и иллюзии, в которые современное человечество впадает по той причине, что социальные импульсы в большей своей части проистекают из сферы вне- и подсознательного, будучи непросветленными духовным познанием мира и человека. Этот род иллюзионизма с особой силой выражается в развитии так называемой русской революции, для которой особенно характерным является то, что в своём современном виде она, в сущности говоря, находится в абсолютно неверном отношении к тому, что как русский народ подготавливается к грядущей, шестой послеатлантической культурной эпохе, что эта революция родилась из абстракций. Именно, более или менее иллюзорные идеалы современной русской революции особенно важны, значительны при изучении того, как беспорядочно бродит нечто последующее в этом предыдущем (настоящем). Можно сказать, что особенно характерным персонажем этой русской революции является Троцкий – тип абстрактно мыслящего, живущего целиком в абстракциях человека, который, по-видимому, даже не подозревает о том, что такое явление, как социальная жизнь людей, обладает какой-то реальностью. Этой реальности должно быть привито нечто измышленное и чуждое ей.

Это не является критикой, а только характеристикой. Ибо для нашего времени как раз характерно, что предрасположенность к абстракциям, к мышлению, чуждому действительности, хочет привить этой действительности максимы, взятые без всякого знания её законов. Их считают правильными без того, чтобы хоть как-то оглянуться на все те многообразные жизненные взаимосвязи, какими мы их познаем с помощью духовного, образующего основу внешней физической действительности. Всё, что может возникнуть, может возникнуть только из этой основы. Поскольку на сцену выходит нечто в высшей степени чуждое действительности, в чем беспорядочно движутся импульсы и инстинкты пролетарского образа мышления, постольку как раз то, что как идеи живет в наше время в ведущих головах русской революции и стремится к своему осуществлению, именно с этой точки зрения и является особенно значительным. Ведь можно видеть, как за сравнительно короткое время в самой России люди с самым различным жизневосприятием примкнули к революционному движению и способствовали его развитию. В обострении развития событий в России сыграла свою роль актуализация социальных проблем современности под влиянием военной катастрофы. Из этой актуализации коренных проблем развилась затем, в марте 1917 года, в России так называемая Февральская революция, которая была направлена на низвержение, прежде всего, тех господствующих в стране сил, что стояли за трон. Но вскоре эту чисто политическую, внешне политическую форму революции сменил, я бы сказал, первый этап революционного мышления, носителями которого были, по терминологии Троцкого, соглашатели, то есть люди, которые на основе всяческих соображений, всяческих умных понятий, идей, представлений, а так же на основе преобразованных в понятия умных ощущений, хотели построить социальную структуру. В число этих революционеров входили, прежде всего, люди, которые уже ранее были более или менее причастны к формированию социальной структуры, а именно, люди

из интеллигентских и промышленных кругов; все они более или менее исходили из того, что социальный строй следует основывать на рассудочных началах. Но всех этих людей, желавших с помощью разных обдумываний, хороших суждений и доброй воли построить социальную структуру, Троцкий объявил, с некоторым на то правом, правда лишь с относительным, односторонним правом, затягивателями революции, людьми, которые ничего не могут делать и ни на что не способны. И из рассмотрений, которые я уже представил Вам, Вы знаете, что пролетарское мировоззрение, прежде всего, склонно к тому, чтобы отбрасывать любые обдумывания, как бы умны они ни были, если только они возникают в среде тех людей, которых Троцкий называет болтунами и трепачами за то, что они умеют умно говорить. Эти рассудочные вещи отклоняются пролетарским мировоззрением в силу некоего инстинкта, ставшего в марксизме постепенно своего рода теорией. Считают невозможным, просто не верят тому, что с помощью каких-то рассудочных обдумываний, пусть они даже исходят из доброго сердца, можно построить в будущем социальную структуру. Пролетариат верует в одну единственную возможность: только в головах пролетариев, в головах неимущих масс, исходя из хозяйственных отношений, в которые поставлены пролетарии, могут родиться плодотворные идеи, и никогда они не могут родиться в среде буржуазии или каких-либо других классов, поскольку буржуазия, именно в силу присущих ей идей, должна мыслить по-иному. Только в среде рабочего класса могут сложиться идеи единственно способные найти подход к будущему социальному строю.

Когда всё это таким вот образом обдумывается, то для такой головы, какой, например, обладает Троцкий, с неизбежностью вытекает следствие: не остается ничего иного, как отнять у правящей буржуазии власть, а бесправный класс сделать господствующим. Это и есть то, что в течение десятилетий подготавливалось в подобных головах и что они, как только в России назрел величайший кризис, захотели внести туда. Это должно было быть внесено через так называемую Октябрьскую революцию после того как все другие – которых мы все-таки назовем партиями – будут устранены через захват власти пролетариатом. С этой точки зрения, которая, естественно, целиком абстрактна и является конкретной лишь постольку, поскольку строит свои расчеты с опорой на определенный класс людей, который, несомненно, есть действительность, с этой точки зрения русская революция с октября 1917 г. и осуществляется ставшими с этого времени во главе её личностями.

Для такого революционного мышления имеются и определенные трудности. В России, которая ведь как Вы знаете из наших духовнонаучных рассмотрений, обладает совершенно специфическими чертами, эти трудности выступают с особой силой. Эти трудности связаны с классовым строем, который мы находим в мире повсюду, но лишь благодаря русским отношениям они приобретают особую силу. Первая большая трудность заключается в том, что теперь все социальное, политическое руководство людьми в размерах целого общества должен взять в руки один класс, который прежде был всего этого лишён, который прежде был вне всякой связи с тем, что формировало так называемую культуру. Пролетарий, фактически пришедший к власти, был до того совершенно исключен из всех тех импульсов, которые слагали факторы власти. Всё, чем он обладал до сих пор – это была возможность принести, так сказать, на рынок свою рабочую силу, рабочую силу своих рук. И это имеет место во всех странах. Поэтому во всех тех странах, где революция поднимала свою голову, имело место следующее; вначале, как обычно, политическая группа, пролетариат брал власть в свои руки, а затем всё, в определенном отношении, оставалось по-старому, то есть те люди, которые ранее занимались управлением, продолжали занимать свои посты, поскольку были этому обучены, были в своем деле специалистами. Перемены тут не идут дальше захвата коллегией дилетантов издавна сложившегося

аппарата управления. Но дело заключается ещё в том, что это коллегия дилетантов совершенно определенного типа, а именно – она пролетарского типа, состоит из пролетариев. И что она должна состоять из пролетариев, со всей очевидностью следует из утверждения максимы: только из пролетарской головы может произойти то, что способно вести в будущее; и ниоткуда более. Это водительство не может осуществлять в будущем ни какое-то там национальное собрание, ни учредительное собрание, ибо учредительное собрание в подобном случае было бы не чем иным, как своего рода продолжением уже бывшего прежде. А должен прийти радикальный перелом. В выборах нет никакой нужды. Те, кто должны стать руководителями, они ими становятся на основании своей принадлежности к пролетариату; не к какому-то там национальному или учредительному собранию, а к диктатуре пролетариата. – А отсюда сразу же проистекает одна трудность, состоящая в том, что пролетариат, как я уже сказал, не обладает опытом управления и с позиции дилетанта должен осуществлять контроль над теми, кто управлял в прошлом и в интересах этого прошлого. Так именно случилось в России. Пришедшие теперь на вершину власти пролетарии, не имевшие в прошлом никакой связи с тем, что называется государственным организмом, увидели себя противопоставленными тому, что осталось в этом государственном организме от прежних времен. Они были вынуждены, и это большей частью соответствует действительности, смотреть на дело так, что все люди в государственном организме не только остались от прошлого времени, но в своих действиях они продолжают руководствоваться мыслями, принесенными из этого прошлого. Они принесли интересы старого буржуазного государства в государство, которое должно быть подчинено только диктатуре пролетариата. Их действия были подобны действиям враждебной страны, которая, скрывая свои планы, попыталась бы, вместо открытой войны и контрреволюции, изнутри осуществить свою разрушительную деятельность. Поэтому пришедший в России к власти пролетариат ощутил деятельность старого государственного корпуса как саботаж. И первое его усилие было направлено на преодоление этого саботажа, который вносил в основываемый новый режим то, что, по сути дела, могло быть опорой лишь для старого. Это было то же самое, как если бы некий враг тайком приходил на чужое поле и сыпал его ядом, чтобы на нём ничего не росло. Как саботаж ощущал пролетариат всё то, что исходило от корпуса старых государственных чиновников. Самые интенсивные карательные меры были направлены им на преодоление этого саботажа. Здесь он не сдерживал себя ни в чем; всё, что казалось ему вредным, он попытался искоренить огнём и мечом. И такой человек, как, например, Троцкий, убежден, что до определенной степени саботаж сегодня уже преодолен; те, чья деятельность в чем-либо не соответствовала пролетарскому мышлению, теперь устранены и т. п.

Однако сама трудность не устранена тем, что побежден так называемый саботаж. – И это прекрасно понимает также и Троцкий. Нужда во всем старом аппарате управления осталась, но его теперь нужно сделать послушным слугой господствующего пролетариата. И в этом видит, например, Троцкий, главную трудность. Он верил, что ему удастся её преодолеть с помощью своих абстрактных средств, но ему это не удалось. Здесь лежит начало иллюзионизма, ибо Троцкий – чуждый действительности ум. Этот иллюзионизм основывается на абстрактном представлении, что из технических специалистов, интеллектуалов и коммерсантов единым махом можно сделать слуг для диктаторской коллегии, составленной из пролетариев. Не что иное, как неверие в существование душевно-духовной жизни заявляет о себе из этой иллюзии. Если люди остаются при старых идеях, если они не видят, что социальные преобразования должны проистекать из новых мыслей, о чем я уже здесь не раз говорил, если вообще занимаются тем, что берут старых инженеров, старых чиновников, старых генералов и заново их

нанимают на работу, если попросту перенимают старое без того, чтобы, прежде всего, через воспитание пойти навстречу новому, то тогда через некоторое время всё возвращается к прежнему состоянию. Тогда не могут преодолеть прошлого и бывают вынуждены продолжать его. Можно, конечно, карательными мерами на какое-то время подавить саботаж, но он всё снова и снова будет понимать голову. Ибо, уж если верно, что человек зависит от ситуации, в которой он находится – а эта ситуация длится уже три-четыре столетия, как об этом говорит новая история, – то его можно сделать независимым от прежних отношений лишь с помощью действенных мыслей, которые могут прийти только из жизни духа; в противном случае человек, подобно тому, как кошка из всех положений падает на четыре лапы, будет постоянно впадать в старые привычки мышления, будет всё снова возвращаться к старому образу действий.

Здесь находится один из пунктов, в котором весь означенный образ мышления представляется как иллюзорный, как целиком чуждый действительности. Я бы мог показать и другие подобные пункты, но мне хочется провести перед вашим взором только особенные конфигурации этого мышления. Я хочу показать вам на отдельных примерах сколь чуждым действительности оказывается это мышление. Нельзя просто взять и выдумать: должно произойти либо то, либо это, но нужно считаться с имеющимися в действительности закономерными импульсами. Если эти импульсы игнорируют, то с неизбежностью впадают в иллюзии. И, например, одна из крупнейших иллюзий Троцкого состоит в следующем: Троцкий знает, что путем особой силы подавления, которому в России подвергаются также и широкие рабоче-крестьянские массы – так их теперь называют, – исключительно обостряются отношения. Он так же знает, что в той форме, которую принимает революция при этих особенных отношениях, она не может привести к победе. Он чужд действительности, но не в том смысле, что он не в состоянии рассудочно понять, что как ни велика Россия, всё же в сравнении со всей Землей её территория составляет лишь небольшую часть, и на ней при современных отношениях нельзя односторонне ввести новую социальную структуру. Поэтому Троцкий рассчитывает с помощью пролетариата революционизировать весь цивилизованный мир и не предаётся иллюзии, будто русская революция может победить в одиночку. Он понимает, насколько она зависит от победы пролетарской революции во всем мире.

И вот, в этих мыслях живут представления Троцкого с их абстрактным характером. Троцкий верил в мировую пролетарскую революцию. Он верил, что мало-помалу война приведет к пролетарской революции во всем мире, что война постепенно превратится в пролетарскую революцию.

Конечно, эта военная катастрофа ещё приведёт кое к чему. Но сегодня действительность со всей очевидностью показала, насколько мысли Троцкого чужды ей. Они были бы реальными в том случае, если бы военная катастрофа окончилась всеобщим истощением, если бы одной из сторон не была сенсационно, столь удивительным образом, одержана так называемая победа, упразднившая всякую надежду на равномерное истощение всего цивилизованного мира. То, что наступило после неё – это абсолютная гегемония сил Запада и полная зависимость сил Средней и Восточной Европы. Обуздание силами Запада сил Средней и Восточной Европы – вот что, прежде всего, стало движущей силой; и по-другому быть не могло. Это ясно всякому, кто с пониманием смотрит на эту действительность. Но Троцкий – чуждый действительности ум; иначе он бы должен был сегодня сказать себе: – События опровергли меня. – Однажды он высказал не лишённые основания весьма умные слова, если мыслить только абстрактно. Он сказал, что буржуазное миропонимание современности не имеет иного выбора, кроме как между продолжением войны и революцией. Но все случилось по-иному. Не

произошло ни продолжения войны, ни революции, а наступила так называемая победа сил Запада. И в том, что подготавливается теперь на Западе, не содержится никаких зародышей пролетарской революции, а имеет место выработка всем Западом организованной государственности крупной буржуазии, противостоящей пролетарствованию Средней и Восточной Европы.

Таков, можно сказать, всемирно-исторический вывод; со временем он, конечно, изменится, но в настоящее время он таков. Такова действительность. Троцкому следовало бы сейчас мыслить совсем по-иному, если бы он был в состоянии видеть действительность. Он должен был бы сказать себе: "Как может при современных условиях победить то, что я связывал с русской революцией, когда не наступила важнейшая предпосылка - мировая пролетарская революция?" - Но если он и поныне надеется на эту мировую революцию, то это-то и является доказательством того, что он чужд действительности.

Но и ещё в одном месте примечательным образом обнаруживает себя чуждый действительности образ мыслей такого вот революционера. Само собой разумеется, что подобные революционеры постоянно заявляют, что, дескать, прусско-немецкий милитаризм есть большее зло, чем то, которое связано с его преодолением, с его устранением из мира. Так вот, развитие пришло к тому, что прусско-немецкий милитаризм теперь устранен из мира, но зато милитаризм Антанты за короткое время приобрел абсолютно господствующее влияние! Но об этом я совсем не хочу говорить, а о том, к чему побуждает сам Троцкий, а именно: какова самая главная задача русской революции, если она хочет сохранить себя? - Ответ его на это гласит: Создание армии! В этом, по мнению Троцкого, состоит первейшая, главнейшая задача!

На эти вещи следует обратить самое серьёзное внимание, со всей ясностью осознать их характер. Ибо, лишь в том случае, если эти вещи будут действительно увидены и поняты, можно будет сказать себе: "Я должен поглубже заглянуть в импульсы, действующие в среде человечества, если хочу составить себе представление о том, что же должно произойти из того хаоса, который мало-помалу развился из военной катастрофы". Конечно, сегодня человечество ещё совсем не склонно признавать те импульсы, о которых я здесь, с самых различных точек зрения, говорил как действительных, единственно возможных социальных импульсах. Но человечество смогло бы их признать, если бы однажды решилось попристальнее взглядеться в те действительные силы, что господствуют в развитии человечества.

В головах русских революционеров всё снова и снова возникает одна ужасно характерная фраза. Что, собственно говоря, хотят эти диктаторы пролетариата в общем и целом? Они хотят весь мир превратить в одну большую фабрику, в одну фабрику, пронизанную некоего рода единой банковско-бухгалтерской системой, включающей в себя все социальные группы, какие только можно себе представить, - старых инженеров, старых чиновников, даже старых генералов мы хотим подготовить для служения нашей пролетарской диктатуре! Но бухгалтерию, хозяйственный учет, то есть заводскую контору, мы должны держать в своих руках! - Этому нечего удивляться, поскольку всё движение вышло из современного промышленного развития. Если только принять во внимание, что всё оно вышло из сферы современного промышленного пролетариата, то не покажется удивительным, что ко всему, полученному теперь в руки, пролетариат применяет тот образ мышления, который он приобрел в фабричных условиях. Произшедшие события есть результат, следствие того, что буржуазия не заметила, насколько всеобъемлющий стала проблема пролетариата в наше время. И если было необходимо, чтобы буржуазия, так сказать, продрала глаза и

дала всему этому спокойно выйти на поверхность, то, в то же время, не было никакой необходимости оставлять без внимания столь важные соотношения объективно пребывающих в мире сил; ибо, будучи оставленными без внимания, эти объективные силы не имели никакой возможности войти в соприкосновение с социальными задачами. Необходимо также ещё знать, насколько различны люди в мире, о чем я уже говорил вчера или позавчера. Необходимо знать, что на Западе живет иное человечество, чем на Востоке или в Средней Европе, что с абстрактными идеями, не принимая во внимание действительность, нельзя заниматься построением социальной системы. По причине незнания действительности, русским революционерам, вместе со своей большой иллюзией, придётся потерпеть крушение.

Людьми, социально не стесненными, то есть свободными распоряжаться тем или иным в силу обладания властью, подобные иллюзии на некоторое время могут быть навязаны действительности. Но действительность всё же отбросит их, поскольку не имеет в них нужды. Действительность примет только то, что находится в соответствии со смыслом её развития. Мы не должны забывать о самом значительном, о том, что мы живем в эпоху развития души сознательной, и что это развитие души сознательной в разных частях Земли выступает в совершенно различных формах.

Рассмотрим теперь с точки зрения основных различий европейских народов, выступающих в языке, те импульсы, что лежат в основе цивилизованного мира. Я уже часто говорил вам, каким образом в сфере народов, говорящих на английском языке, пребывают зачатки развития души сознательной. Знать это очень важно. С этим находится в связи, можно сказать, всё то, что происходит в мире под влиянием говорящих на английском языке народов. Эти народы – я говорю именно о народах, а не об отдельных людях – наделены всеми теми импульсами, которые как раз ведут к выработке души сознательной. У них совсем другим образом, чем у всего остального человечества, склонность к образованию души сознательной выступает как инстинкт. Она у них выступает как инстинкт. Нигде в мире этот, я бы сказал, одухотворённый инстинкт к выработке души сознательной не живет так, как в английском народе. Там это инстинкт. И нигде больше это не является инстинктом, даже там, где в среду говорящих на английском языке народов вчленен романский элемент. Романские народы являются потомками тех, кто жил в четвертой послеатлантической эпохе. Те (древние) романские народы обладали инстинктом к тому, что было особенно развито в четвертую послеатлантическую эпоху. Теперь их инстинкты уже не настолько элементарны – они рационализированы и интеллектуализированы; они выступают как риторика, выступают через интеллект, через душевное, как декоративная форма. Но всё это родилось из инстинктивного. То, что выступает как, я бы сказал, темперамент романских народов, совершенно отличается от того, что выступает как темперамент английских народов. У последних тяготение к душе сознательной, стремление отдельного человека стоять на собственных ногах является инстинктом.

Таким образом, составляющее задачу пятой послеатлантической эпохи, это, как инстинкт, как инстинктивно идущий из всей души импульс, коренится именно в английских народах. Этим, надо сказать, целиком обусловлено их положение в мире, обусловлен тот факт, что этот импульс внутри социальной структуры народов, говорящих на английском языке, является руководящим и решающим, способным подавить все другие тенденции. Другие тенденции, как вы могли увидеть из моих сообщений по социальному вопросу, стремятся к вычленению двух других импульсов: экономического и импульса духовного производства. Но если вы хоть раз займетесь изучением психологии народов, говорящих на английском языке, то вам станет ясно, что как экономический импульс, так и импульс духовного производства стоят там в тени того, что

исходит из инстинктивного импульса, тяготеющего к выработке души сознательной

Благодаря этому элементы, которые в будущем должны слагать социальную жизнь именно в среде народов, говорящих на английском языке, получают совершенно своеобразную окраску. Три сферы должны стать в будущем особенно действенными, задающими тон. Первая из них - политика, обеспечивающая безопасность; вторая - организация работ, чисто материальной деятельности, упорядочивание экономики, хозяйственной системы, - это второе. Третьей, является система духовного производства, к которому я - как уже однажды говорил вам - причисляю так же юриспруденцию, судопроизводство. Само собой разумеется, эти три члена социальной структуры остаются в тени того, что в каждом отдельном народе выступает как основной импульс. Благодаря тому, что у народов, говорящих на английском языке, инстинктивно действует развитие души сознательной, стремление встать на собственные ноги, у них, как этому немало учила история, на первое место выступает политика. Эта политика целиком пронизана инстинктивным стремлением поставить людей на собственные ноги, вполне развить душу сознательную. Но инстинкт всегда себялюбив, а потому это инстинктивное стремление приводит к тому - я лишь характеризую, а не критикую, - что в среде народов, говорящих по-английски, *себялюбие и политические цели полностью совпадают*; вся политика с совершенной непосредственностью ставится на службу себялюбию, так что политик из среды этих народов не чувствует при этом за собой никакой вины; и благодаря этому исполняется миссия англоговорящих народов. Только так можно понять задающую тон во всем мире английскую политику. Ибо повсюду английская политика, её парламент с колебанием большинства и меньшинства и тому подобное, рассматривается как идеал. Попробуйте познакомиться с характером различных парламентов, с тем, как они образованы, и вы увидите, что именно британская политика задает тон в политической жизни. Но когда она распространяется на другие народы, то она с неизбежностью видоизменяется, поскольку коренится, действенным образом коренится в *себялюбии, эгоизме, с необходимостью присущими всякому инстинкту*.

В этом состоит трудность понимания английской и американской политики. Упускают из виду нюансы, которые-то как раз и надо иметь в виду: что эта политика должна быть себялюбивой, что она должна целиком основываться на себялюбивых импульсах. В силу своего особенного характера должна она основываться на себялюбивых импульсах. Эти себялюбивые импульсы она рассматривает как нечто само собой разумеющееся, как законное, как моральное. И здесь нечего возразить. Здесь нечего критиковать, а нужно понять, что это всемирно-историческая необходимость, можно даже сказать, необходимость в плане мироздания. Её нельзя осуждать по той простой причине, что всякий, пытающийся нечто осуждать у англичан, всегда оказывается, я бы сказал, в ложном положении. Он хочет на моральном основании, которое здесь не может идти в счет, осудить английскую политику как себялюбивую. О моральном основании здесь просто не может идти речи. То, чем она стала, произошло из инстинкта, из себялюбия.

Поэтому в нашей, пятой послеатлантической эпохе народам, говорящим на английском языке, предоставлен неким образом элемент власти. Вспомните трёх персонажей гётевской "Сказки": Власть, Видимость,(или Блеск), и Мудрость,(или Познание). Из этих трех качеств, англоговорящая народность наделена властью. То, чем обуславливается в мире политика, делает это благодаря обладанию врожденной способностью действовать через власть. А действие, исходящее из власти, в пятой послеатлантической эпохе следует принимать как нечто само собой разумеющееся. *Английская политика будет*

признана во всем мире. Само собой разумеется, что все неурядицы в мире, которые, ведь, всегда в нем имеются, люди будут остро критиковать, это также будут делать и англичане; но английскую политику признают все. Ибо её признание обусловлено развитием во времени, так что об этом не станут особенно раздумывать или искать каких-то оснований. Не потребуется никаких оснований, поскольку то, что придет с этой стороны как власть, будет принято совершенно непосредственным образом, как само собой разумеющееся.

Но по-иному обстоит дело у романских народов. Они представляют собой некоего рода тень, временную тень того, чем они были в четвертой послеатлантической эпохе. Инстинкт в них преобразовался в интеллектуальность. Он в них уже не столь элементарен. Поэтому английская политика приемлетя как сама собой разумеющаяся, а французская политика – лишь теми, кому она *нравится*. Французское любят в мире поскольку оно любезно. Английское же совсем не зависит от этого, а, исходя из инстинкта, действует в политической жизни современности как нечто само собой разумеющееся. Но благодаря господствующему, направленному в политику стремлению к себялюбию и власти – что неизбежно ведет их к мировому господству – именно в среде англоязычных народов хозяйственный организм держится в определенных рамках в *подчиненном* положении; точно так же и духовная жизнь, в той мере, в какой она имеет место в пятой послеатлантической культуре, поставлена на службу политике, так что всё односторонне поставлено на службу политике.

По этой причине для говорящего по-английски мира марксизм является фальшью. Ибо марксизм отводит политике место придатка экономической системы. Для англоязычных народов это невозможно по той причине, что в них действует инстинкт к образованию души сознательной. Не с помощью какой-то там аргументации, не с помощью дискуссий, не с помощью каких-либо событий, происшедших в мире, предотвращен марксистский порядок в Англии, но лишь по той причине, что Британская Империя построена на совершенно иных действительных основаниях, чем те, на которых стоит марксизм, марксистски мыслящий пролетариат. Существует полярная противоположность между марксистски мыслящим пролетариатом и тем, что из инстинктивной жизни вносится в мир через британскую мировую державу. Не банковский институт или бухгалтерия, которые Троцкий хочет ввести в России, будут иметь успех, а великий Институт Банка, великий Институт Финансов, к образованию которых, говорящие по-английски народы имеют особые задатки. Только когда знают, как отдельный народ относится к трем членам, которые я вам показал как коренящиеся в действительности, могут понять всё это.

Но существует и нечто другое, нечто исключительно важное. Различия между народами, о которых я вам говорил, ведут так далеко, что если человек не стремится уйти от своего народа, а наоборот хочет поступать только исходя из его интересов, а именно такой характер носит политика, то он получает совсем иной опыт, подходя к Стражу Порога, чем тот, кто стремится преодолеть рамки отдельного народа. Здесь я подхожу к тому положению, которое может стать для вас, если вы его, конечно, как следует изучите, исходным для понимания, чем здоровый оккультизм, – который, естественно, выступает по всей Земле вне зависимости от различий между народами, – отличается от того оккультизма, который в обществах, о которых я вам говорил, поставлен политически на службу народу и оттуда действует. Вы можете спросить: Как же я могу их различить? – Вы можете их различить, если воспользуетесь тем наиболее значительным отличительным признаком, на который я вам сегодня указываю.

Каждый человек, чтобы прийти к действительному, служащему всему человечеству оккультизму, должен перерастить рамки своего народа. Он должен некоторым образом – мы здесь воспользуемся индийским понятием – стать человеком "безродным". В своей наивнутреннейшей сущности души он не должен причислять себя к какому-либо народу, он не должен останавливаться на тех импульсах, которые служат отдельному народу, если он хочет продвинуться на пути истинного оккультизма. Но тот оккультизм, который хочет ограниченно служить отдельному народу, он приводит возле Стража Порога к чему-то совершенно особенному. Всем тем, кто, принадлежа к оккультным обществам англоязычных народов, ищет оккультного развития, в Страже Порога является, примерно, следующее: в тот момент, когда они переступают порог, для них открывается то, что в глубинах человеческой природы, которая становится видимой при вступлении в сверхчувственный мир, живет как сила того же рода, что и разрушительные силы мироздания. Такая картина открывается возле Стража Порога. Когда эти люди в подобных оккультных обществах бывают подведены к порогу, то они познают злые силы болезни и смерти, познают всё парализующее и разрушающее. Ибо когда те силы, которые вовне, в природе являются причиной смерти, а так же и разрушения – ведь они действуют также и в нас, – когда эти силы вызывают познание, то это есть то познание, которым обладают указанные общества. Это оккультное познание. Это специфически оккультное познание, к которому приходят в этих обществах. В сверхчувственный мир можно вступить вполне уверенно; для этого только нужно пройти мимо Стража Порога. Но чтобы пройти мимо Стража Порога нужно приобрести опыт, связанный с познанием смерти в её истинном облике, какой она живет в нас и вовне, в природе.

Обусловлено это тем, что во внешней природе, какой мы её ныне видим вокруг себя, живут ариманические силы. Каких-либо иных сил, кроме ариманических, вы воспринять во внешней природе не можете, пока остаетесь внутри неё. Так Вам могут предстать силы, выступающие подобно призракам. Этим объясняется склонность Запада к спиритизму, к созерцанию таких образов, которые, собственно, принадлежат чувственно-физическому миру, которые не видны в обычной жизни, но при особых обстоятельствах могут стать видимыми. Это всё сплошь силы смерти, силы разрушения, ариманические силы. Абсолютно на всех спиритических сеансах выступают никакие иные духи, как ариманические, даже и в тех случаях, где эти сеансы проводятся с добрыми намерениями, ибо это суть духи, которых человек берет с собой из чувственного мира, переступая порог сверхчувственного. Они идут за ним туда, они преследуют его и там. Человек переступает порог и его сопровождение, состоящее из ариманических демонов, которое раньше оставалось для него невидимым, теперь, по ту сторону порога, открывается сверхчувственному взору как состоящее из служителей смерти, болезней, разрушения и т.д. Так восходят к сверхчувственному познанию, так вводятся в сверхчувственный мир.

Все люди, воспитанные и подготовленные таким образом к оккультизму, получают значительный опыт. Ибо это значительный опыт, о котором я Вам говорю, но этот опыт получают в том случае, если стоят на позиции не общечеловеческого оккультизма, а оккультизма, приуроченного к интересам отдельного народа. В этом состоит разница. И если где-либо в мире вам говорят: "Когда ты переступишь порог, то, прежде всего, познаешь злые силы болезни и смерти", – то знайте, что данный оккультист пришёл из того угла, о котором я вам уже не первый раз говорю; это становится ясно просто из полученных возле Стража Порога переживаний, о которых он вам сообщает.

Совсем по-другому обстоит дело у народов, говорящих на немецком языке. Также и в среде этих народов нечто, так сказать, подмешано. В среде

английских народов, как в мировую господствующую державу, вкраплен романский элемент; с народами же, говорящими по-немецки, соединено нечто такое, что не идет из прошлого, а является зарей будущего: *славянство*. Те из славян, что живут в России, – это будущее, зародыш будущего; славяне же, выдвинутые на Запад, – это аванпост, зарницы того, что подготавливается как будущее. В этой зарнице являет себя неким образом будущее средневропейского немецкого, мира, как через романский элемент в западном, говорящем по-английски мире, заявляет о себе тень прошлого.

Но немецкий элемент, он сейчас не имеет *инстинктивных* задатков к развитию души сознательной; он имеет задатки, с помощью которых в нём душа сознательная может быть *воспитана*. Таким образом, если у британских народов имеются инстинктивные задатки к развитию души сознательной, то немецкая Средняя Европа, если она хочет как-либо пробудить в себе душу сознательную, может это сделать через воспитание. Она может её выработать только путём воспитания. Поскольку эпоха души сознательной есть, в то же время, эпоха интеллектуализма, то немец, желающий как-то пробудить в себе душу сознательную, должен стать интеллектуальным человеком. Поэтому немцы своё отношение к душе сознательной должны искать преимущественно на пути интеллекта, а не на пути инстинктивной жизни. Поэтому, до некоторой степени, задачу немецких народов исполняют те, кто своё воспитание берет в собственные руки. Остальные немцы, живущие инстинктом и не затронутые саморазвитием, должны в какой-то степени отставать.

В этом заключена причина того, что по сравнению с британскими народами, заведомо инстинктивно предрасположенными к занятиям политикой, немецкий народ является народом аполитичным, вообще не расположенным к политике. Если он хочет заниматься политикой, то перед ним встаёт большая опасность, которую вы особенно хорошо поймёте, если примете во внимание, что немецким народам предназначено в интеллектуальной сфере вносить в мир тот элемент, который является вторым из трех ранее названных. Британские народы – это власть; немецкий элемент – это явление или, если хотите, сияние, сверкание, образование мыслей, то, что, в некотором отношении, не обладает земной твердостью. Все британское осязаемо. У немецких народов суть дела заключается в *неосязаемом*, в том, что может развиваться *диалектически*. Исследуйте однажды интеллектуализм немцев – вы можете сравнить его с греческим интеллектуализмом, только греки развиты в отношении образной природы явления, немцы же формируют феномен по-преимуществу интеллектуальной природы. В конце концов, ведь нет ничего прекраснее созданного гётеанизмом, Новалисом, Шеллингом, всеми теми умами, которые являются художниками в области мышления. Это делает немцев аполитичным народом. Если им приходится занимать политикой, то они не могут при этом стать инстинктивно политически мыслящими людьми.

Из трех образов, о которых рассказано в гётевской "Сказке" – власть, явление (видимость), познание – на долю немцев в интеллектуальный век выпадает выработка интеллектуальности, обладающей характером видимости. И если при этом они хотят заниматься политикой, то перед ними встаёт опасность внести в действительность то, что является столь прекрасным в мыслительных образах. Феномен подобного рода мы встречаем у *Трейтчке* [*Генрих фон Трейтчке (1834– 1896), историк.]. Действительностью здесь подчас становится то, что является прекрасным в видимости – недаром эти слова имеют одно происхождение [*В нем. яз. Schein – видимость, schon – прекрасный.]; – поскольку оно не коренится в собственных задатках; действительностью становится нечто такое, что не является накрепко связанным с человеком, а может оставаться просто утверждением, способным

произвести на мир впечатление неистинности. И большая опасность, которая, само собой разумеется, должна быть преодолена, но всё же преодолевается не всегда, состоит в том, что немец оказывается лживым не только тогда, когда он учтив, но он может лгать и в том случае, когда именно свои наилучшие способности хочет применить в сфере, для которой не имеет врождённых задатков, для которой задатки должны быть ему ещё только привиты, чтобы он мог в эту сферу направить свои усилия.

Несколько лет тому назад я говорил: "Англичанин представляет собой нечто; немец этим нечто только может стать". Потому так трудно обстоит дело с немецкой культурой, потому всегда возвышаются в немецкой и австро-немецкой культуре лишь отдельные индивидуальности, смогшие взять себя в руки, в то время как широкие массы хотят, чтобы ими управляли и не хотят заниматься мыслительной деятельностью, которая у британских народов заложена в инстинкте. Потому-то и подпали среднеевропейские народы такому водительству, как Габсбурги и Гогенцоллерны – именно по причине аполитичности, поскольку для выполнения своей задачи немец нуждается совсем в ином. Он нуждается в воспитании, чтобы стать готовым к выполнению этой задачи. Он должен быть неким образом затронут тем, что Гёте выразил в "Фаусте": становлением человека между рождением и смертью.

Это, опять-таки, обнаруживает себя возле Стража Порога. Если человек, пребывая в среде немецкого народа, приходит к Стражу Порога, то он не видит того, что в этом случае, как я говорил, переживают люди британской нации, – злых служителей болезни и смерти. Если эти вещи правильно принять во внимание, то на их основе можно делать различия. Немец в этом случае замечает, прежде всего, как ариманические и люциферические силы – одни, устремляясь снизу, из физического мира, другие, устремляясь сверху, из духовного мира – борются между собой; он видит непрекращающуюся, неиссякающую войну, о которой никогда нельзя сказать: "Вот здесь одержана победа". Вместе с тем, человек узнает возле Стража Порога настоящее основание сомнения, а созерцая постоянно распалюющуюся, проходящую в постоянном колебании, но с ничейным результатом борьбу, он, в то же время, научается благодаря этому рассматривать мир с различных сторон. Отсюда проистекает, кроме всего прочего, своеобразие миссии германских народов в развитии мировой культуры. Будучи связанными с особыми качествами народа, некоторые вещи, которых, например, я сегодня коснулся в связи со сферой познания, могут быть развиты только через немецкие народы. Из среды британских народов возник дарвинизм в его материалистической окраске. Является совершенно правильным принцип – об этом вы можете прочесть в моих "Загадках философии", – согласно которому органическое существо постепенно развивается от несовершенных форм к совершенным, вплоть до человека. Совершенное происходит от несовершенного – этот принцип абсолютно верен, когда рассматривают физический мир, а возле Стража Порога встречаются силы смерти и разрушения. Но можно сказать и по-другому, что несовершенное происходит от совершенного. – Почитайте во втором томе "Загадок философии" главу о *Прейсе* [*Вильгельм Генрих Прейс (ум. 1909), написал книгу "Дух и материя", издана в Штутгарте в 1922 году.]. Можно сказать, что вначале было совершенное, а затем путём декаданса из него произошло несовершенное, что вначале возник человек, а затем от него путём упадка произошли другие царства природы. И это будет так же верно, как и в случае первого принципа. То состояние, в котором бывает познающий человек, когда он говорит себе: "Верно как то, так и другое", – познать такое состояние во всей его плодотворности дано, собственно говоря, только немецким народам. Познать это где-либо ещё в мире невозможно. Люди обычно не понимают, как это возможно, что одни как, например, Дарвин, утверждает: совершенные существа произошли от несовершенных, – другие

же, как, например, Шеллинг, наоборот: несовершенные существа произошли от совершенных. Дело же заключается в том, что они оба правы, но с разных точек зрения. Когда перед нами духовный процесс, то несовершенное происходит от совершенного; когда же физический – то совершенное происходит от несовершенного.

Весь мир выдрессирован таким образом, чтобы воспринимать только одностороннюю истину. Немцы же, я бы сказал, трагически осуждены на притупление своих задатков, если они хотят придерживаться односторонней истины. А если они развивают свои задатки, то при малейшем самоуглублении для них повсюду тотчас же выявляется: если что-либо говорится о мировой связи, то верно как прямое, так и обратное утверждение; и только через их совместное рассмотрение можно понять действительность. Правильному знанию этого научаются возле Стража Порога, когда видят борьбу духов, из которых одни провожают из физического мира до Стража Порога, а другие выступают навстречу из сверхчувственного мира, устремляются на первых; но члены упомянутых (западных – перев.) обществ ничего этого не видят.

И нечто, опять-таки, иное имеет место у народов, говорящих на славянских языках. Я уже говорил: западные славяне неким образом вчленены в среду среднеевропейских, говорящих по-немецки народов. И если романские народы являются тенью прошлого, то западные славяне, с которыми соприкасаются говорящие по-немецки народы, являются зарей того, что в будущем должно произойти от славян. В этом выявляет себя неким образом противоположность того, чем являются романские народы в среде народов, говорящих на английском языке. Западные славяне в век души сознательной так же организованы для интеллектуализма, но они его *мистицируют*, превращают его в мистику. Немцы аполитичны. Западные славяне также аполитичны, но они тяготеют к низведению духовного мира в физический мир, и они это делают уже в сегодняшней жизни. Благодаря этому они обладают свойствами, *противоположными* тем, которыми обладают, например, французы и итальянцы. Итальянцы и французы в своей политике зависят от того, насколько они нравятся другим, политика англичан принимается как само собой разумеющееся, вне зависимости от того, нравится она или нет. Политика Франции зависит от того, насколько французы нравятся тем людям, от которых зависит желаемое действие. В отдельные времена они очень нравились. У западных же славян всё по-другому. Их политика зависит от того, насколько их духовная природа действует *антипатично* на народы, говорящие по-немецки. Она зависит от того, насколько она *не нравится*. Вы можете изучить, какой была судьба чехов, словаков, поляков, сербов – словом, западных славян, – она слагалась в зависимости от того, насколько они были несимпатичны, антипатичны для среднеевропейских народов. Отношение к французам, итальянцам или испанцам определяется тем, насколько они нравятся; отношение к полякам, словакам, чехам, сербам – насколько они не нравятся. Изучите историю и вы увидите, сколь удивительным образом подтверждается этот факт, а основание его заключается в том, что в одном случае мы имеем связь с прошлым, а в другом – с будущим.

Иначе обстоит дело у более восточных славянских народов, таящих в себе семя будущего. Здесь всё обусловлено тем, что *прорастающая духовность* составляет основной характер, элементарную сущность этих народов. Поэтому славянские народы России в значительно большей степени, чем широкие массы немецких народов, призванные постоянно стремиться возвысить свою индивидуальность, зависят от отдельных личностей, которые в изоляции от народа открывают то, что должно открываться в среде народа. Поэтому ещё долго, до восхода шестой послеатлантической эпохи русская народная культура будет *культурой откровения*. Русский более, чем кто-либо другой,

зависит от провидца, и он весьма восприимчив к тому, что ему дает *ясновидящий*.

Говорящие по-английски народы через одну только политику приводятся к тому, к чему они предрасположены по своей природе. Говорящие по-немецки народы через свою политику приводятся к чему-то такому, что не свойственно им, благодаря чему они легко могут войти в мутный фарватер, впасть в неправдивость, особенно когда они предаются инстинктам; в то же время, это всегда оказывалось невозможным при наличии соответствующей самодисциплины, которой обладали те, кто действительно представляет немецкую нацию, кто стремится к развитию интеллекта. Однако остальные немцы не поднимаются до истинной сущности немецкого народа и живут ниже её уровня. В ещё большей степени сказанное относится к русскому народу. Русский народ не только аполитичен, подобно немецкому, но даже *антиполитичен*. Поэтому британская политика себялюбива, немецкая политика пребывает в дремотном идеализме, которому мало дела до действительности, и потому она – здесь речь идет не о морали – впадает в неправдивость, во всякого рода теоретизирование, а всякое теоретизирование ложно. Русская политика может быть только насквозь ложной, ибо она есть чуждый, не подходящий к русскому характеру элемент. Сделать русского политиком по характеру – это всё равно, что сделать его *больным*, так как в среде русского народа стать "политиком" означает стать больным, означает принять в себя силы разрушения. Русский антиполитичен, а не просто аполитичен. Им могут овладеть политики вроде тех, что стояли у исходной позиции этой военной катастрофы. Но эти политики действовали не как русские, а как нечто совсем иное. Русский же становится больным, если ему приходится сделаться политиком, поскольку он не имеет ничего общего с политикой, когда находится в среде своего народа. Он имеет общее с кое-чем иным: с тем, что является третьей силой в гётевской "Сказке", с *познанием*, с *мудростью*, которая должна взойти в шестой послеатлантической эпохе человечества.

Такова трехчленность: могущество, сияние и познание – Запад, Середина, Восток. И с этим необходимо считаться. Поскольку, в сущности говоря, русская натура становится больной от политики, то сначала может показаться, что она в состоянии воспринять и такую политику, как большевизм в его самой вопиющей, радикальнейшей форме; причина же здесь кроется в том, что ей с таким же успехом можно было бы навязать и кое-что другое. Эта русская природа не просто аполитична, а антиполитична.

Все это обнаруживается возле Стража Порога. То, что русский преимущественно воспринимает возле Стража Порога, когда он как оккультист подходит к нему, оставаясь в среде своего народа, – это устремляющихся ему навстречу из сверхчувственного мира духов. Он не видит духов, сопровождающих его туда, он не видит борьбы духов, он видит, прежде всего, *бьющих через край с той стороны на эту духов*. Он видит тех духов, которые, в определенном роде, целиком состоят из *света*. Он не видит смерти, он не видит умирания, он видит то, что своим величием как бы затопляет людей и, прежде всего, создает для них большую опасность тем, что вызывает в них желание делаться смиреннее и смиреннее, перед открывшимся величием пасть на колени. *Ослепление открывшимся* – вот в чем заключается опасность для русских, которые как оккультисты, будучи в среде своего народа, приходят к Стражу Порога.

Да, подобные вещи нужно знать, если мы хотим видеть истинную действительность. Одних абстракций недостаточно. С абстракциями ничего не достичь. В прошлом человечество обладало инстинктами. Но теперь остался лишь *один* инстинкт в одухотворенной форме у народов, говорящих на английском языке: инстинкт к выработке души сознательной. *Всё*

остальное человек должен приобретать сознательно; и это является особенно характерным для современного мира. Без знания действующих в среде человечества сил, о которых мы сегодня говорили, нечего и думать о том, что можно высказать что-либо руководящее, социально значимое. Как слепой о цвете, так может говорить о социальных реформах тот, кто не знает объекта, на который эти реформы должны распространяться.

Теперь наступило время, когда человек должен со всей серьезностью воспринять уроки жизни, и сказанное должно всё снова и снова побуждать и призывать к тому, чтобы не относиться к этим урокам играючи. Всё то, что мы из унаследованных задатков развиваем в себе, простирается в нашей жизни не далее 27 лет, а в будущем – и того меньше. Об этом вы знаете из прежних рассуждений. Нам нужно нечто такое, что в течение всей жизни позволяло бы нам быть *в становлении*, а не просто пребывать законченным готовым человеком. Многие могло бы человечество, именно для социальных вопросов, усмотреть в этих вещах. Многие из того, чем оно сегодня владеет как иллюзорными мыслями, оно могло бы исправить, и многое должно быть исправлено. Можно сказать, вы называете задачи, предстоящие человечеству, трудными, но трудности необходимо преодолеть. Подумайте только о том, что, вот, вы, сидящие здесь, знаете об этих вещах. Но не смотрите на себя из-за этого как на избранных людей, а задумайтесь над тем, что вовне, в мире существует множество других людей, которые подобное так же могли бы понять. Нет ничего невозможного в том, чтобы эти идеи действительно ужились с человечеством. Все препятствия создаются только искусственно. Конечно, искусственно созданные препятствия есть нечто ужасное, но они должны быть преодолены, поскольку нет никакого иного выхода. Пусть каждый на своем месте сделает все возможное для преодоления трудностей в этой области.

Нужно сделать очень много для человечества, если только мы прониклись всей серьезностью следующей задачи: необходимо, прежде всего, *выработать взгляд на действительность, не жить в ней в тупой дремоте; и более того, не позволять* человечеству тупо дремать в ней. Когда сегодня знакомишься с людьми, то замечаешь, как мало они склонны заниматься подобными вещами. Мы особенно переживаем это в последние четыре – четыре с половиной года, мои дорогие друзья! Можно было все снова и снова видеть, как вполне доброжелательные, по-настоящему умные люди выступали с программами устройства будущего. – А что дали миру эти программы будущего! Чего только ни придумывают люди, но все это не несет оздоровления, а либо ничего собой не представляет, либо приносит людям вред; ничего – в том случае, если с этими программами никто не хочет иметь дела, и вред – когда их принимают во внимание. А нужно лишь одно: знать, прежде всего, действительность. Тогда не станут думать: "Мне нужно организовать союз и тогда я смогу сделать то или иное", – но будут считать своим долгом познакомиться с действительностью и то, что было помыслено, привести с этой действительностью в созвучие. Так же и среди нашего движения следовало бы многим попытаться правильным образом пронизать свою душевную жизнь указанными импульсами, отказаться от абстрактных, фантастических идеалов осчастливливания людей, и вместо этого заняться изучением того, что составляет задачи и импульсы именно нашего времени, и согласно этому направить свой образ действий. Тогда бы можно было действительно кое-чего достичь.

Итак, я хотел сегодня ещё раз показать вам с определенной точки зрения, как следует изучать социальные вопросы. Ведь не говорят же, никому не приходит в голову утверждать, что поскольку я человек и знаю математику, то могу поэтому построить мост, – но знают, что кроме математики для этого нужно знать механику, нужно знать динамику и т. д. Так же, если хотят

образовать социальное суждение о простейших вещах, то для этого необходимо изучить законы человеческого существа. А люди не являются единообразными существами во всех частях Земли, как это представляет себе Троцкий, но, по меньшей мере, подразделяются на группы, если мы хотим изучить целый народ, или представляют собой отдельных индивидуальностей. Итак, мы должны, с одной стороны, изучить то, что характеризует группу, например, в отношении языка, как мы это делали сегодня; с другой стороны, мы должны овладеть - о чем речь пойдет завтра - непосредственным пониманием одной человеческой индивидуальностью другой человеческой индивидуальности. От этого в нас возникает не только социальное суждение, но также социальное ощущение. В противном случае то, что как социальное суждение и социальное ощущение должно жить в нас, не придёт к нам.

Я так же хотел познакомить вас, правда, лишь с одной стороны, с тем, что социальному суждению и социальному ощущению может дать направление. Я хотел указать на глубочайшую серьёзность того, что называется социальными вопросами. Я хотел показать вам также, что тот или иной может иметь добрую волю, как, например, у некоторых русских революционеров, и при этом оставаться чуждым действительности, не верить в дух и считать, что по всей Земле живут абсолютно одинаковые люди.

Ибо что же такое представляет собой человек, живущий в абстракциях Троцкого? Мы видели, что знание людей составляет основу для элементарнейшей социальной задачи! А что же такое человек в глазах Троцкого? - Да это ветхозаветный человек, который в наше время может только пригрезиться. *Это животное со способностью к абстрагированию.* Это зверь, которого возвышает над животностью одна лишь сила абстрактного мышления. Человеко-зверь единообразен по всей Земле, ибо многообразие приходит из душевного. Душевное может затем развиваться до духовного; тогда происходит дифференциация. Нужно изучать душевное; тогда выявляется дифференциация, которая действует так же, например, в рефлексе, обуславливающем способность говорить и т. д. Об этих вещах мы продолжим разговор в следующую пятницу.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

Берн, 12 декабря 1918 г.

Когда мы все ощущения и взгляды, приобретенные путем углубления в духовную науку, обращаем на жизненные нужды и отношения нашего времени, то при этом со всей отчетливостью заявляет о себе само это время. Не одни только внешние отношения времени обладают ныне даром членораздельной речи, но ею, определенным образом, обладают и наши духовнонаучные воззрения. В наших рассматриваниях человеческого развития мы уже много раз исходили из основополагающего факта, заключающегося в том, что это развитие осуществляется в ряде следующих один за другим этапов, из которых наиболее значительный и близко стоящий к нам начался после великой атлантической катастрофы. На этом этапе к настоящему времени прошло четыре эпохи и мы живем теперь в пятой. Эта эпоха началась в XV столетии нашего христианского летосчисления, и мы называем её эпохой души сознательной. В других культурных эпохах иные силы человеческой души проходили преимущественное развитие. В нашей культурной эпохе, следовавшей за греко-латинской эпохой и начавшейся в первой половине XV столетия, человечество должно все более и более вырабатывать душу сознательную. В предыдущей же эпохе, начавшейся в VIII столетии до

Рождества Христова, человечество посредством культуры вырабатывало по преимуществу душу рассудочную, или душу характера.

Нам нет здесь нужды вдаваться в характеристику этих культурных эпох, но что касается нашей эпохи, с начала которой протекло ещё так мало столетий, то на неё нам необходимо обратить самое серьезное внимание и, прежде всего, на то, что составляет её главную особенность. Каждая такая эпоха длится в среднем два тысячелетия. И ещё многому надлежит совершиться в эпоху души сознательной. В эту эпоху задача всего цивилизованного человечества состоит в том, чтобы овладеть всем человеческим существом и поставить его на собственные ноги, а также то многое, исключительно многое из того, что человек в предыдущие эпохи чувствовал инстинктивно, о чём мог судить посредством инстинкта, должно быть вынесено на ясный свет сознания.

Не правда ли, многие трудности и весь тот хаос, что разразился вокруг нас и с нами, становятся в нашу эпоху тотчас же понятными, когда мы узнаем, что задачей нашей эпохи является поднятие инстинктов в сознание. Ведь инстинктивное совершается неким образом само по себе; но то, что должно происходить осознанно, требует от человека внутреннего напряжения, требует, чтобы он, прежде всего, начал мыслить буквально всем своим существом. А этого человек боится. Сознательно принимать участие в создании мировых отношений – это является чем-то таким, что человек делает неохотно. Кроме того, здесь есть одно место, относительно которого люди ныне ещё во многом заблуждаются. Они ныне думают: "Ну да, ведь, мы живем в эпоху развития мышления". – И они горды тем, что сегодня думают больше, чем прежде. Но это-то и является заблуждением, иллюзией, одной из множества иллюзий, которыми теперь живет человечество. То, чем люди столь горды, постижение мыслей, происходит во многом инстинктивно. И лишь тогда, когда все инстинктивное, вошедшее в человеческое развитие и ныне столь гордо заявляющее о себе в мышлении, станет активным, когда интеллектуальное будет проистекать не просто из мозга, а из всего человека, когда интеллектуальное станет лишь частью всей духовной жизни, когда оно возвысится над рациональным и перерастет в имажинацию, инспирацию и интуицию, – только тогда придет к своей реализации то, чему предназначено мало-помалу возрасть в пятой послеатлантической эпохе души сознательной. Что сегодня особенно бросается в глаза, на что везде и всюду обращаются самые земные мысли в их своеобразной, обусловленной эпохой окраске, – это появление так называемых социальных вопросов.

Серьёзно углубляющиеся к нашу, антропософски ориентированную духовную науку, довольно легко приходят к ощущению, что всё же самое существенное в образовании общественного организма, называют ли его государством или как-либо иначе, должно исходить из того, что человек развивает из самого себя, что он из самого себя может развить, решая задачу регуляции отношений человека с человеком. Всё, что человек развивает из себя, находится, естественно, в соответствии с определёнными импульсами, коренящимися, в конце концов, в нашей душевно-духовной жизни. И если смотреть на дело таким образом, то можно спросить: "Так не следует ли, прежде всего, направить внимание на социальные импульсы, на то, что хочет выйти из человеческой природы как социальные импульсы?" Назовем эти социальные импульсы, если хотите, социальными потребностями – не имея при этом ввиду что-то просто животное, – и позаботимся о том, чтобы не мыслить себе эти потребности совершенно бессознательными, инстинктивными. Говоря о социальных потребностях, будем иметь ввиду: мы находимся в эпохе души сознательной и потребность хочет войти в сознание.

Если теперь заявляет о себе нечто следующее: имеются социальные потребности, и они хотят реализоваться, – то тут же в наше время в дело

вступает ужасная односторонность, о которой всё же не стоит сожалеть, а следует спокойно её разглядеть, ибо она должна быть преодолена. Современный человек уж очень склонен всё рассматривать односторонне! А это похоже на то, как если бы качнуть маятник в одну сторону и не думать о том, что он, пройдя точку равновесия, отклонится в другую сторону. Но как невозможно, чтобы маятник отклонялся только в одну сторону, так же невозможно, чтобы социальные потребности в человеке выступали только с одной стороны. Социальным потребностям в человеке противостоят, как сами собой разумеющиеся, обусловленные самой человеческой природой, антисоциальные потребности. Это следует прежде всего иметь в виду. Ибо социальные вожди и агитаторы предаются большой иллюзии, считая, что стоит только распространить какое-либо воззрение, или что-то в этом роде, снабдить им определенный класс людей, и эти люди обратятся только к социальным потребностям. Да, это заблуждение, поступать таким образом, поскольку здесь не считаются с тем фактом, что равным образом действительностью обладают как социальные, так и антисоциальные потребности. Единственно, о чем сегодня может идти речь, – это о способности без иллюзий смотреть в лицо подобным фактам. Нужно без иллюзий смотреть им в лицо, пребывая на точке зрения духовнонаучного познания. Можно даже сказать так: если человек не рассматривает свою жизнь с точки зрения духовнонаучного познания, то он бывает вынужден пропустить самое существенное в этой жизни.

Мы должны спросить себя: "Как, собственно говоря, обстоит дело с общением между людьми в сфере социальных и антисоциальных потребностей?" – Видите ли, когда один человек стоит напротив другого, то в основе этого их противостояния имеет место нечто поистине сложное. И этот факт нам следует, я бы сказал, радикально принять во внимание. Естественно, их противостояние может быть разным в зависимости от рода человеческих отношений, но мы выделим в нем общие признаки и спросим себя: Что происходит в действительности, во всем её многообразии, а не просто в том, что предстоит чувственному созерцанию, – что происходит во всей действительности, когда один человек стоит напротив другого? А происходит не что иное, как действие реальной силы, идущей от одного человека к другому человеку. Когда два человека стоят друг против друга, то это значит, попросту говоря, что определённая сила действует от одного из них к другому. Когда мы в жизни совершаем по отношению друг к другу какие-либо поступки, то не следует этого делать в полном равнодушии, как в отношении обычных мыслей, так и ощущений, даже в том случае, если пространственно мы разделены. Если нам приходится заботиться о других людях, если приходится вступать с ними в отношения, то при этом от одного человека к другому действует сила. Этот факт лежит в основе социальной жизни. Это является тем, что, ветвясь и переплетаясь, основывает, собственно говоря, социальную структуру людей. Естественно, феномен выступает в наиболее чистом виде, когда мы думаем о непосредственном общении человека с человеком. – В этом случае имеет место стремление путем впечатления, производимого одним человеком на другого, усыпить его. Один человек, общаясь с другим, усыпляется им – этот феномен насквозь пронизывает социальную жизнь. Среди людей постоянно имеет место – как говорят физики – латентная (скрытая) тенденция усыплять взаимно друг друга в социальном общении.

Но почему это происходит? Видите ли, причина здесь кроется в одной очень важной особенности человеческого существа. Дело в том, что так называемые социальные потребности в случае обычного современного сознания особенно сильно развиваются в душе человека, когда он спит. Если вы не обладаете ясновидением, то социальные потребности пронизывают вас во время сна. И только то, что из состояния сна переходит в своей

деятельности в бодрствование, действует в бодрственной жизни как социальная потребность. Но если вы об этом знаете, то вам нечего удивляться, что общаясь с людьми вы хотите усыпить их социальную сущность. В отношении человека к человеку должна развиваться социальная потребность. Она же может развиваться только во сне. Поэтому в общении человека с человеком развивается тенденция ради создания социальных отношений усыплять друг друга. Это поразительный факт, но он предстает тотчас же при познании жизненной действительности. Общение человека с человеком состоит в том, что в этом общении, прежде всего, усыпляется способность вырабатывать представления ради образования социальной потребности между одним и другим человеком.

Но вы, естественно, не можете, идя по жизни, в то же время, непрерывно спать. Тенденция же образовывать социальные потребности состоит, среди прочего, в том, выражается в том, что вам, собственно, и следует постоянно иметь склонность ко сну. Вещи, которые я описываю, происходят конечно бессознательно, но от этого они не становятся менее действительными и в меньшей степени пронизывают нашу жизнь.

В противовес этому действует нечто иное. Действует постоянное сопротивление, постоянное возмущение людей этой тенденцией именно тогда, когда они не спят. Так что, всякий раз, когда вы стоите перед человеком, вы находитесь в конфликте следующего рода: благодаря тому, что перед вами стоит человек, в вас постоянно развивается тенденция ко сну, тенденция переживать к нему отношение во сне; благодаря же тому, что вы противитесь сну, не хотите погружаться в сон, в вас возбуждается сила оставаться бодрствующим. Так постоянно в общении человека с человеком разыгрываются подобные вещи: тенденция ко сну, тенденция к бодрствованию. Но тенденция оставаться бодрствующим в этом случае является *антисоциальной*, поскольку это есть утверждение собственной индивидуальности, собственной личности по отношению к социальной структуре общества. Попросту говоря, когда мы как люди находимся среди других людей, наша внутренняя душевная жизнь колеблется между социальным и антисоциальным, как маятник: туда и обратно. И то, что эти две потребности живут в нас, что их можно оккультно наблюдать, когда два человека стоят друг против друга, – это является господствующим в нашей жизни. Когда мы встречаем какую-либо общественную организацию – для современного, столь умного сознания эти организации являются весьма далекими от действительности, – то она обычно является выражением этих маятникообразных отношений между социальными и антисоциальными потребностями. Политэкономы могут размышлять о том, что такое кредит, капитал, рента и т. д. – все эти вещи, образующие закономерности социальных отношений, являются лишь качаниями маятника между двумя указанными видами потребностей: социальных и антисоциальных.

Видите ли, людям, которые хотят найти целительные средства для настоящего времени, эти вещи необходимо понять, ввести в научный обиход. Ибо откуда же могут прийти в наше время социальные требования? Ведь мы живем в эпоху души сознательной, где человек должен иметь опору в себе. А каково предназначение человека? Его предназначение, его задача, миссия в нашей пятой послеатлантической эпохе состоит в том, чтобы утверждать себя, не позволять себе спать. *Самим положением во времени ему предназначено развивать антисоциальные потребности.* И задача нашей эпохи не могла бы быть достигнута людьми, если бы именно антисоциальные потребности, благодаря которым человек достигает вершины своей собственной личности, не становились все могущественнее и могущественнее. Человечество ныне и не подозревает о том, какую ещё силу предстоит набрать антисоциальным

потребностям вплоть до *третьего* тысячелетия. Чтобы человек мог правильно развиваться, должны возрастать антисоциальные потребности.

В предыдущие эпохи антисоциальные потребности не были, так сказать, духовным жизненным "хлебом" развития человечества. Поэтому не было нужды ни в каких им противовесах, а потому никто и не думал их возводить. В наше время, когда человек ради самого себя, ради своего отдельного "я" должен образовывать антисоциальные потребности – которые возникают уже по той причине, что человек подчинен развитию, против которого ничего нельзя возразить, – в такое время должно прийти то, что только и можно противопоставить антисоциальным потребностям, а именно такую социальную структуру, с помощью которой тенденции этого развития могут быть удержаны в равновесии. Внутри будут действовать антисоциальные потребности, чтобы человек мог достичь вершин своего развития; вовне, в общественной жизни должна действовать социальная структура, чтобы в жизненных связях люди не теряли друг друга. Почему и встает социальное требование в наше время. Социальное требование в наше время, в определенном смысле, есть не что иное, как необходимый противовес внутренним тенденциям развития человечества.

Из сказанного вы, вместе с тем, видите, что с помощью одностороннего рассмотрения ничего не достичь. Ибо по мере того, как живут люди, отдельные слова – я совсем не хочу говорить об идеях или ощущениях, – отдельные слова получают, своего рода, "валентность", определенные оттенки. Так, слово "антисоциальный" вызывает некую антипатию, с ним связывают представление о чем-то злом. Пусть это так, но не стоит беспокоиться, смотрят ли на это как на нечто злое или нет. В данном случае это необходимость – плохая ли, хорошая ли; в нашу эпоху это связано с необходимыми тенденциями человеческого развития. И если теперь кто-то выступает и говорит, что нужно бороться с антисоциальными потребностями, то это не более, чем обыкновенная бессмыслица, ибо бороться с ними совсем не следует. Они должны, в связи с самой обычной тенденцией развития человечества, захватить в наше время именно внутреннее людей. Речь не идет о том, чтобы найти рецепт как бороться с антисоциальными потребностями, но о том, как государственное устройство, структуру, организацию того, что лежит вне человеческой индивидуальности, что не схватывает собой человеческую индивидуальность, так образовать, так устроить, чтобы оно создало противовес тому, что внутри человека действует как антисоциальная потребность. Потому-то необходимо, чтобы человек в нашу эпоху всем своим существом *вычленился из социальной структуры* на благо как ей, так и себе.

В прошлые эпохи существовали сословия, классы. Наша эпоха стремится преодолеть сословия, преодолеть классы. Наша эпоха больше не может делить людей на классы; теперь необходимо считаться с человеком во всей совокупности его черт, необходимо включить его в такую социальную структуру, которая социально расчленяла бы только то, что обособлено от человека. Поэтому вчера в открытой лекции [*Лекция в Берне 11 дек. 1918 года "Нравственная, социальная и религиозная жизнь с точки зрения Антропософии". ИПН. 72.] я говорил, что в греко-латинскую эпоху ещё могло господствовать рабство и один мог быть господином, другой – рабом. Как остаток от тех времен нам осталось то положение, от которого особенно приходят в волнение пролетарии: положение, при котором их рабочая сила является товаром и, таким образом, нечто, являющееся их внутренним, оказывается организованным внешне. Это должно быть устранено. Социально расчленено может быть только то, что не является самим человеком: его позиция, место, на которое он поставлен в жизни.

Всё, что таким вот образом человек узнает о необходимом развитии социальной жизни, должно быть ныне, поистине, так воспринято, чтобы стало

ясно: как не смеет притязать на знание счета тот, кто не овладел таблицей умножения, так не следует притязать на проведение социальных реформ и тому, кто никогда не слышал о вещах, подобных, например, обсуждаемому нами сегодня, а именно, что социальность и антисоциальность существуют таким образом, как мы это сейчас охарактеризовали. Когда сегодня люди, стоящие на высоких ступенях нашей общественной или социальной организации, начинают говорить о социальных требованиях, то для человека знающего они кажутся людьми, желающими построить мост через бурный поток, но при этом не имеющими ни малейшего понятия о параллелограмме сил! Они, конечно, могут, эти люди, построить мост, но при первой возможности он рухнет. Так, нам встречаются социальные вожди или те, кто сегодня печется о тех или иных социальных устройствах: их построения при первом же подходящем случае обнаруживают себя как невозможные, ибо нужны вещи, позволяющие работать совместно с действительностью, а не против неё. Так что, бесконечно важно, чтобы однажды, наконец, начали глубоко серьёзно обращаться с вещами, которые, я бы сказал, составляют главный нерв нашей антропософски ориентированной духовной организации.

Один из импульсов, воодушевляющих нас в сфере нашего антропософского движения, состоит в том, что мы вносим во всю человеческую жизнь то, на что большинство людей способно лишь в ранней юности: мы сажаем себя, будучи даже в преклонном возрасте, на школьную скамью жизни, разумеется. В этом мы видим разницу между нами и теми людьми вовне, которые полагают, что если уж они систематически пролодырничали до двадцати пяти, двадцати шести лет – нет, точнее скажем: систематически записывались на лекции или, ещё точнее: штудировали лекции – то этого хватит на всю остальную жизнь! После этого ещё остаётся заняться, самое большее, разного рода самоублажениями – не правда ли? – которые позволяют ещё кое-что усвоить. Но основное ощущение, выступающее перед нашей душой, когда мы приближаемся к главному нерву духовнонаучного движения, состоит в следующем: *человек должен всю свою жизнь учиться, если он действительно хочет дорасти до задач этой жизни.* Это ощущение чрезвычайно значительное и оно действительно пронизывает нас. Пока не покончено с верой в то, что с помощью задатков, развиваемых до 25-28 лет, можно уже всем овладеть, так что после того можно и в парламенте заседать и где угодно ещё, и можно судить обо всём, – до тех пор, пока не покончено с подобным взглядом, с подобным ощущением, до тех пор ничто полезное, целительное не может сложиться у людей в их социальной структуре.

Изучение меняющихся отношений между социальным и антисоциальным является исключительно важной задачей именно наших дней. Антисоциальное, при этом, мы можем лишь изучать, поскольку оно, как я уже указывал, находится на своём месте в развитии нашей эпохи, ибо принадлежит к тому важнейшему, что должно приобрести большое значение и развитие в нас самих. Это антисоциальное может быть удержано в определённом равновесии социальным; *о социальном следует позаботиться, следует сознательно позаботиться.* А это будет всё труднее и труднее сделать в наше время, поскольку то, другое, антисоциальное, собственно говоря, является естественным. Социальное является необходимостью, о нем нужно заботиться. Со временем станет видно, что в нашу, пятую послеатлантическую эпоху имеется тенденция именно социальное оставлять без внимания, когда просто замыкаются в самих себе, когда потухает активность, когда нет желания соучаствовать в душевной деятельности других людей. Но что является необходимым, что должно быть выработано совершенно сознательно, поскольку прежде оно действовало в человеке инстинктивно, – это именно *интерес человека к человеку.* Главным нервом всей социальной жизни должен стать интерес одного человека к другому человеку.

Сегодня это звучит почти парадоксально, когда говорят, что с помощью так называемых трудных политэкономических понятий людям ничего не удастся объяснить, если не возникнет интерес у человека к человеку, если люди не начнут связывать господствующие в социальной жизни иллюзии с действительностью. Представьте себе, кто бы мог просто так подумать, что благодаря одной лишь принадлежности к той или иной социальной группе он мог бы постоянно находиться в сложном взаимодействии с людьми? Представьте себе, у вас в кармане была стофранковая банкнота и вы истратили её, когда утром зашли в магазин и сделали столько покупок, что на их оплату она ушла целиком. Да, так что же это значит, что утром вы вышли со стофранковой банкнотой в кармане? Ведь сама по себе стофранковая банкнота есть вещь иллюзорная, и она не имела бы никакой ценности в действительности, и даже совсем бы в ней не существовала, если бы имели хождение металлические деньги. Я сегодня совсем не хочу говорить о теории металлистов и номиналистов в области денег, но ясно, что при существовании металлических денег, бумажные деньги есть иллюзия, они не имеют ценности. Деньги опосредуют связь двух других вещей; и только благодаря тому, что существует определённый социальный строй – в наше время это чисто государственный строй, – благодаря ему стофранковая банкнота, которую вы имеете и которую вы можете истратить перед обедом на покупку различных вещей, представляет собой не что иное, как эквивалентную ценность такого-то числа рабочих дней, в социальной среде должно быть затрачено столько-то человеческого труда, кристаллизовано в товары, чтобы иллюзорная ценность банкноты приобрела действительную ценность; и всё это – по приказу социального строя. Банкноты дают вам власть поставить на свою службу столько-то работы или владеть таким-то количеством работы. Составьте себе в уме следующую картину: у меня есть несколько банкнот, они дают мне силу той социальной позиции, на которой я нахожусь, дают власть над таким-то количеством работы. И когда вы теперь увидите: ежечасно в течение дня одни тратят работу других в виде эквивалента стоимости, в виде реального эквивалента стоимости, который вы имеете в кошельке как стофранковую банкноту, – только тогда вы увидите подлинную картину действительности.

Наши отношения стали столь сложными, что мы, конечно же, на подобные вещи совершенно не обращаем внимания, особенно когда они так близко стоят к нам. Я могу привести один простой пример, который может облегчить понимание сказанного. В трудных понятиях политэкономии, таких как капитал, рента, кредит, не особенно хорошо разбираются даже университетские профессора, для которых политэкономия является специальностью, в силу чего им следовало бы быть в ней более осведомлёнными. Из этого вы можете заключить, насколько необходимо, чтобы эти вещи были теперь увидены в правильном свете. Мы, естественно, не могли бы тотчас же, прямо сегодня приступить к реформе политэкономии, которая приведена в беспомощное состояние благодаря тем знаниям, которые приобретают о ней студенты. Но мы, по меньшей мере, можем задать себе вопрос в отношении педагогики, высшего образования и тому подобного: что нужно сделать, чтобы социальная жизнь могла быть сознательно противопоставлена внутренней антисоциальной жизни? Что для этого необходимо? Я говорил, что в наше время трудно найти интерес у одного человека к другому человеку. Вы не можете иметь настоящего интереса, когда полагаете, что можете нечто купить на стофранковую банкноту и при этом не думать о том, что ваша покупка обусловлена социальными отношениями определённого количества людей и их рабочей силой. Вы только тогда будете иметь настоящий интерес, когда каждое такое иллюзорное действие, как обмен товаров на стофранковую банкноту, сможете увидеть в его истинной действительности, которая с ним связана.

Видите ли, обыкновенная, я бы сказал, эгоистическая, согревающая сердце болтовня о том, что мы должны любить наших ближних и проявлять эту любовь, когда имеем к тому ближайший повод, ничего не значит для социальной жизни. Эта любовь большей частью оказывается ужасно эгоистической. Очень часто люди из того, что они вначале захватили, помогают затем, на патриархальный манер, своим ближним, чтобы таким путём создать себе объект для самолюбования, поскольку тогда можно внутренне весьма сильно согреваться от мысли: "Ты сделал, Ты сделал это!" Часто не замечают сколь значительная часть так называемой благотворительной любви является замаскированной любовью к себе.

Дело заключается не в том, чтобы предаваться нашей отдельной любви, а в том, чтобы почувствовать себя обязанным направить свое внимание на многочисленные разветвления социальной структуры, внутри которой мы живем. Для этого мы должны, по меньшей мере, создать основания. Но создавать эти основания сегодня склонны очень немногие люди.

Я бы хотел, по меньшей мере, с точки зрения народного образования, обсудить один вопрос, а именно: как, вообще, мы можем противопоставить антисоциальным, развивающимся естественным образом потребностям, социальные потребности, противопоставить их сознательно? Можем ли мы их так культивировать, чтобы в нас действительно что-то завязалось и затем развивалось всё более и более, так что мы теряли бы покой не видя в себе возрастающего интереса к людям, когда именно в нашу эпоху души сознательной этот интерес чахнет ужасающим образом? Да, действительно, в нашу эпоху пропасти разверзаются между человеком и человеком. Будто во сне, но совершенно этого не замечая, люди проходят мимо друг друга, и в малейшей степени не понимая себя при этом. Страстное желание войти в интересы другого человека, в его особые, неповторимые качества, сегодня встречается крайне редко. Мы имеем, с одной стороны, вопли о социализации, а с другой - все шире распространяющиеся чисто антисоциальные потребности.

Как люди сегодня слепо проходят мимо друг друга, особенно хорошо видно, когда они соединятся в разные общества и кооперации. Эти последние, как правило, ничего не могут ныне дать в смысле человеческого познания. Люди сегодня могут годами общаться друг с другом и при этом знать друг о друге не более того, что стало известно при первом знакомстве. Необходимо, прежде всего, следующее: чтобы люди в будущем, я бы сказал, систематически присовокупляли к антисоциальному социальное. Внутренне-душевно для этого имеются различные средства и среди них такое, когда мы стремимся в этой жизни взглянуть на свою прежнюю инкарнацию и с помощью этого взгляда обозреть то, что разыгрывается между нами и другими людьми в этой жизни. И если мы честны, то можем, по крайней мере, многие из нас могут сказать себе: "Большинство людей, вступающих в сферу нашей жизни, мы рассматриваем чаще всего так, что в средоточие этой сферы мы ставим интересы собственной персоны". Что мы можем получить от того или другого повстречавшегося нам в жизни человека? - так спрашиваем мы себя вполне ощутимо. Но мы должны это в нас победить. Мы должны постараться дать всплыть в образах перед нашей душой тем личностям, которые как учителя, как друзья и другие покровители приняли участие в нашей жизни, или таким личностям, которые нам вредили и которым мы, в определенном отношении, часто оказываемся более обязанными, чем тем, которые нас поддерживали. Этим образом мы должны дать пройти перед нашей душой и совершенно живо представить себе, что каждый из них сделал для нас; и тогда мы увидим, если сделаем все это, что мало-помалу мы научаемся забывать себя, мы обнаруживаем, что всего, чем мы обладаем, не было бы в

нас, если бы те или иные люди тем либо иным способом не приняли участия в нашей жизни.

Только тогда, когда мы оглянемся на давно прошедшие годы и на людей, с которыми мы, может быть, уже не имеем отношений и потому нам легче быть с ними объективными, только тогда нам откроется, как душевная субстанция нашей жизни поглощается тем, что оказывает на нас влияние. Расширится наш взгляд на всех тех людей, которые в ходе времени прошли мимо нас. Если мы попытаемся развить чувство того, насколько мы должны быть благодарны тем или иным людям, попытаемся, таким образом, увидеть себя в зеркале тех, кто в ходе времени воздействовал на нас, был связан с нами, тогда мало-помалу – это может стать нашим ощущением – в нас распустится чувство: поскольку мы упражнялись в поиске образов тех людей, которые в прошлом были связаны с нами, то в нашей душе рождается желание так же и по отношению к тем людям приходить внутри себя к образам, с которыми мы стоим лицом к лицу в настоящее время. И безгранично важно, что в нас пробуждается потребность при встрече с людьми не просто ощущать симпатию или антипатию, не просто дать в себе проснуться желанию что-то в человеке любить или ненавидеть, но пробудить в себе образ человека, свободный от любви и ненависти.

Вы, вероятно, не ощущаете, что сказанное сейчас мною представляет собой нечто бесконечно значительное. Ибо способность вызвать в себе без любви и ненависти образ другого человека, дать воскреснуть в себе душевно другому человеку, эта способность с каждой неделей человеческого развития, можно сказать, всё более и более убывает, а со временем люди утратят её совсем. Они проходят мимо друг друга и в них не пробуждается потребности дать в себе ожить другому человеку. А об этом следует сознательно позаботиться. Это есть нечто такое, что должно войти так же в детскую и школьную педагогику, а именно: развитие в людях имагинативных способностей. Ибо только тогда можно действительно развить в людях имагинативные способности, когда мы не побоимся вместо того, что хочет сегодня быть в жизни сенсацией, отдаться в тиши тому обзору прошлого, который вызовет перед нашей душой прошлые отношения с людьми. Тогда мы так же станем способными имагинативно соотноситься с людьми, которые встречаются нам в настоящее время. Тогда мы противопоставим социальную потребность тому, что с абсолютной необходимостью и бессознательно развивается всё более и более: антисоциальной потребности. И это есть *первое*.

Вторым является то, что проистекает из обзора прошлых отношений с людьми, благодаря которому мы становимся всё более и более объективными. Для этого мы должны вернуться в прошлые времена, должны, я бы сказал, самым непосредственным образом заняться фактами, размышлять, например, о том времени, когда нам было двадцать, тридцать лет. Да, как обстояло дело, когда мне было десять лет? Я хочу, прежде всего, представить себя целиком внутри ситуации, я хочу представить себя таким образом, как если бы речь шла не обо мне, а о другом десятилетнем мальчике или десятилетней девочке; я хочу однажды забыть, что это был я, я хочу действительно постараться объективировать себя для себя самого. *Эта объективация самого себя, этот отрыв нашего настоящего от нашего прошлого, это выключение "я" из его переживаний – вот то, к чему мы должны в настоящее время особенно стремиться.* Ибо настоящее время имеет тенденцию всё более и более связывать "я" с переживаниями. Сегодня совершенно инстинктивно человек хочет быть тем, что дают ему его переживания. Потому-то так трудно достичь активности, которую дает духовная наука. Здесь нужно каждый раз заново напрягать дух, здесь невозможно успокоиться на достигнутом. Вы сами это увидите: если пытаться удержаться на достигнутом, то в духовной науке с

этим нечего делать. Узнанное забывается и нужно всё снова заботиться о нем; но это-то как раз и хорошо, это-то как раз и правильно, что приходится всё снова и снова напрягаться. Именно тот, кто правильно развивается в отношении духовной науки, должен стараться каждый день проводить перед своим мысленным взором элементарные вещи из её сферы; хотя некоторые стесняются это делать. В духовной науке ничего не достичь, если пытаться мысленно *запоминать*, поскольку всё сводится к тому, чтобы в непосредственном переживании соприкоснуться с действительностью. Так что, дело заключается в том, чтобы именно эту способность развить в себе путем *объективации себя для самого себя*, в результате чего мы этого молодого человека или эту девушку представляем себе так, как если бы они были чуждыми для нас существами в прежние периоды нашей жизни. Мы постоянно должны трудиться над тем, чтобы освободиться от переживания своего, скажем, тридцатилетия и дать пригрезиться только импульсам десятилетнего или какого-либо другого периода нашей жизни. Освободиться от нашего прошлого, не значит отречься от него – иным образом мы снова обретаем его; но само по себе это освобождение бесконечно важно. Таким способом, мы сознательно печемся о социальных потребностях, о социальных импульсах, когда, с одной стороны, по отношению к людям, окружающим нас в настоящее время, творим имажинации благодаря тому, что самих себя душевно рассматриваем произведенными людьми, с которыми мы имели отношения в прошлом; с другой стороны, через объективацию мы приобретаем способность непосредственно из самих себя развивать имажинации. Эта объективация прошлого полезна нам, когда она не действует в нас бессознательно. Вы только подумайте: когда в вас продолжает бессознательно действовать десятилетний мальчик или десятилетняя девочка, то вы представляете собой тридцати или сорокалетнего человека, умноженного на десятилетнего; но вы, кроме того, умножены ещё на одиннадцати- двенадцатилетнего и т. д. Эгоизм возводится в колоссальную степень. Но он становится всё меньше и меньше, если вы отделяете прошлое, если вы его объективируете, делаете больше вещью, объектом. В этом заключается то значительное, что мы должны иметь ввиду.

Таким образом, основополагающей предпосылкой является следующее – это нужно сегодня сделать как можно более понятным для тех народов, которые, не поняв сути вещей, иллюзорно возвышают социальные требования; – необходимо сделать господствующим понимание того, как человеку можно стать социально действующим существом в эпоху, когда в человеке должны возрастать антисоциальные потребности .

Что этим будет достигнуто? Вы поймете всё значение того, что я здесь излагаю, если обдумаете следующее. Дело в том, что в 1848 году появился впервые один весьма действенный документ, продолжающий действовать и поныне в самом радикальном социализме – в большевизме. Этим документом является "Коммунистический манифест" Карла Маркса, в котором было воспроизведено всё то, что самым разным образом царил в головах и сердцах пролетариев. Карлу Марксу удалось завоевать пролетарский мир на очень простом основании: он высказал то, что было понятно пролетарию, о чём он думал в силу своего пролетарского положения. Этот "коммунистический манифест", содержание которого я не нахожу нужным излагать, появился в 1848 году. Это был первый документ, совершивший тот посев, который мы ныне, когда разрушены все противоборствующие с ним факторы, видим уже созревающим. Одну фразу, одно предложение содержит этот документ, которое вы теперь можете встретить процитированным почти в каждой социалистической газете: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Это предложение проходит через все, какие только существуют, социалистические объединения: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Что же оно выражает? Оно выражает самое противоестественное, что только

может придумать человек в наше время. Оно выражает импульс к социализации, к объединению определенных человеческих масс. Но на чем должно строиться это объединение, эта социализация? На противопоставлении, на ненависти к тем, кто не является пролетариями. Социализация, совместное бытие людей должно быть построено на разделении! Вы должны это обдумать. Вы должны реальность этого принципа проследить в том, что сегодня как настоящая иллюзия, – если мне приходится пользоваться выражением, вы должны его понять – выступает, в первую очередь, в России, а теперь уже и в Германии, и в Австрии, и продолжает пожирать всё большие и большие территории. Это является противоестественным потому, что, с одной стороны, выражается необходимость *социализации*, а с другой стороны, *эта социализация возводится на антисоциальных инстинктах*, а именно, на классовой ненависти, классовом противопоставлении.

Подобные вещи следует рассматривать в более высоком свете, иначе далеко не уйдешь; иначе на том месте, где стоит человек, не прийти к целительному пониманию хода человеческого развития. И сегодня нет иного средства, кроме духовной науки, увидеть эти вещи во всеобъемлющем смысле, что означает также понять свое время. Люди боятся входить во всё то, что как дух и душа лежит в основе физического человека, и точно так же боятся, не хотят входить во всё то, что в социальной жизни можно понять исходя из духовного. Люди отшатываются в страхе, надевают на глаза повязку, прячут как страус голову в песок перед такими абсолютно реальными, значительными вещами, каковы следующие: когда два человека стоят друг против друга, то один из них постоянно старается усыпить другого, а тот – остаться бодрствующим. А это является, если выразиться в смысле Гёте, *прафеноменом социальной науки*. Но подобные истины уже выходят за рамки доступного обычному материалистическому мышлению; они могут быть поняты в том случае, если известно, что человек в своей жизни может спать не только лежа на прокисшей шкуре, посапывать часами кряду, но что и в, так называемой, бодрственной жизни постоянно проявляется тенденция ко сну, что, собственно говоря, те же самые силы, которые пробуждают нас утром, а вечером вводят в сон, постоянно действуют в дневной жизни в игре социального и антисоциального. Из любых размышлений о человеческом социальном строе, из любых отдельных установлений ничего не может произрасти, если не принять со всей серьёзностью все эти вещи.

Исходя из этой точки зрения, необходимо, видя, что распространяется по всей земле, не остаться перед ними слепым, а всмотреться в то, что охватывает всю землю. Сегодняшний социалист, о чем он думает? Он думает, что нужно выдумать социальные максимы, социалистические максимы, или призвать людей во всех странах земли: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", и тогда, думает он, можно будет по всей земле, как говорят, интернационально установить некий род рая.

Но ведь это большая иллюзия и настолько гибельная, насколько это только может быть! Люди не являются абстрактными людьми, они – конкретные люди. И в основе здесь лежит то, что каждый человек является индивидуальностью. Это я пытался доказать в моей "Философии свободы" по отношению к нивелирующему кантианству и социализму.

Люди на земле разделены на группы. И если мы хотим понять эту дифференциацию людей, то нельзя просто сказать, что ты начинаешь на Западе и ведешь на Восток через всю землю, так что, наконец, возвращаешься в исходную точку с обратной стороны, определенный социальный строй. Сегодня хотят распространять социализм так, как в былые времена совершали кругосветные путешествия; ведь земля круглая и, начав на Западе, можно продолжать затем на Восток.

Но люди на земле не одинаковы, они дифференцированы на группы, и в их дифференциации, опять-таки, живет импульс или, если можно так выразиться, двигатель прогресса. Таким образом, вы видите, что в наше время всё предрасположено к тому, чтобы совершенно особенным образом выступила душа сознательная. Я бы мог сказать, что через свою кровь, через свои врожденные задатки, через свои унаследованные задатки стремиться к тому, чтобы человечеству напечатлевалась душа сознательная, - к этому предрасположены в наше время только люди из тех народов, которые говорят по-английски. Человечество не однородно. Люди в странах английского языка сегодня особенно предрасположены к выработке души сознательной, так что, в определённом смысле, они являются представителями человечества пятой послееатлантической эпохи; они для этого развиты.

Люди Востока как представители человечества должны по-иному способствовать его развитию. У людей Востока, уже начиная с русского народа, затем у всех азиатских народов России, которые играют лишь вспомогательную роль, задача заключается в том, чтобы *противостоять натиску, напору этого инстинктивного, само собой разумеющегося развития души сознательной*. Люди Востока не хотят в наше время основную душевную способность, способность к интеллектуальности, смешивать с переживаниями; они хотят ее отделить и сберечь для позднейшего времени, для шестой послееатлантической эпохи, где должно произойти её слияние с тем, чего человек не имеет сегодня - с развитым Самодухом. Таким образом, характерная для развития во времени нашей эпохи сила находится на Западе и должна культивироваться с особой силой народами, говорящими по-английски; в то же время, народы Востока - я не имею ввиду отдельных представителей, которые, будучи индивидуальностями, всегда выдаются из среды своего народа, но я говорю о народе - существуют в наше время для того, чтобы как раз не давать возникнуть в своих душевных силах тому, что является характерным для эпохи, чтобы таким путем в них могло развиваться в зародыше то, что только в следующей эпохе, которая начнется в *четвертом тысячелетии*, может быть развито совершенно особым образом. Таковы закономерности человеческой жизни и человеческого существа. Когда дело касается природы, то здесь, например, не удивляются тому, что нельзя зажечь лёд, поскольку имеется определенная закономерность. Но в отношении социальной структуры человечества верят, что, например, в России социальная структура может возникнуть на том же социальном основании, что и в Англии или Шотландии, или даже в Америке. Но это невозможно, ибо мир организован закономерно и не так, чтобы повсюду в нем можно было произвольно делать всё, что угодно. Это нужно иметь ввиду.

В Средней Европе и состояние среднее. Здесь всё обстоит так, что человек находится в неустойчивом равновесии по отношению как к одной, так и к другой стороне. Так что, вы можете всё человечество на Земле разделить на три части. Вы не можете сказать: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", поскольку эти пролетарии так же тройко дифференцированы. Человечество трехчленно. Если мы обратимся к народам Запада, то найдем здесь, прежде всего, народ, говорящий по-английски; мы говорим: народ, - поскольку отдельные его представители могут существенно от него отличаться. Этот народ одарен особым образом, он имеет особое предрасположение, особую миссию вырабатывать душу сознательную, что в эпоху души сознательной означает: не отрывать от души её характерные особенности, но выработку интеллигенции, особое свойство интеллигенции связывать с переживаниями. Само собой разумеется, что все величие Великобритании покоится на инстинктивном желании людей поставить себя в мире как носителей души сознательной. Здесь лежит прафеномен расширения Британской Империи: покоящееся в задатках её людей совпадает с внутренними импульсами настоящей эпохи. Вы знаете, что существенное обо всем этом было уже

сказано в моем цикле лекций о европейских народных душах[*Цикл лекций "Миссия отдельных народных душ в связи с северогерманской мифологией" ИПН. 121]; в этом цикле, прочитанном задолго до войны, всё это уже содержится, весь существенный материал, могущий быть полезным для выработки объективного суждения о военной катастрофе.

Особая склонность у английского народа к политической жизни обусловлена именно предрасположенностью к развитию души сознательной. Можно изучить, как политический метод делить общества, структуры, распространился повсюду из Англии, распространился по тем странам, где отдельные вещи сохранились ещё от более древних, чем четвертая послеатлантическая эпоха, как, например, венгерское деление на комитеты с начальником комитета во главе. Так что, вплоть до таких туранских народных включений в Европе распространяется политическое мышление англичан, поскольку только из этой крови может прийти политическое мышление пятой послеатлантической эпохи. Эти люди особенно предрасположены для политики. Мало чему помогает сегодня суждение об этих вещах – здесь всё решает необходимость. Одному это может нравиться, другому – нет, но это личное дело. Мировые же дела решаются объективными необходимостями. И очень важно эти объективные необходимости именно сегодня, в эпоху души сознательной, провести перед своим взором.

Гёте в своей "Сказке о зеленой змее и прекрасной лилии" выразил имеющиеся в человеческой душе силы в виде троичности: Власти, Сияния, или Видимости, и Познания, или Мудрости, – Медный Король, Серебряный Король, Золотой Король. В этой сказке, если говорить о господствующих отношениях, удивительным образом высказано многое из того, что подготавливается сегодня и в будущем станет развиваться всё сильнее и сильнее. Можно сказать, что символизированное Гёте в Медном Короле, носителе импульса власти, ныне распространяется по всей земле через народы, говорящие на английском языке. По причине совпадения культуры души сознательной с особыми задатками британских и американских народов это является необходимым.

Видите ли, в среднеевропейских странах, где ныне царит хаос, имеет место неустойчивое равновесие между склонностью интеллекта к душе сознательной и желанием разъединиться с ней; при этом перевешивает то одно, то другое. Здесь имеет место совсем другая тенденция. Вся Средняя Европа не предрасположена к политике. Если же она хочет заниматься политикой, то для нее возникает большая вероятность выпасть из реальности, в то время как политическое мышление англо-американских народов твёрдо стоит на земле и обосновано в душе. В Средней Европе господствует вторая сила: Сияние, Явление. Среднеевропейские страны интеллектуальность с особым блеском приводят к явлению. Сравните с этим то, что исходит от англоговорящих народов в отношении мыслей: у них мысли крепко связаны с твердой по-земному реальностью. Возьмите блестящие достижения немецкого духа, вы увидите, что мысли здесь всегда носят эстетический облик, даже и в тех случаях, когда этот эстетический облик принимает логическую форму. В том, как одна мысль переводится в другую, заключено нечто особенно выдающееся, поскольку тогда то, что имеет особые задатки, выступает в диалектике, в эстетической проработке мыслей. Если затем это хотят применить в твердой по-земному реальности, если при этом хотят заняться политикой, тогда бывает очень легко оказаться на ложном пути, впасть в так называемый сновидческий идеализм, – когда хотят основать единое царство, десятилетиями мечтают о едином царстве, а затем основывают его на силе, где одно подпадает под власть другого. Ещё нигде в политической жизни не сходились вместе два таких контраста, как немецкие мечты о единстве 1848 года и то, что затем было основано в 1871 году. Здесь вы видите колебание,

маятникообразное колебание того, что, собственно, стремится выразить себя эстетически, и что становится неистинным, иллюзорным, призрачным образованием, когда захочет встать на почву политики. Ибо здесь нет никаких задатков к политике; и всякое политизирование становится мечтательным или ложным. Таковы те вещи, о которых следует говорить без симпатии и антипатии, о которых следует говорить не ради того, чтобы кого-то обвинять или оправдывать, но которые следует знать, поскольку они, с одной стороны, соответствуют необходимости, а с другой – трагичности. Это необходимо иметь в виду.

А теперь обратим наш взор на Восток, на то, что там подготавливается. Там дело заходит так далеко, что если выражаться радикально, то можно сказать: если немец хочет заниматься политикой, то он впадает в мечтательность, в идеализм; в лучшем случае – в прекрасный идеализм, в худшем – в неистинность. Русский же, желая стать политиком, вообще заболевает или даже может умереть, став политиком. Так что, он настолько к этому не предрасположен, что может сделаться больным и даже умереть. Это сказано несколько радикально, но в соответствии с действительностью. В русской народной душе нет ничего, что было бы внутренне родственно политическим основам английской и американской народной души. Но зато Восток предрасположен к тому, чтобы пронести интеллект, который он вырывает из само собой разумеющейся связи с переживаниями, в будущую эпоху Самодуха.

Так что, необходимо знать, каким образом подразделяются задатки людей на земле. Это выражается в значительнейшем переживании. Из различных рассмотрений вы все знаете о том, что называется встречей со Стражем Порога в высшем сверхчувственном переживании. Эти встречи со Стражем Порога также происходят по-разному. Естественно, если посвящение, инициация происходит совершенно независимо от связи с народом, то встреча со Стражем Порога бывает всесторонней. Если же посвящение осуществляется односторонними людьми или обществами и происходит в национальной связи, то бывают иными и переживания возле Стража Порога. Возьмём человека из среды народа, говорящего по-английски. Если он посвящается не высшими духами, которые, ведь, являются и ведущими, но Духом Народа, то он бывает преимущественно предрасположен к тому, чтобы приводить с собой к Порогу тех духовных существ, которые постоянно окружают нас с мире как ариманические духи, которые сопровождают нас, когда мы возле Порога входим в сверхчувственный мир и которых мы тогда можем взять с собой, если они развили некоего рода склонность к нам. Они приводят нас, прежде всего, к созерцанию сил болезни и смерти. Так что, вы от большинства посвященных в сверхчувственные тайны в англо-американских странах, от тех, кто ступил на порог, можете услышать, что для них важнейшим переживанием, встретившимся при познании сверхчувственных миров, были силы болезни и смерти. Они познают это как нечто, стоящее вне их.

Теперь обратимся к Средней Европе. Если и здесь при инициации действует народный дух, если посвящаемый не может возвыситься от национального к общечеловеческому, то первое значительное событие, с которым он сталкивается в сверхчувственном, есть борьба, происходящая между определенными существами, принадлежащими только к духовному миру, стоящими по ту сторону порога, и другими существами, стоящими здесь, в физическом мире, по эту сторону порога, но не видимыми для обычного сознания. Здесь имеет место непрерывная борьба. Эту борьбу видит, прежде всего, человек Средней Европы. Эту борьбу он видит пульсирующей на пороге благодаря тому, что, будучи жителем Средней Европы, – если он при этом серьёзный искатель истины – он пропитан силами

сомнения. Он знаком со всем тем, что является силами сомнения, силами многосторонности. В западных областях человек более склонен удовлетвориться одноплановой истиной, в Средней Европе вместе с одной стороной дела мгновенно является его другая сторона. Благодаря этому человек в поисках истины попадает в неустойчивое положение, в котором каждая вещь имеет две стороны. Человек Средней Европы является филистером, если он, вообще, склоняется к однозначному, одностороннему утверждению. Но отсюда рождаются и все те страдания, которые он переносит на пороге. Нужно быть внимательным к тому, как эта борьба, происходящая на пороге между духами, принадлежащими только духовной жизни, и духами, принадлежащими чувственному миру, обуславливает всё то, что выступает во внутреннем человеке как сомнение, колебание в отношении истины, обуславливает необходимость воспитать себя для истины и не придавать большого значения её признанным понятиям.

Если же вы обратитесь к странам на восток от Средней Европы, то там, в тех случаях, когда Дух Народа является крестным отцом посвящаемого, когда человек приводится на порог Духом Народа как крестным отцом, тогда этот человек, если он принадлежит к восточным народам, видит, прежде всего, всех духов, действующих в человеческом себялюбии. Он видит всё то, что может дать побуждение к человеческому себялюбию. Житель западных стран, вступая на порог, видит всё это не в первую очередь. Он видит сначала духов, которые как болезнь, смерть, в широком смысле этого слова, как парализующие, разрушающие, ведущие назад силы, вторгаются в мир и в человечество. Приходящий к посвящению на Востоке видит на пороге всё то, что подступает к человеку, чтобы склонить его к себялюбию. Поэтому на Западе идеалом посвящения является прежде всего, следующее: сделать людей здоровыми, способствовать здоровью людей, чтобы все они имели внешние здоровые условия для развития. На Востоке же, прежде всего, из инстинктивного, из только лишь религиозного знакомства с наукой посвящения рождается стремление почувствовать себя ничтожным, маленьким по отношению к возвышенным могуществам духовного мира. Ибо эти могущества, прежде всего, выступают ему навстречу из духовного мира. На величие духовного мира указывает, прежде всего, человек Востока, на то, что лечит себялюбие, искореняет себялюбие, поскольку опасность впасть в него особенно относится к нему. Собственно говоря, даже во внешних проявлениях народного характера выражается это на Востоке. И многое из того, что Западу представляется не симпатичным в восточном народном характере, происходит именно из опыта на пороге.

Таким именно образом дифференцированы человеческие особенности, если мы посмотрим на внутреннее развитие, на внутренний облик духовно-душевного в человеке. Очень важно, чтобы от этих вещей не отворачивались. Вы бы могли в определённых оккультных кругах [*"... в определенных оккультных кругах", например, в книге С. G. Harrison "Das trauszendentalen Weltenall", появилась в 1894 году, нем. перевод издан в Лейпциге (год неизвестен).], говорящих по-английски народов, там, где эти вещи известны – если даже Дух Народа является при этом крестным отцом, – в течение всей второй половины XIX века найти пророческие указания на вещи, которые сегодня совершаются. Подумайте только, что было бы, если бы люди всей Европы, за исключением народов, говорящих по-английски, не затыкали себе уши и не завязывали глаза, а были бы внимательны к этим вещам! Я хочу сообщить вам одну формулу, которая, опять-таки, постоянно высказывалась во второй половине XIX века. Эта формула следующая: в России, для того, чтобы русский народ мог развиваться, должно исчезнуть русское государство, ибо в России должен быть осуществлен социалистический эксперимент, который невозможно осуществить в западных странах. Для не англичанина это может быть мало симпатичная, но зато захватывающая мудрость, разумность в

высшей степени. И тот, кто эти вещи имеет в себе таким образом, что способен верить в них как в импульсы, в осуществлении которых он принимает участие, тот по-настоящему стоит в своём времени, тогда как другой выпадает из него. [*Следует иметь в виду, что это "по-настоящему" не связано с этической оценкой (Прим. перев.)]

Эти вещи должны быть приняты во внимание. Это было, конечно, обоснованным уделом Средней и Восточной Европы заткнуть уши и закрыть глаза перед оккультными фактами, не вслушиваться в них, а заниматься абстрактной мистикой, заниматься абстрактным интеллектуализмом, заниматься абстрактной диалектикой. *Но теперь начинается время, когда дальше это так идти больше не может!* Подобные рассмотрения не должны рождать пессимизма, не должны рождать безнадежности. Нет, силу, мужество, смысл, понимание того, что нужно сделать, – вот что мы должны извлечь из услышанного. И в этом смысле мы должны помнить, что внутри духовнонаучно ориентированного антропософского движения мы поистине работаем не против задач эпохи, а с задачами эпохи. Пусть будет ясным для нас всё то, что мы проспали бы в иных случаях. Также и к выработке социальных потребностей нас ведет бодрственно и сознательно та духовная наука, которая открывает сознанию то, что в других случаях осталось бы сокрытым для сознания, которая открывает нам, какие силы развивает человек, когда он свободен от своей телесности, как это с ним случается во время от засыпания до пробуждения. Пусть нам будет ясно: мы посвящаем себя развитию необходимейших для нашего времени сил, когда мы бодрствуя мыслим об этом, когда это со всей силой может пронизать наши души, когда мы бодрствуя об этом думаем. Но если мы в состоянии это развивать лишь в дрёме, то мы делаемся бессильными.

Две силы действуют в современности. Одна сила – это та, которая в различных метаморфозах Импульса Христа проходит, начиная с Мистерии Голгофы, через все последующие времена земного развития. Мы уже не раз говорили о том, что именно в нашем столетии должно иметь место новое пришествие Христа в эфирном мире. Мы отстоим совсем недалеко от этого нового пришествия Христа. И тот факт, что Он придет, опять-таки, не даёт нам никаких оснований для пессимизма, а равно и для тоски по туманному, эгоистически душевно согревающему бытию, состоящему в разузнавании теософских теорий. Импульс Христа в своих различных образах, а также и в том образе, который он имеет теперь, когда он хочет возвестить человечеству то, что из духовных миров хочет открыться в наше время как спиритуальная мудрость, этот Импульс помогает этому осуществиться. Хочет открыться мудрость духовных миров, и этому помогает Импульс Христа. От этого события зависит всё. И в этот критический момент человечество стоит перед важнейшим решением. С одной стороны, стоит Импульс Христа, призывающий нас из свободного душевного решения обратиться к тому, о чём говорилось сегодня: сознательно воспринять социальные импульсы, всё то, что является целительным для человечества, и помочь ему воспринять всё это свободно, исходя из решения души. Поэтому мы соединяемся не на той точке зрения, которая хочет основать любовь на ненависти, как в том призыве: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Но мы соединяемся, когда стремимся осуществлять Импульс Христа и делать то, что для нашего времени хочет делать Христос.

Этому противостоит супостат, тот, кого Библия называет противозаконным князем мира сего. Во многих обликах являет он себя. Один из этих обликов проявляется в том, что силы, находящиеся в распоряжении человека для того, чтобы он через свободное решение обратился к тому, о чём сегодня говорилось, эти силы свободного решения ставятся на службу телесности. Различными инструментами пользуется супостат, противозаконный князь

мира сего. Среди них, например, такие, как голод и социальный хаос. В этих случаях с помощью физических средств, принудительно отбираются силы, которые должны быть поставлены на службу свободному человеку. Вы только посмотрите, как сегодня человечество проявляет себя на каждом шагу: оно не хочет из свободного решения обратиться к социальной жизни и к познанию истинного прогресса человечества, оно хочет, чтобы его *принуждали*. Нужно сказать, что принуждение ещё ни разу не заходило так далеко, чтобы люди перестали делать хоть какое-то различие между существами сверхчувственного мира, между Существом Христа и существом супостата, противозаконного князя сего мира! Вам же эта разница ясна, и видя как сегодня во многих случаях люди всячески противятся что-либо воспринимать из духовного провозвестия, из благ духовной науки, вам становится ясно, что нередко люди бывают просто одержимы этим противозаконным князем сего мира.

Когда вы из свободного внутреннего решения обращаетесь к духовной жизни, то в совершенно скромном, но серьёзном и полном силы смысле рассматривайте себя как миссионеров Христа в настоящее время, как борцов с противозаконным князем этого мира, который делает одержимыми всех тех, которые не из сознания, а из других сил хотят, чтобы их принуждали делать нечто из того, что из будущего идет к человечеству. Подобные мысли не приведут вас к пессимизму, ибо они не оставят вам времени для пессимистического созерцания мира. Они не позволят Вам закрыть глаза и заткнуть уши перед тем, что заявляет о себе довольно сильно и ужасно трагически, не позволят вам не увидеть истинной сущности всего этого. Но эти мысли, прежде всего, представят всё это вашему взору таким образом, что вы скажете себе: я призван к тому, чтобы видеть всё без иллюзий; при этом меня не одолевают ни пессимизм ни оптимизм, а всё для меня сводится к тому, чтобы в моей собственной душе пробудилась сила стать сотрудником свободного развития людей, стать сотрудником прогресса и именно на том месте, где я стою в жизни. И не к пессимизму или оптимизму должны побуждать человека увиденные с точки зрения духовной науки деградация и косность времени, но он должен этим побуждаться к тому, чтобы стоять на собственных ногах, пробудиться в себе для работы и выработки правильных мыслей. Ибо, прежде всего, необходима пронизательность. *Если бы сегодня достаточное число людей имело потребность сказать себе: "Мы хотим понять все эти вещи", - все в мире стало бы по-иному!* И если хотят понять социальные проблемы, то дело при этом сводится к тому, чтобы в бодрственной жизни, прежде всего, иметь волю к познанию. Затем эта воля будет возрастать - об этом уже позаботились, - поскольку она подлежит развитию. Если мы в бодрственной жизни хотим развивать только себя, хотим выработать представления о социальной жизни, то тогда мы постепенно приходим к тому - приходим по оккультному закону, - что каждый из нас, кто для себя ищет этого познания, может взять с собой ещё другого человека. Здесь один в воле может заботиться о двоих. Мы можем способствовать очень многому, если только имеем серьёзную волю выработать в себе пронизательность. Тогда бы пришло дальнейшее. Не то плохо, что многие люди сегодня не хотят ничего делать, но бесконечно плохо то, что *люди не хотят решиться познать, изучать социальные законы духовнонаучно. Все другое приложится, если только будет это.*

Вот то, что я хотел сегодня сказать вам о важнейшем для современности знании, а также о способе, каким это знание должно стать жизненным импульсом. Будем надеяться, что в неотдаленном времени мы снова сможем поговорить об интимных вещах нашей духовной науки. С надеждой, до свидания!

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

Дорнах, 13 декабря 1918 г.

Из рассмотрений социальных импульсов настоящего времени и ближайшего будущего, которыми мы здесь занимались в последние дни, вы могли понять, что в различных явлениях, выступающих из этих импульсов, заявляет о себе одна основная тенденция, которая ход событий характеризует вначале совершенно внешним образом. Мы можем сказать: "Да, действительно, выступают многочисленные требования, выступают социальные и антисоциальные мировоззрения". - То, либо это совершается исходя из таких социальных и антисоциальных импульсов (мировоззрений). Но если с точки зрения того, что нам теперь стало известно, мы захотим спросить: что же, собственно говоря, лежит в основе того, что хочет быть деятельным на поверхности человеческих судеб и человеческого развития? - то, прежде всего, внешне, дело можно, конечно, охарактеризовать следующим образом: человек хочет иметь такой социальный строй, он хочет общественной жизни придать такую социальную структуру, в которой он, сообразно нашей эпохе души сознательной, мог бы осознать то, что ему подобает знать по его человеческому достоинству, человеческому значению, человеческой силе. Он хочет найти себя как человека в таком социальном строе.

Импульсы, что прежде были инстинктивными, они побуждали человека делать то, либо это, думать, ощущать то, либо это. Эти инстинктивные импульсы теперь хотят стать осознанными импульсами. Эти осознанные импульсы в эпоху души сознательной, которая началась в XV столетии и будет продолжаться в третьем тысячелетии, человек только в том случае правильно внесёт в свою жизнь, если во всё большей мере будет в эту эпоху осознавать, что он собой представляет как человек, и на что он способен, живя внутри социальной структуры общества, государства или чего-либо подобного.

Я уже указывал, что всё, что в смысле этой эпохи души сознательной, только с помощью духовной науки, может быть увидено в правильном, ясном свете, - это более или менее беспорядочным образом то там, то здесь заявляет о себе как в воззрениях, мыслях людей, так и в событиях, среди которых ныне живёт человек. В этом смысле является особенно характерным, я бы сказал, потрясающе характерным, например, то, что выявилось в одной речи Троцкого[* "Мощь Советов и международный империализм". Перевод издан в Берне в 1918 г.]. Если вы примете во внимание сказанное теперь мною о желании поставить человека в средоточие мировоззрения, то слова, сказанные Троцким, покажутся вам потрясающими. Он сказал: Коммунистическое учение или социалистическое учение ставит в качестве своей главной задачи достижение на нашей старой грешной Земле такого состояния, при котором бы люди перестали стрелять друг в друга. Задача социализма или коммунизма состоит в установлении такого строя, при котором человек впервые стал бы достоин своего звания. Мы привыкли говорить, что слово "человек" звучит гордо. Об это сказано у Горького: "Человек - это звучит гордо". - Но в действительности, если окинуть взглядом

эти трёх-с-половиной-летние кровавые убийства, то можно воскликнуть: "Человек – это звучит позорно!".

Во всяком случае, Вы видите, как здесь в самом начале программной речи в центр рассмотрения поставлен будоражащий вопрос: каким образом человек может осознать свою человеческую сущность, свою человеческую ценность, свою человеческую силу? И если вы будете внимательны, то подобное явление вы встретите у многих людей. Эти явления поймут только в том случае – я имею в виду то, что будучи ясно увиденным, с помощью духовной науки, встаёт в умах подобно смутному привидению во всех других случаях, – эти явления, эти привидения поймут только тогда, когда многое из уже рассмотренного нами будет принято во внимание в связи с социальным мышлением пятой послеатлантической эпохи.

Бесконечно много нового скачкообразно вошло в развитие с началом пятой послеатлантической эпохи, имевшем место в XV веке после Рождества Христова. Только люди обычно не замечают, сколь радикально изменилась конституция людей при переходе от XIII, XIV к XV, XVI столетиям. Я приводил Вам многочисленные примеры из области искусства, из области мышления и из других областей, из которых вы могли бы увидеть эти изменения. Сегодня мы хотим ещё нечто принять во внимание, что для сил, проявляющихся в настоящее время и в ближайшем будущем, имеет особенно большое значение. Собственно, можно сказать, что сознательным образом общественную хозяйственную жизнь, общественную политэкономическую жизнь, выраженную в социальной структуре, впервые можно наблюдать с началом пятой послеатлантической эпохи. Ранее всё это проявлялось более или менее инстинктивно. В сущности говоря, начиная, примерно, с XVI столетия, впервые сознательно поднимаются вопросы: что такое народное хозяйство? Какая организация народного хозяйства является наилучшей? Какие законы лежат в основе организации народного хозяйства? Из размышлений над этими вопросами развиваются, вплоть до настоящего времени, импульсы социалистического мировоззрения. До того все эти вещи организовывались более или менее инстинктивно, от человека к человеку, от ассоциации к ассоциации, от гильдии к гильдии, от корпорации к корпорации или так же от королевства к королевству. Впервые с возникновением современного государственного устройства, датируемого, примерно, XVI столетием, встречаем мы людей, размышляющих над экономическими вопросами.

Теперь вы должны, если хотите понять дальнейшее, кое-что принять во внимание. Вам должно стать ясно: инстинкт всегда действует с большой уверенностью. Назовите Вы его "божественным порядком", назовите "природным порядком", назовите его как только вам угодно, инстинкт останется тем, что действует с уверенностью через развитие человечества и, что нельзя изменить мыслями, что не могут сотрясти никакие мысли. А неуверенность начинается тогда, когда объекты, в сфере которых ранее с уверенностью действовал инстинкт, пронизываются человеческим размышлением, человеческим интеллектом. И лишь мало-помалу обретает человек сознательным образом, можно сказать – путём многочисленных заблуждений, – ту уверенность, которой прежде, в других отношениях, он обладал благодаря инстинктам.

Было бы неправильно на сказанное возразить, что в таком случае давайте вернёмся назад к инстинктам. Отношения изменились, и при изменившихся отношениях инстинкты не являются больше правомерными. Кроме того, человеческое развитие идёт от инстинктов к сознательной жизни. Требование снова вернуться к старым инстинктам не более умно, чем, например, желание в пятьдесят лет вернуться к двадцатилетнему возрасту. Итак, вы видите, что где-то на грани XVI столетия начинается экономическое мышление. С этого времени человек сознательно направляет своё внимание на те явления,

которые прежде в сфере человеческих отношений переживались инстинктивно.

Интересно, по меньшей мере, некоторые мысли и представления, которые образовали себе люди о социальном строе, провести перед душой. Здесь мы, прежде всего, встречаемся с воззрениями на хозяйственную, социальную жизнь, так называемых, меркантилистов. Их представления целиком зависят от правовых представлений, которые люди выработали в прошлом в юридических и тому подобных отношениях общественной жизни. С помощью этих представлений они пытались понять возникновение и развитие торговли и нарождающейся индустрии. Так что, представления меркантилистов были, прежде всего, связаны с изучением торговли и промышленности. Но на них также оказали влияния и другие вещи, на них оказал влияние тот особый характер, который в то время получили абсолютистски организованные монархии с их дворами и штатом должностных лиц. Их представления имели одну особенность, обусловленную открытием Америки, вследствие чего в Европу хлынул поток благородных металлов, вызвавший замену старого хозяйства новым, основанным на деньгах. Это оказало влияние на представления первых учителей экономики, меркантилистов. Они пришли к представлениям, согласно которым общественное хозяйство, общественную социальную жизнь следовало рассматривать как аналогичную частновладельческому хозяйству. А в старом частновладельческом хозяйстве господствовали древнеримские юридические представления. Поэтому была сделана попытка двинуть дальше эти представления, попросту говоря, распространить законы частновладельческого хозяйства на общественную жизнь.

Эти представления привели к своеобразному результату и не безынтересно будет проследить, на что люди мало-помалу направили своё основное внимание. Результат состоял в том, что меркантилисты пришли к выводу: самым существенным, на чём стоит народное хозяйство, человеческое сообщество, является накопление возможно большего числа эквивалентов для приобретения, путём торговли, производимых промышленностью товаров в рамках народно-хозяйственной общности. Иными словами, эти люди пришли к тому мнению, что нужно создать социальную структуру, способную скопить в стране возможно большее количество денег. В наличии денег видели они благосостояние страны. "Но как увеличить благосостояние страны, чтобы при этом стало как можно более высоким благосостояние каждого отдельного человека? - спрашивали они себя и отвечали: Это можно сделать путём создания такой внутренней структуры, при которой внутри границ государства циркулировало бы возможно большее число денег, а за границу их бы уходило как можно меньше, так что происходила бы постоянная концентрация денег в стране".

Этому воззрению со временем было противопоставлено другое, сторонников которого называли физиократами. Их воззрение исходило из такой мысли: от количества денег, скапливающихся в стране, собственно, ничего не происходит в смысле роста благосостояния; последнее зависит от количества товаров, которые человек может произвести, работая на земле и используя силы природы. Путём же циркуляции товаров в торговле и накопления денег достигается, в сущности, нечто иллюзорное, а не действительное благосостояние.

В этих двух, следующих одно за другим воззрениях на народное хозяйство вы видите две совершенно различные точки зрения. На это я прошу вас обратить внимание. Ибо довольно легко прийти к поверхностному мнению, что достаточно изучить эти вещи и тогда можно будет сказать, чем обусловлено благосостояние, какой род народного хозяйства является наилучшим. Вы видите, что люди, размышляющие об этих вещах, даже делающие

размышление о них своей профессией, приходят в ходе времени к противоположным мнениям, поскольку совсем не лёгкое это дело – образовать суждение о них.

Благодаря тому, что физиократы главную ценность видели в обработке земли, в использовании сил природы, они пришли к выводу, что людей следует предоставить самим себе, дабы они свободной конкуренцией побуждались к производству как можно большего количества товаров из природной основы бытия. И если меркантилисты больше стремились к тому, чтобы увеличить пошлины, сделать менее проницаемыми внешние границы государств и таким путём уменьшить утечку из страны денег – основу благосостояния, то физиократы стремились прямо к противоположному: сделать совершенно свободным перемещение людей из страны в страну, поскольку это должно способствовать развитию производительных сил по всей Земле, а следовательно должно способствовать повышению благосостояния и каждой отдельной страны. Таким образом, вы видите, что уже на заре сознательного мышления о народном хозяйстве с различных направлений выступили противоположные мнения.

Проводя исследование далее, мы увидим, как другое значительное воззрение занимает своё место в сфере хозяйственного мышления. Это воззрение оказало огромное влияние как на законодательство, так и на экономические идеи. Его автором был Адам Смит. Перед его душой встал вопрос: как создать социальную структуру, подходящую для того, чтобы можно было обеспечить наибольшее благосостояние как отдельного человека, так и общества в целом? – Адам Смит пришёл, собственно говоря – мы здесь хотим указать только на одну характерную деталь, – к тому взгляду, что формирование народного хозяйства по индивидуальному принципу является наилучшим. Он исходил при этом из того, что ценности, товары, которые, в конце концов, составляют содержание народного хозяйства, которые покупают и продают, – они есть результат человеческой работы. Его воззрение, можно сказать, состояло в следующем: когда что-либо покупается, то это становится возможным благодаря тому, что человеком производится работа. Так что, ценность товара есть неким образом кристаллизованная человеческая работа. И он считал, что благосостояние, именно по причине этой основы народного хозяйства, наилучшим образом достигается тогда, когда людям с помощью каких-либо законодательств не мешают свободно производить. Один наилучшим образом служит целому, когда наилучшим образом служит себе. Да, Адам Смит придерживался, примерно, того мнения, что человек наилучшим образом служит человечеству, когда делает наилучшее для себя. Как для отдельного человека, так и для человечества является наилучшим, когда народное хозяйство строится по индивидуалистическому принципу, когда с помощью законодательства человеку не ставится особых препятствий и т. п.

Теперь вы видите, что всё направление мышления в таком учении о народном хозяйстве сводится к следующему: как наилучшим образом построить социальную структуру? – Но здесь у вас, возможно, возникает вопрос, который во всём своём своеобразии не мог быть со всей ясностью принят во внимание физиократами. Во всех народнохозяйственных системах, о которых я до сих пор Вам говорил, размышления ввелись о том, как наилучшим образом построить народнохозяйственную структуру. Но все эти размышления возвращают, опять-таки, к другому вопросу: а чего же хочет всё народное хозяйство в целом? – Ведь оно хочет не только, по меньшей мере, оно не может хотеть, только распределять то, что имеется, но оно должно следить за тем, чтобы материальные ценности также и производились. Дело заключается также и в том, чтобы определённые товары давала людям земля. А каково отношение между людьми и продовольственными товарами? Впервые

сознательно об этом высказался Мальтус[*Томас Роберт Мальтус (1766– 1834), теолог и социолог.], и его мысли, в определённой мере, приняли рискованный оборот. В общем-то, нельзя сказать, что поставленный Мальтусом кардинальный вопрос, а также его мнение о нём лишены всяких оснований. Он утверждал, если проследить прирост населения на земле – он, как и большинство современных людей, придерживался того взгляда, что население земли постоянно возрастает, – а также прирост потребных средств питания, то между ними имеет место определённое соотношение. И Мальтус выразил это отношение математически, а именно: прирост предметов питания происходит в арифметической прогрессии, а прирост населения – в геометрической. Я вам это немного поясню. Представьте себе, что возрастание средств питания выражается рядом чисел: 1, 2, 3, 4, 5; тогда как геометрический ряд будет: 1, 4, 9, 16, 25. Мальтус полагал, одним словом, что население растёт быстрее, чем средства питания. Он был также того мнения, что развитию человечества не миновать большой опасности – борьбы за существование, что, наконец, на земле живёт слишком много людей по отношению к средствам питания. Так что, он рассматривал экономическое развитие человечества с совершенно другой точки зрения, с точки зрения связи человека с возможностями Земли. Он пришёл к утверждению или, по крайней мере, к нему пришли его сторонники, что забота о бедных и тому подобные занятия направлены против развития, ибо ведут лишь к перенаселённости и потому вредны для развития человечества. Он даже утверждал, что тем, кто слаб, нужно дать погибнуть, поскольку это ведёт к искоренению недостатков жизни. Мальтус ещё кое-что утверждал, о чём я здесь хочу только упомянуть. Так, он предлагал ввести, так называемую, систему двух детей, чтобы таким образом задержать естественную тенденцию к росту перенаселённости. Войны он рассматривал как необходимый атрибут развития человечества, поскольку естественная тенденция перенаселения растёт быстрее, чем прирост средств питания.

Как видите, поистине пессимистический взгляд на хозяйственное развитие человечества встречаем мы здесь вступающим в историю. Нельзя сказать, чтобы вопрос: как человеческое хозяйство связано с природными основами? – вызывал много забот в наше время. У наших современников отсутствует даже ясное намерение проводить исследования в этом направлении. Ибо всё снова и снова указывается на социальную структуру, на этот род и способ, каким надо подразделить людей, чтобы достичь наибольшего из возможных благосостоянии; и не встаёт вопроса: как нужно возделывать землю, чтобы получить как можно больше продуктов? В большей степени спрашивают: как эти продукты следует распределять?

В истории развития мышления выступали различные идеи; их следует принять во внимание, поскольку они подготовили социальное и социалистическое мышление современности, которое уже отчасти ввергло, а в дальнейшем в ещё большей степени ввергнет людей в социальный хаос, из которого совершенно необходимо найти правильный выход. На один из них я вам указал, говоря, например, об Адаме Смите, о его ясно выраженной идее, что покупаемый товар, представляет собой накопленную работу. И таким образом возникает мысль, соответствующая природной необходимости: выступающее, как товар нельзя рассматривать никак иначе, как накопленную работу. Эта идея настолько захватила людей, что стала в наши дни основным двигателем пролетарского мышления. Это произошло потому, что из политэкономических предпосылок, которые я вам охарактеризовал, в головах современных пролетариев сложилось обострённое понимание того, что в действительности социальная структура хозяйственной организации сегодня такова, что пролетарии являются в ней неимущими, владеют лишь рабочей силой своих рук, которую могут принести на рынок; а потому она является товаром. Точно так же, как покупают другие вещи, можно купить рабочую силу неимущих пролетариев.

В отношении вопроса: что же такое есть человек? – современный пролетарий чувствует себя особенно подавленным, и это инстинктивно обуславливает его требования. Он не хочет, чтобы продавалась какая-то его часть; ведь создаётся впечатление, что две его руки в такой же мере могут быть куплены, как покупается и продаётся его работа. Может показаться неудобной та форма, в которой это выражается – будь то марксистское мышление или революционное, или какое-либо иное. Однако в основе всего этого лежит ощущение, что другие люди покупают и продают товары, а я же должен продавать мою рабочую силу.

Было бы заблуждением сделать такое возражение, что ведь и другие люди продают свою работу. – Это-то именно и не так. В нашей современной социальной структуре только пролетарские рабочие действительно продают свою работу. Ибо в тот самый момент, когда человек каким-либо образом вступает в отношение к владению, продажа его рабочей силы прекращается. Так что, буржуа не продаёт своей рабочей силы; он покупает и продаёт товары. Он, пожалуй, продаёт произведения своего труда, а это совсем другое дело, нежели продавать работу. Об этих вещах именно современный пролетарий имеет весьма точное понятие, и кто понимает мышление современного пролетариата, тот знает, что для пролетария принцип: работать означает, продавать свою рабочую силу – является приводным элементом в современном пролетарском мышлении от его умеренных до радикальнейших форм.

Кто не способен из явлений извлечь всей этой их сущности, тот не понимает настоящего времени; и поистине трагично, что столь многие люди сегодня не понимают своего времени. По этой причине нам предстоит всё глубже и глубже погружаться в хаос – по причине нежелания людей понять наше время. Это, во-первых.

Во-вторых, в связи со сказанным, встаёт идея закона заработной платы. В той радикальной форме, в какой эта идея существовала раньше, – теперь в современном пролетарском мышлении она больше не существует, но при этом следует ещё вспомнить ту её форму, в которой она выступала у Лассалья[*Фердинанд Лассаль (1824 – 1864), вождь немецких социалистов.]. Это необходимо сделать, чтобы увидеть её остаток, всё ещё существующий и у современного пролетариата. Отчётливое выражение эта идея нашла у экономического исследователя Рикардо[*Давид Рикардо (1772—1823), английский политэкономист.] в виде так называемого *неизбежного закона заработной платы*. Но Лассаль со всей энергией отстаивал эту идею ещё и в середине прошлого столетия. Рикардо говорил примерно следующее: при современной социальной структуре, с присущей ей формой капитала, пролетарий не может быть вознаграждён за свою работу выше определённого максимума. Заработная плата должна постоянно двигаться на определённой высоте. Превышать её и опускаться ниже её она не может. Объективные соотношения создают определённый необходимый уровень заработной платы. Выше своего максимума или, если хотите, минимума – в данном случае это безразлично – уровень заработной платы не может ни пониматься, ни опускаться; по меньшей мере, существенно. Так полагал Рикардо. Его аргументы были следующие, он говорил: "Представьте себе, что в силу каких-либо соотношений, например, хорошей конъюнктуры, в определённое время сильно возрастает заработная плата. Что произошло бы в данном случае? Пролетарии получили бы внезапно высокую заработную плату, их жизненный уровень повысился бы, они бы достигли определённого благосостояния. В этой связи фабричная работа стала бы более привлекательной, чем при прежней зарплате. Это повело бы к возрастанию предложения рабочей силы. Кроме того, возросшее благосостояние повлекло бы за собой усиленное деторождение в рабочих семьях и т. д. В результате всего этого рабочих стало

бы легче нанимать, и их заработная плата снова понизилась бы. Таким образом, заработная плата возвратилась бы к прежнему уровню. Так что, возрастание зарплаты само вызывает явления, заставляющие её снова понижаться. Теперь представим себе, что заработная плата понизилась бы по какой-либо причине. В этом случае наступило бы обнищание рабочих и предложение рабочей силы так же понизилось бы. Рабочие стали бы раньше умирать, чаще болеть, у них снизилось бы деторождение, что вызвало бы снижение предложения рабочей силы и зарплата снова возросла бы. Таким образом, особенно далеко от неизбежного уровня зарплаты уйти нельзя".

Естественно, Рикардо, а так же и Лассаль, говоря о неизбежном законе заработной платы, думали о чисто хозяйственных процессах, обуславливающих его. Сегодня, а так же уже 20 – 30 лет назад пролетарии, если им в истории экономических учений цитировали неизбежный закон заработной платы, говорили, что это не так, Рикард и Лассаль здесь заблуждаются. Но это возражение неправильно, ибо в том случае, когда социальная структура предоставлена самой себе, то закон заработной платы вступает в силу. А чтобы он в силу не вступал, должны быть основаны рабочие ассоциации, должно быть привлечено на помощь влияние государства. В результате этого статус заработной платы может быть искусственно повышен; неизбежный уровень зарплаты может быть превышен законодательно, с помощью ассоциаций. Таким образом, дело не в том, заблуждался ли Рикардо, а в том смысле, в каком его следует понимать.

Все эти, ныне бесконечно множась вещи я хочу вам только продемонстрировать, чтобы показать, как постепенно выкристаллизовываются мысли о народном хозяйстве в эпоху души сознательной. Решающее мнение здесь постоянно склоняется то на одну, то на другую сторону. Одни считают, что народное благосостояние возрастает наилучшим образом при индивидуалистическом устройстве народного хозяйства, когда индивидууму здесь предоставляется возможно большая свобода. Другие считают, что этот путь вреден и на помощь следует привлечь государство и ассоциации.

Пришлось бы говорить об очень многом, если бы я захотел привести всё то, что проявилось в ходе времени. В самых различных областях цивилизованного мира проявились народно-хозяйственные представления, подобные тем, что я вам охарактеризовал. Все они, а так же и многие другие, имеют одну общую черту: они не задумываются над тем, как развивалась до сих пор и что представляет собой в современном мире социальная структура. Но всё их внимание было сосредоточено на вопросе: что нужно сделать с этой социальной структурой, чтобы люди могли жить не страдая, чтобы было высоким их благосостояние и т.п.? Многие апологеты учения о народном хозяйстве стремились улучшить хозяйственную жизнь. Утопические натуры или такие как, например, французские социалисты Сен-Симон, Огюст Конт, Луи Блан и другие, все они имели подобную склонность. [*Клауде Генри де Сен-Симон (1760– 1825), основатель первой социалистической школы. Август Конт (1798– 1857), основатель "позитивистской философии". Луи Блан (1811 – 1882), французский историк и политик.]

Им были свойственны следующие мысли: до сего времени общества, будучи предоставленными самим себе, развивались таким образом, что возникала большая разница между бедными и богатыми, состоятельными и неимущими. Но такое положение должно быть изменено. И они изучали экономические законы и высказывали много мыслей насчёт того, как произвести эти изменения, чтобы кое-что улучшить. Некоторые при этом доходили до того, что вообще утверждали, что на земле нужно устроить некий род рая.

Особую форму эти мысли о социальной структуре приняли у современного пролетариата. Об основании, почему именно пролетариат предназначен к

выработке подобных взглядов, я уже говорил. Но с одной особой точки зрения я бы хотел сделать завершающее замечание. Несомненно, всё то, что Карл Маркс выразил в своих книгах и в тех, которые он написал с Фридрихом Энгельсом, многое в дальнейшем подвергалось переделке. Но все эти переделки не столь значительны, как тот основной импульс, что лежит в основе всех этих вещей. И можно, в общем и целом, сказать – хотя это высказывание следует принимать весьма модифицированным, – по всей цивилизованной Земле от крайнего Запада до России и далее пролетариями будут владеть марксистские мысли, марксистские импульсы. Совершенно исключительным образом мысли о социальной структуре будут выражены в современной марксистской пролетарской манере.

Мысли, которые я вам сегодня развил, у буржуазных экономистов появились уже в начале эпохи души сознательной, и они были затем восприняты социалистическим мышлением. Но социалистическим мышлением они были переделаны на манер, более подходящий для мышления пролетарской касты. При этом произошло нечто примечательное. – Мысль о том, что внутри современной капиталистической социальной структуры человек, будучи пролетарием, должен продавать свою рабочую силу, была теоретически развита далее, стала приводным ремнём пролетарского мышления. В своей новой форме эта мысль свелась к вопросу: каким путём можно избежать того, что рабочая сила как товар продаётся и покупается на рынке? В этом вопросе, естественно, отразилось и воззрение, которое вполне ясно сформулировал ещё Адам Смит и другие, а именно: в товаре, который мы покупаем, сконцентрирована рабочая сила. Это исключительно правдоподобная мысль, мысль, последовательно приводящая к вопросу: но что же с этим можно сделать? Когда я покупаю себе платье, то работа, произведённая портным и теми, кто ещё в ней участвовал, чтобы создать платье, находится теперь в нём как кристаллизованная работа. При этом упускается из виду вопрос: может ли работа быть отделена от товара? – но принято считать, я бы сказал, за аксиому, как нечто, само собой разумеющееся, что работа и товар находится в неразрывной связи. Ищут социальной структуры, которая могла бы улучшить положение рабочих, оставляя неприкосновенной связь труда и его продуктов с работой. По этой причине, собственно говоря, возник марксизм, возникла вера в то, что путём одной лишь передачи орудий труда в общее пользование, путём введения всего общества во владение машинами, землёй, средствами сообщения можно установить справедливое вознаграждение за труд.

При этом совсем не задаются вопросом: можно ли сделать товар независимым от вознаграждения за труд? – но спрашивают: как осуществить справедливое вознаграждение, если считать аксиомой, само собой разумеющимся, что работа превращается в товар? – Так ставится вопрос, а с ним связывается всё остальное. С ним связаны даже материалистическое понимание экономики и крайне материалистическое понимание истории. Всё здесь сводится к тому, что современный пролетариат, как я вам уже говорил, считает: всё действующее внутри человеческой культуры, все духовные творения, все мысли, вся политика, вообще, всё, что не является хозяйственными процессами, составляет только надстройку, идеологию, базисом которой является всё, произведённое хозяйством. Хозяйство – это реальность. Тот способ, каким человек включён в хозяйственную структуру, является в его жизни реальностью. Всё же, что является его мыслями, возникает из его хозяйственного положения. Наиболее тугие марксисты, такие, как, например, Франц Меринг, пишут о Лессинге* – я привожу это только в качестве примера, – исходя из условий хозяйственной жизни второй половины XVIII столетия. При этом они задаются вопросом: как люди производили и покупали в тех условиях? Каково было отношение ремесленника к остальному человечеству? Как он мыслил в силу своего

положения? Как сложился Лессинг? Лессинга, эту особую индивидуальность, со всем, что она создала, пытаются объяснить, исходя из хозяйственной жизни второй половины XVIII века! Каутский, да и другие, попытались даже возникновение христианства объяснить с этой точки зрения! Они попытались исследовать хозяйственные отношения в начале нашего летосчисления и установили, что хозяйственные и производственные отношения господствовали и в то время. Это способствовало тому, что в то время развился некий род коммунистического мышления, который затем был связан с именем Христа Иисуса. Жизни в начале нашего летосчисления присущ хозяйственный строй. Христианство – это идеология, надстройка, как бы отражение хозяйственного строя, наподобие того, что имеет место в наше время. Не существует ничего иного, кроме хозяйственного строя. Всё остальное парит над ним, есть не более, чем отражение, фата Моргана (некий род миража – фея Моргана. Прим. пер.), нечто, лишённое реальности; оно, самое большее – я это характеризовал в предыдущих лекциях, – воздействует затем на хозяйственные отношения, но незначительно и косвенным образом, через человеческие процессы иного рода.

Две вещи действуют совместно. Возмущение тем, что человек часть самого себя, свою рабочую силу должен продавать как товар. – Это взаимодействует с доведённым до предела материалистическим представлением. Будто хозяйственная жизнь есть единственно действительное.

Не все люди, естественно, придерживаются подобного воззрения, но для миллионов людей, а именно для пролетариата это воззрение является более или менее господствующим. У других же людей на эти вещи в ходу другие взгляды. У других людей не пользуется успехом то, что употребительно у пролетариев. Отработав восемь или десять часов, а иногда и больше, пролетарии затем собираются вместе, чтобы обсудить эти вопросы, послушать, что об этих вопросах им расскажут другие; имеют место так же и женские собрания. Их заботит, каждого в отдельности, характер социальной структуры; они по-своему думают о ней, охотно слушают тех, кто хочет сообщить им о своих размышлениях на эту тему и т. д. Они здесь осведомлены, конечно, на свой манер, но осведомлены. В лежащем выше слое, который называют буржуазией – вы должны это признать, – дело обстоит по-иному и, скажем в кавычках, о "производстве работ" здесь узнают из иных источников. О пролетариях здесь узнают – и при этом считают, что делают этим необычайно много – с помощью сценических постановок, подготовленных поэтами из обывателей. Мыслить же о хозяйственном строе предоставляется университетским профессорам. Это им положено по долгу службы, и они этим занимаются. В авторитеты, конечно, не верят, но могут поклясться тем, что об этих вещах измышляют профессора в университетах. Сказанное профессорами должно быть, само собой разумеется, правильным, поскольку профессорам платит государство и, вообще, эти люди для того там и находятся. Да, но видите ли, среди этих профессоров постепенно выработалось одно примечательное экономическое учение. Когда они сегодня пишут книги, то называют это "исторической школой". При этом вначале пишут о меркантилистах, затем о физиократах, об Адаме Смите, социализме, анархизме и, наконец, излагают свою точку зрения; в этом состоит "историческая школа". Они спрашивают себя: "Так как же следует подходить к мыслям, как следует это делать?" Здесь эти люди поистине беспомощны. Они не решаются на такую активность мышления, при которой оно стремилось бы к выработке представлений, что совершенно необходимо, если хотят образовать какую-либо общественную структуру.

Такие обыватели как, например, Луйо Брентано или Рошер или Шмоллер*, совершенно обходятся без того, чтобы привести в действие мышление, и считают, что социальные явления следует изучать абсолютно так же, как это

делают естествоиспытатели. Такого рода люди дают следовать явлениям своим путём и при этом изучают их. Они изучают одно историческое развитие человечества или, может быть, ещё историческое развитие представлений людей о своём хозяйстве. Всё это добросовестно описывается. Самое большее, что здесь ещё может быть, так это, как в случае Луйо Брентано, не желая проводить наблюдения в своей стране, едут в другую страну с внушительной экономикой, едут в Англию, проводят там исследования, описывают, каковы там отношения между производителями и работодателями и т.п. При этом узнают, что имеются богатые люди, как образуется кредит, как работает капитал, что существуют страдания, существуют неимущие, что многим нечего есть по причине тех или иных обстоятельств. А после всего этого говорится, что, однако, в задачу науки не входит показывать как эти вещи должны развиваться, а лишь, как они развиваются. Но что толку в науке, которую практическая жизнь занимает лишь как объект наблюдения? Ведь это подобно тому, как если бы художник хотел рисовать, а ему сказали: "Ты лучше посещай других художников и наблюдай, насколько хорошо рисуют одни из них и насколько плохо – другие и т. д., но сам ничего не делай!". – Не правда ли, в данном случае это звучит парадоксально? Но в том первом случае имеет место абсолютно подобное. Буквально выворачивает наизнанку – да простят мне это выражение, – когда всерьёз рассматриваешь всё то, что ныне не просто делается, но делается с упоением идиота, когда естественнонаучный метод стремятся применить к таким вещам, как народное хозяйство и т. п. Ведь из этого ничего не выйдет, поскольку уже в самой основе лежат глупейшие предпосылки. Самое большее, на что способна вся толпа так называемых учёных-социалистов, так это прийти к выводу: что-то должно произойти. А затем создаётся закон, долженствующий как будто бы помочь тому, либо иному.

Но сама эта беспомощность влечёт за собой возникновение такой ситуации. И было бы трусостью не указать на то, что нынешняя, не поклоняющаяся, естественно, никаким авторитетам и удовлетворённая своим положением часть человечества многократно виновата в том хаосе, в который мы впали. Эти вещи настолько серьёзны, что их необходимо постигать в их истинном облике. Тогда встанут вопросы: что действует в глубине этих вещей? Почему так всё сложилось? Почему такие неустойчивые представления действуют в этой важной для человечества сфере, о которой я вам говорил?

Рассмотрим одно представление, которое хоть и иллюзорно, но необычайно действенно, рассмотрим – если хотите – модифицированное марксизмом представление, господствующее, в существенном, также и в головах современных профессоров: действительным является только хозяйство, действительна только экономическая структура; всё остальное есть идеология, надстройка, фата Моргана. В высшей степени примечательная особенность: абсолютное неверие в то духовное, которое человек производит из всех представлений, что развились после наступления эпохи души сознательной. Действительным становится лишь то, что постигаемо внешним образом, что постигаемо с помощью внешних чувств. Всего остального избегают, чуждаются. А за этим отчуждением, избеганием возникают не только социальные мысли, но и социальные ощущения и, наконец, социальные события нашего времени; они будут возникать и далее, если не будет услышан призыв к действительному, духовнонаучному постижению этих фактов.

Что лежит здесь в основе? В основе этого лежит то, что мы вступили в эпоху души сознательной, что, начиная с XV столетия, мы живём в этой эпохе и что развитие в эпохе души сознательной с необходимостью толкает человека к пробуждению души сознательной так, что он всё более и более приближается к определённому пункту своего развития, от которого он, собственно говоря – по причине "контр-инстинкта" – хочет убежать.

Существенное заключается в том, что современный человек должен преодолеть этот инстинкт к бегству; ведь он хочет убежать оттуда, где ему следует быть.

В прошлый раз я говорил вам здесь, что в разных странах, в разных частях света – на западе, в Средней Европе, на Востоке – люди различным образом подходят к Стражу Порога, вступая в сверхчувственный мир. Приближение к переживанию, имеющему место возле Стража Порога, которое может быть в эпоху души сознательной пережито как сознательно, так и более или менее инстинктивно, – стремление подойти в определённой, пусть даже внешней форме к опыту возле Стража Порога, это как импульс, как инстинкт, как *потребность* действует в современных людях, но от этого они хотят убежать. Они боятся подойти к тому, к чему подойти *обязаны*.

Такова типичная закономерность современного человеческого развития. Вспомните ту внешнюю характеристику, которую я недавно давал современным стремлениям. Человек стремится взглянуть на себя как на человека, прийти, в конце концов, к образу своего собственного существа. Но к образу человека не прийти, если желаешь остаться внутри мира, постигаемого чувствами. Ибо человек не исчерпывается этим чувственным миром, человек не является одним лишь чувственным существом. В эпоху инстинктивного развития, когда не спрашивают об образе человека, о достоинстве человека, о силе человека, возникает опасность пройти мимо того факта, что, желая познать человека, нужно выйти из чувственного мира и войти в мир сверхчувственный, что *со сверхчувственным миром в нашу эпоху души сознательной следует быть знакомым*, по меньшей мере, хоть *интеллектуально*. Но здесь действует бессознательно то, что идущий к посвящению должен преодолеть сознательно. Бессознательно, прежде всего действует в наших современниках и в людях, чьи социальные мысли я вам описал, *страх перед незнакомым*, к познанию которого необходимо подойти. Страх, малодушие, трусость – вот то, чем одержимо современное человечество. И когда это современное человечество говорит, что совершенно очевидно, что хозяйство, это базис всего, – то в основе такого взгляда лежит *страх перед невидимым*, перед тем, чего нельзя схватить руками. К чему не хотят подойти, того избегают и начинают лгать про идеологию, фату Моргану. Лгут про идеологию, про фату Моргану потому, что боятся сверхчувственного. Страх, боязнь – вот исходная точка современного социального мировоззрения на те проблемы, о которых я вам говорю. Некоторые люди ещё могут внешне проявить мужество по отношению к стремлениям этого современного социального мировоззрения, проявить его с какой-то одной стороны. Что же касается духовного, которое выступает им навстречу, о котором люди хотят знать, то перед ним у них возникает страх и они боязливо отступают. *Результат страха, результат боязни – вот что выступает в современном социалистическом мировоззрении.*

Такова точка зрения, с которой следует рассматривать эти вещи. Ибо современный человек должен знать *троякого* рода вещи, поскольку он ведётся к этим троякого рода вещам естественным путём, будучи дифференцированным на человека Запада, Средней Европы и Востока, как я вам об этом говорил в прошлый раз. В различных формах человек подводится к этой троичности естественным образом. И хотя только посвященный видит, что тут имеет место; стремиться почувствовать, ощутить, охватить это интеллектом – пусть даже не видя, – это должен каждый современный человек, если он хочет понять хозяйственную структуру.

Современный человек должен, во-первых, отчётливо ощутить или, по меньшей мере, получить отчётливое интеллектуальное представление о тех силах, которые во Вселенной являются силами деградации, силами разрушения. Среди сил, за которыми охотно следует человек, имеются и

такие, которые являются строящими силами; за ними следуют охотно, с симпатией и потому впадают в заблуждение. Хотят всегда только строить, строить и строить. Но в мире происходит не только эволюция или строительство, но так же инволюция, или разрушение. Мы в самих себе несём разрушение. Наша развитая система нервов, система головного мозга могут быть поняты лишь как находящиеся в процессе разрушения. В мире существует разрушение. Человек должен знать силы этого разрушения. Без предрассудков и непредвзято он должен сказать себе, что именно на пути, пролегающем через эпоху полного пробуждения души сознательной особенно деятельны силы разрушения. Мало-помалу они концентрируются, консолидируются, эти силы разрушения, а затем развиваются таким примерно образом, как это имело место на протяжении последних четырёх с половиной лет. Тогда человечеству является в концентрированной форме нечто такое, что, в общем-то, существует всегда. Но это не должно оставаться бессознательным, инстинктивным, это должно именно в нашу эпоху быть полностью понято. Силы разрушения, смерти, парализующие силы – человек охотно отворачивается от них; но этим он делает себя слепым; убегая от сил разрушения, он ратуется соучаствовать в эволюции.

Второе, что должен знать человек и от чего он, опять-таки, охотно бежит, заключается в том, что в эту эпоху интеллектуального развития, то есть развития в эпоху души сознательной, человек должен безусловно подойти к тому, чтобы неким образом искать новый центр тяжести своего существа. Инстинктивное развитие давало ему центр тяжести так же и в мышлении. Он полагал, что вполне твёрдо обладает своим мировоззрением и своими понятиями, которые ему подобают в силу крови, происхождения и т. п. Но дальше так продолжаться не может. Человек должен покинуть свою твёрдую опору, которая образована инстинктивно. Человек должен, некоторым образом, поставить себя на край пропасти, должен почувствовать под собой пустоту, пропасть, поскольку точку сосредоточения своего существа он должен найти в самом себе. Но от этого человек в ужасе отшатывается, этого он боится.

Третье заключается в следующем: человеку следует со всей силой познать импульс себялюбия и эгоизма, если он хочет развиваться по направлению к будущему. Наша эпоха имеет целью объяснить человеку, что он, будучи предоставленным своей природе, является эгоистическим существом.

Необходимо, прежде всего, исследовать все источники эгоизма в человеческой природе, чтобы эгоизм преодолеть. Любовь в начале выступает как противоположность себялюбия. Нужно перейти через пропасть себялюбия, если хотят познать то, что как социальное тепло должно пронизать социальную структуру современности и будущего, если при этом хотят познать не теорию, а практику. Приближение к этому ощущению, которое посвященный при вступлении в сверхчувственный мир со всей ясностью видит возле Стража Порога – это, опять-таки, наполняет человека страхом, ибо ему становится ясно: в эпоху, которая с необходимостью вызывает к жизни социальную структуру, не вступить иначе, чем через любовь, которая не есть себялюбие, но есть любовь к другим людям, интерес к другим людям. Люди ощущают это как пламя, как нечто пожирающее, отнимающее у них их собственное существо в то время как они лишаются себялюбия, права на себялюбие. И как они убегают от сверхчувственного, боясь его, поскольку оно неведомо им, так же избегают они любви, поскольку она является им подобно сжигающему пламени. И как в эпоху, когда нужно подготовиться к духовным импульсам, человек закрывает глаза и затыкает уши перед сверхчувственными истинами и, вместе с тем, оболочённый, например, марксизмом и современным пролетарским мышлением, подводится к тому, чтобы искать опору только в том, что чувственно осязаемо, и этим отвлекаться от сверхчувственного,

поскольку тот путь преследует цели прямо противоположные действительным тенденциям человеческого развития в этой сфере, – так же поступают люди и в сфере любви. Это выражается даже в специальной терминологии. Выдвигаются идеалы, прямо противоположные тому, что составляет развитие человечества, к чему действительно следует стремиться. Когда в 1848 году появилось первое значительное обнародование современного пролетарского жизне-воззрения, "Коммунистический манифест", то Карл Маркс снабдил этот манифест словами, которые теперь можно встретить как девиз почти на каждой социалистической книге и социалистической брошюре: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!".

Если человек, хоть в малой степени, обладает чувством для понимания действительности, то в отношении этих слов он вынужден прийти к довольно точному, но удивительно парадоксальному суждению. Что это значит: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"? – Это значит: действуйте совместно, будьте друг другу братьями, будьте товарищами! – Это любовь! – Пусть любовь действует среди вас! – Но как действует? – Пролетарии, осознайте, что вы отделены от человечества, ненавидьте всех тех, кто не является пролетариями, пусть ненависть будет импульсом, соединяющим вас! – Удивительным образом соединены любовь и ненависть, объединение, основанное на ненависти, устремляется к своей противоположности! Но только этого не замечают, поскольку люди ныне далеки от того, чтобы соединять свои мысли с действительностью. Когда подобные слова берут в качестве девиза в социалистическом движении, то в этом выражается страх перед любовью, о которой хотя и заявляют, но, в то же время, в ужасе и трепете отшатываются от неё.

Таким образом, только духовнонаучное понимание того, что является действительностью, может объяснить действующее в современности, что можно познать, если действительно сознательно пребывать в этой действительности. Не так просто исследовать пульсирующее ныне в сфере человечества. Для этого исследования необходима духовная наука. Оставить её без внимания здесь никак нельзя. И только тот правильным образом стоит в духовнонаучном движении, кто с достаточной серьёзностью относится также и к пониманию этих вещей.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

Дорнах, 14 декабря 1918 г.

Сегодня я бы хотел произвести обзор тех принципиальных вопросов, рассмотрение которых мы считаем своей задачей в течение уже продолжительного времени. Если поразмыслить о том, как подразумеваемая здесь духовная наука может рассматривать эти вопросы и отвечать на них, на эти жизненные вопросы, то следует, прежде всего, отнестись к ней добросовестно, по-настоящему уяснить себе однажды, что эта духовная наука, а вместе с ней и наше время, и вообще, будущее, ставят иные требования к характеру представлений, к характеру мышления человека, по сравнению с укоренившимися привычками мышления, а в особенности, с теми привычками мышления, что сложились в сфере науки и её популяризации, начиная с недавнего прошлого и вплоть до настоящего времени. Вы ведь знаете, что всё, сообщаемое духовной наукой в какой-либо области, а также и, в особенности, в социальной области, есть результат духовных исследований, получаемый не на просто рационалистическом, не на просто абстрактном пути, а извлекаемый из духовной действительности. Понять эти исследования, как вы

знаете, можно с помощью обычного, здорового человеческого рассудка, но прийти к ним самим можно лишь в том случае, если от обычного сознания, а так же и от рационального, абстрактного мышления естественнонаучных исследований подняться к имагинативному, инспиративному и интуитивному сознанию. Что выступает на пути имагинации, инспирации, интуиции – это формулируется в понятных представлениях, идеях, и оно составляет содержание науки, занимающейся антропософски ориентированными исследованиями.

При этом, правда, становится необходимым привыкнуть, в поисках истины, и к иным, чем общепринятые ныне представлениям, поэтому так трудно многим нашим современникам найти нужный переход от обычного, ныне употребляемого мышления к антропософской духовной науке. Сегодня с лёгкостью спрашивают: "А можно ли это доказать?" – Вопрос, несомненно, правомерный. Но к нему следует подходить с точки зрения действительности. Если в этом случае спрашивают: можно ли в обычных, употребительных понятиях, усвоенных путём воспитания в ходе жизни, доказать в каком-либо отношении предлагаемое духовным исследователем? – то перед нами налицо простое заблуждение; ибо результат духовнонаучного исследования почерпнут из действительности.

С помощью несложного, совсем тривиального сравнения я хочу вам объяснить, как для обычного, протекающего целиком в абстракциях мышления здесь может возникнуть заблуждение. Известно, что из одной мысли должна следовать другая, и когда этого не происходит, то считается возможным возникновение заблуждения, если даже, согласно действительности, дело обстоит верно. Действительная последовательность не совпадает с последовательностью мыслей; логика действительности представляет собой нечто иное, по сравнению с обычной логикой мышления. Поскольку в наше время метафизическое юридическое мышление забило все головы, то считается, что общепринятое логическое мышление в состоянии охватить всё, что угодно. – Но это не так. Видите ли, если вы имеете куб и все его стороны имеют длину, скажем, тридцать сантиметров, и некто говорит вам, что куб находится в этом зале на высоте полутора метров от пола, – то с помощью обычной логики мышления, даже не будучи в зале, вы можете сказать, что куб должен на чём-то стоять. Там должен быть стол соответствующей высоты, поскольку куб не может летать в воздухе. – К такому заключению должны вы прийти, даже не будучи в зале и ничего не зная о нём.

Но, представим себе: на кубе лежит мяч. И этого мыслительным путём не узнать, это нужно видеть. Но это отвечает действительности. Итак, действительность насыщена сущностями, вещами, которые, естественно, обладают внутренней логикой, но эта логика не совпадает с обычной логикой мышления. Логика наблюдения есть нечто иное, чем обычная логика мышления.

Из сказанного следует, что удобные, так называемые, логические выводы, с которыми так свыклось современное мышление, являются недостаточными в качестве единственного доказательства; с их помощью не справиться с целым рядом вещей. В той области, о которой я здесь говорю уже больше недели, в области социальной структуры человеческого общества многие требования встают непосредственно из тех предпосылок, о которых я вам говорил в связи с трёхчленным делением общества, совершенно необходимым для будущего. Возьмём для примера какую-либо, совершенно конкретную налоговую систему. Эту налоговую систему можно так же рассмотреть и с помощью логики наблюдения. С помощью же одной логики мышления здесь просто не справиться. Отсюда следует необходимость прислушаться к тем, кто об этих вещах кое-что знает; ибо, если вопрос высказан, то здоровое

человеческое мышление, учтя все его стороны, в состоянии его решить. Здорового человеческого рассудка, мои милые друзья, всегда достаточно; с его помощью всегда можно проверить высказанное духовным исследователем. Но здоровый человеческий рассудок есть нечто иное, чем логика мышления, естественнонаучного мышления современности. Из этого вы видите, что духовная наука не может оказать действия на человека лишь благодаря тому, что он усвоил некоторую сумму представлений и при этом полагает, что может этими представлениями пользоваться таким же образом, как и теми, что были ему сообщены современным естествознанием и т. п. Это совершенно невозможно. И если полагают, что это не так, то глубоко заблуждаются. Занятие духовной наукой предполагает, что весь образ мышления, весь образ рассмотрения мира у человека становится иным по сравнению с прошлым, что человек научается понимать не только основательно, но по-иному. Это следует иметь в виду прежде всего, если вы захотите проникнуть в духовную науку. Вы должны постоянно спрашивать себя: "Научаюсь ли я по-другому рассматривать мир благодаря тому, что я воспринимаю духовную науку – не ясновидение, а духовную науку, – научаюсь ли я по-другому смотреть на мир по сравнению с тем, как я это делал раньше?"

Конечно, если кто-то рассматривает духовную науку как некую сумму учебных пособий, то такой человек может много знать; но, если он при этом мыслит, как и прежде, то значит он не воспринял духовной науки. Духовную науку он воспринимает только в том случае, если в определённом отношении *изменит род, формацию, структуру своего мышления, если он в определённом отношении станет иным человеком, чем он был прежде.* Осуществляется это через силу, мощь представлений, усвоенных с помощью духовной науки.

Что касается социального мышления, то здесь особенно необходимо, чтобы это, выдвигаемое только духовной наукой требование было понято людьми, ибо то, на что я вчера обращал ваше внимание, может быть, вообще, понято только в этом свете. Я вчера говорил вам, что учителя политэкономии, знакомящие сегодня людей с политэкономическими понятиями, оказываются, собственно говоря, совершенно беспомощными по отношению к действительности. Почему же они беспомощны? – Они беспомощны потому, что не в состоянии постичь ничего, выходящего за пределы естественнонаучного образа мышления, и даже не допускают мысли, что за пределы этого образа мышления может что-то выходить. Лишь когда привыкнут именно социальную жизнь постигать иначе, чем лишь с помощью естественнонаучно обученного мышления, тогда смогут найти плодотворные социальные идеи, годные для воплощения в жизнь и полезные для неё.

Ранее я уже обращал ваше внимание на нечто такое, что хотя и может у кого-либо вызвать изумление, тем не менее должно быть глубоко продумано. Я говорил тогда, что извлекать логические следствия из определённых понятий или даже из мировоззрения, к чему так склонны люди, вовсе не означает получать то же самое, что следует из этого мировоззрения согласно жизни. Я имею в виду следующее: некто обладает определённой суммой понятий или даже целым мировоззрением. Он мог бы это мировоззрение чисто понятийно провести перед своим взором и затем, может быть, сделать из него какие-то выводы, которые он с полным правом мог бы считать логически последовательными, с логической необходимостью следующими из этого мировоззрения. Но всё же нельзя сказать, что эти выводы неизбежно верны, ибо жизнь может из этого случая извлечь совсем другие выводы.

Что это значит: жизнь извлекает другие выводы? Представим себе на миг, вы образовали мировоззрение, которое кажется вам совершенно идеалистическим. С полным основанием скажем, это мировоззрение представляется вам идеалистическим. У вас есть удивительные

идеалистические представления, удивительные идеалистические идеи. Может случиться, что вы разовьёте это мировоззрение в своём сыне, или дадите ему в полную силу воздействовать на ваших учеников в определённом возрасте. Вы сам, вероятно, будете допускать только логические следствия из вашего мировоззрения. Но погрузитесь в другую душу, последуйте за жизнью через ту пропасть, за которой она переходит от одного человека к другому, тогда перед вами выступит нечто такое, что может быть объяснено только с помощью духовной науки. Ваше мировоззрение представляется вам идеалистическим, и вы с полным правом верите, что всё, логически проистекающее из него, должно быть, опять-таки, идеалистическим, прекрасным и величественным. Всему этому вы с надежной учите сына или дочь, или учеников, а из них вырастают сорванцы или просто подлецы. Такое, вообще говоря, может случиться. Из вашего идеалистического мировоззрения в жизни может последовать подлость.

Это, естественно, крайний случай, но он может произойти, и для вас он должен сделать понятной ту мысль, что жизнь может породить следствия, не выводимые чисто мыслительным путём. Потому-то и стоит современный человек так ужасно далеко от действительности, что он не прозревает подобных вещей, поскольку не хочет поднимать в сознание всего того, что в прошлом производилось инстинктивно. Инстинкты прошлого, они вызывали непосредственное чувство: там либо здесь произошло то-то и то-то. Инстинкты не предполагают наличия логики мышления. Инстинкты логически действуют, а мышление потом об этом может узнать. Но ныне человек впадает в состояние определённой неуверенности, и эта неуверенность в эпоху развития души сознательной естественным образом становится всё больше и больше, если ей не создаётся противовеса, состоящий в том, что человек так же сознательно воспринимает и логику действительности. Её воспринимают в тот момент, когда принимают во внимание находящийся за чувственной действительностью дух в его существе и в его реальных процессах.

Я хочу рассказать об одном практическом случае, который проиллюстрирует вам то, что я изложил теоретически. Но при этом он проиллюстрирует и кое-что другое. Этот пример покажет, на сколь ложном пути можно иногда оказаться, следуя только за внешними симптомами. В лекциях этой недели я говорил об исторической симптоматологии. Вообще говоря, симптоматология – это нечто такое, к чему охотно склоняются люди, когда от внешнего, от явлений хотят перейти к действительности.

Русский писатель и философ Бердяев[*Николай Александрович Бердяев (1874—1948).] недавно написал очень интересную статью о философском развитии русского народа от середины XIX столетия и до настоящего времени. В этой статье Бердяева примечательны две вещи. Одна из них заключается в том, что особенный предрассудок, из которого исходит автор, показывает, что он не имеет никакого представления об одной, хорошо нам известной истине, о той истине, что русский Восток готовит для шестой послеатлантической эпохи, для эпохи развития Сомодуха, абсолютно новый элемент, пребывающий ныне в зародышевом состоянии. Поскольку Бердяев ничего об этом не знает, то в одном пункте его суждение оказывается совершенно фальшивым. Он находит удивительным тот факт – а как русский философ он должен это знать, – что в России, в отличие от цивилизованного западного мира, когда дело касается философии, совершенно неправильный смысл вкладывается в то, что на Западе называют истиной. С одной стороны, имеется большой интерес к западной философии, а с другой – смысл этой западной философии не понимается, поскольку она стремится к "истине"; в России философскую истину принимают лишь постольку, поскольку она служит жизни, поскольку она нужна для непосредственного понимания жизни. Например, социалист интересуется философией постольку, поскольку надеется, что та или иная

философия может оправдать его социализм. Так же ортодоксальный богослов интересуется какой-либо философией иначе, чем западный теолог – не потому, что философия содержит истину, а потому, что она может дать ему основание, оправдание его ортодоксальной веры и тому подобного.

В этом видит Бердяев большой недостаток современной русской народной души. Он говорит, что на Западе те люди были далеко впереди, которые считали, что истина не должна считаться с жизнью, но истина есть истина, и пусть она будет таковой, и пусть жизнь считается с истиной. К этому он добавляет ещё нечто примечательное, примечательное, конечно, не для современного человека, который считает это само собой разумеющимся, но это в высшей степени примечательно с точки зрения духовной науки. Он говорит, что русский социалист не имеет никакого права пользоваться выражением "бюргерская наука", "буржуазная наука", ибо буржуазная наука содержит истину; ведь это она, в конце концов, выработала понятие истины; и это является неопровержимой истиной. Поэтому русская народная душа заблуждается, когда считает, что так же и эта истина может быть опровергнута.

Бердяев разделяет это воззрение не только со всем профессорским миром, но так же со всеми приверженцами профессорского мира, в число которых входит, например, вся западная и средневропейская буржуазия, дворянство, разумеется, и т. д. Бердяев не понимает как раз того, что семя, зреющее в глубине русской народной души, именно по причине своего зачаточного состояния и проявляется столь мятежно и карикатурно. Постигание истины с точки зрения жизни в настоящее время неправомерно, но в этом содержится семя будущего постижения. В будущем всё это будет стоять на своём месте. Ибо, когда разовьётся то, что сегодня подготавливается как зародыш: ориентация человеческого развития в направлении к Самодуху, – тогда то, что сегодня называют истиной, приобретёт совсем другой облик. И я сегодня представлю вашему вниманию некоторые особенности этого. Эта истина, например, подскажет человеческому сознанию – сейчас человек этого совсем не видит, – что логика факта, логика действительности, логика наблюдения является совсем иной, по сравнению с обычной понятийной логикой. Это первое, что вы видите у Бердяева как исключительно примечательное, поскольку здесь перед нами свидетельство того, насколько мало этот писатель погружён в истинный смысл эволюции нашего времени, который он мог бы особенно хорошо постичь именно в среде своего народа; но ему мешают предрассудки.

Второе выступает совсем в другом направлении. Бердяев с большим неудовольствием – это явствует из смысла его статьи – наблюдает выступление большевизма. Ну, здесь ему один может посочувствовать, другой – нет, в зависимости от того, большевик он или нет; я же в это вдаваться здесь не хочу. Я хочу представить факты, я не хочу критиковать. А особенно важным здесь является следующее. Поскольку в 60-х годах – так считает Бердяев, рассматривая философскую истину, как зависимую от жизни, – поскольку в те годы материализм нашёл вход в Россию и в материализм поверили, найдя его полезным для жизни, то в 70-х годах поверили в позитивизм, например, Огюста Конто. А потом и другие воззрения, например, Ницше, нашли путь в Россию; их последователями стали люди, принадлежавшие к интеллигенции. Затем Бердяев спрашивает: что же за философия нашла место у большевиков, принадлежащих к интеллигенции? И когда он называет эту философию, то оказывается совершенно не в состоянии понять, как эта своеобразная философия могла идти одним путём с большевиками. Для Бердяева это непостижимый курьёз: как большевики могут считать своей философией учение *Авенариуса* и *Маха* [*Рихард Авенариус (1843-1896). Эрнст Мах (1838-1916)]. Если бы самим Авенариусу и Маху сказали, что как раз на их

философии акцентируют внимание такие люди как большевики, то они бы ещё пуще изумились, чем Бердяев. Они бы, выражаясь тривиально, полезли на стену, если бы им довелось узнать, что они станут официальными философами большевиков. Представьте себе бравого бюргера Авенариуса, полагавшего, что он работает только в чистых понятиях, полагавшего само собой разумеющимся, что его могут понять только люди – так выразимся – в приличных сюртуках, никого никогда не обидевшие на манер большевиков, короче говоря, совершенно благопристойные люди, которых в 60-х, 70-х, 80-х годах было принято считать "благонаправными людьми". Только в среде таких людей может найти приверженцев его философия, считал Авенариус. Действительно, при первом знакомстве с содержанием этой философии Авенариуса, тот факт, что Авенариус стал официальным философом большевиков, представляется непонятным. Ибо, что думает Авенариус? Он говорит, что люди живут с предрассудком, будто внутри, в голове или в душе, или где-то там ещё пребывают субъективно представления, восприятия, а вовне – объекты. Но это не верно. Будь я один во всём мире, я бы вообще никогда не смог отличить объекта от субъекта. Я делаю различие между нами только благодаря тому, что вокруг меня имеются другие люди. Если бы я видел один только стол, то я бы никогда не пришёл к идее – считает Авенариус, – что стол существует вовне, в пространстве, а его отображение в моём мозгу, но я бы имел стол и не видел разницы между субъектом и объектом. Я различаю их только тогда, когда вижу стол вместе с кем-то ещё и говорю себе: "Он видит стол, – а в моей голове есть восприятие не только стола, но и этого человека. И я постигаю, что он ощущает то же, что ощущаю и я".

Таким образом, внутри подобных чисто теоретических размышлений – я не стану их излагать все, боясь вам наскучить, – внутри подобных теоретико-познавательных, чисто абстрактных размышлений движется Авенариус.

В 1876 году он написал книжечку "Философия как мышление о мире, согласно принципу наименьшей траты сил", где, исходя из предпосылок, которые я вам объяснил, он показывает, что наши понятия, которые мы имеем как люди, не обладают абсолютно никакой ценностью для действительности, но мы создаём их с целью более экономно удержать мир в единстве. Например, понятие "лев" или понятие, выражающее закон природы, вообще, не есть что-то действительное, не указывает, согласно Авенариусу, ни на что действительное, но дело всё здесь в том, что для меня было бы не экономно, увидев в жизни пять, шесть или тринадцать львов, представлять их всех. Поэтому в целях экономии я образую одно понятие льва, соединяющее в себе все тринадцать львов. Всякое образование понятий есть только внутренняя, субъективная экономия.

Подобные же взгляды и у Маха. Это о нём я уже рассказывал вам, как он однажды, будучи усталым, вошёл в омнибус, в котором напротив входа висело зеркало. Он вошёл и видит, как с другой стороны в омнибус входит ещё один человек. Этот человек показался ему в высшей степени несимпатичным, и он сказал себе: "До чего же противный вид у этого школьного учителя!" А затем он обнаружил, что перед ним зеркало, и он видит в нём самого себя. Этот случай показывает, как мало люди обращают на себя внимание, даже в отношении своего внешнего человеческого облика, как мало занимаются самопознанием. Мах рассказывал и о другом случае, когда он проходил мимо зеркальной витрины. В которой снова встретился с самим собой и был взбешен столь ненавистно выглядящим каким-то школьным учителем. Этот Мах популярен и многим другим, и он придерживается того же воззрения, что и Авенариус. Он говорит, что нет ни субъективных представлений, ни объективных вещей, а существует одно лишь содержание ощущений. И самому себе я дан как содержание ощущения. Стол есть содержание

ощущения, всё есть только содержание ощущения. А понятия, которые образует человек, есть лишь средство экономии. Году в 1881 или 1880 мне довелось присутствовать на заседании Академии наук в Вене, где Мах делал доклад об экономии мышления, о "Мышлении по принципу наименьшей траты сил". Должен сказать, что на меня, тогда ещё совсем юнца, имевшего не полных двадцать лет, этот доклад произвёл совершенно ужасное впечатление. Я слушал его и мне становилось ясно, что есть люди с таким радикализмом, что они не имеют никакого представления о том, что по пути мышления в человеческую душу входит первое провозвестие, первое откровение сверхчувственного; они настолько категорически отвергают понятия, что видят в них лишь результат человеческой душевной деятельности, направленной на экономию. И всё это у Маха и Авенариуса протекает в границах – поймите меня правильно – совершенно пристойного мышления.

Не будет заблуждением заключить: оба эти господина и все их приверженцы являются добрыми, по-бюргерски мыслящими людьми, каждый из которых, что от мало-мальски практически-радикальной, что, тем более, от революционной мысли стоит так далеко, как это только возможно. И вот они становятся официальными философами большевизма! Это просто непостижимо! Если вы прочтёте книжечку Авенариуса об экономии сил, то, возможно, вы даже найдёте её интересной, очень мило написанной. Но если вы начнёте читать его "Критику чистого опыта", то вероятно очень скоро найдёте её ужасно скучной и отложите в сторону. Она написана целиком в профессорском стиле и нет никакой возможности хоть в одном месте извлечь из неё выводы в духе большевизма. Ни малейшего намёка на практическое мировоззрение, ни малейших следов радикализма вы из неё не извлечёте.

Ну, а теперь, я знаю, люди, склонные принимать симптомы за действительность, могли бы мне здесь возразить. Какой-нибудь дюжий позитивист мог бы сказать, что всё это объяснить предельно просто. Все интеллигенты среди большевиков вышли из Цюриха. В Цюрихе учил Авенариус и среди его учеников были и те, кто как интеллигенты действовал в большевистской сфере. Кроме того, учеником Маха был молодой приват-доцент Адлер[*Фридрих Адлер (1879—1960), 21 окт. 1916 г. убил австрийского министра-президента Штюка.], убивший впоследствии в Австрии Штюка. В Цюрихе, когда там учил Авенариус, были многие приверженцы Ленина, и может быть, сам Ленин многое воспринял непосредственно от него. – Но всё это не более, чем случайность. Я знаю, что дюжие, неповоротливые позитивисты могут всё это так объяснить, это разумеется само собой. Но недавно я приводил вам пример, как можно такую, целиком поэтическую личность как Роберт Гамерлинг, вывести из случая, в котором brave ректор Кальтенбруннер потерял прошение Гамерлинга о месте учителя в Будапеште, и в результате это место получил другой. Не потеряй Кальтенбруннер этого прошения, то стал бы Гамерлинг в 60-х годах учителем гимназии в Будапеште и не попал бы в Триест. А если вы представите себе, что всем тем, чем стал Гамерлинг, он стал во время десятилетнего пребывания в Триесте на Адрии, то вся поэтическая жизнь Гамерлинга представится вам как результат того случая. Внешне, конечно, brave ректор гимназии в Гарце Кальтенбруннер, потеряв прошение, дал этим Гамерлингу повод поехать в Триест. Однако подобные вещи следует принимать не за действительность, а за симптомы того, что они внутренне выражают.

И то, чем так поражён Бердяев, а именно, что большевики избрали brave бюргерских философов Авенариуса и Маха в качестве своих идиолов, это приводит нас к началу нашей лекции, где я сказал, что реальность жизни, наблюдаемая действительность, является совсем другой по сравнению с логической действительностью. Естественно, из самих Авенариуса и Маха не следовало, что они могут стать официальными философами большевиков. Так

же все заключения, которые вы можете логически вывести из этого дела, имеют значение лишь внешних симптомов. К действительности приходят только через исследование, проистекающее из самой этой действительности. В действительности действуют духовные существа.

И тут я мог бы вам рассказать многое, что сделало бы наглядной ту необходимость, с какой философии, подобные той, которую развивали Авенариус и Мах, последовательно, в соответствии с жизнью, приводят к наиболее радикальному социализму современности. Ибо за кулисами бытия пребывают те духи, которые Авенариусу или Махову философию вводят по каплям в человеческое сознание, а будучи закапанной в человеческое сознание, она приводит, например, к большевизму. Логически здесь не вывести одного из другого. Но это может сделать действительность. Это я попросил бы вас глубоко запечатлеть в ваших сердцах, чтобы вы имели в них нечто от того, что я всё снова и снова подчёркиваю. Сегодня необходимо, чтобы люди однажды от обычного логического мелкошья, о котором ныне не стоит думать, что оно способно дать понимание действительности, нашли переход к истинной действительности. Хорошо видеть симптомы, знать им цену, тогда можно серьёзнее подойти к действительности.

Здесь я хочу вам указать на нечто такое, на что другой, игнорирующий духовную науку, и внимания не обратит, сочтя всё фразой, второстепенностью. Видите ли, Мах позитивист, но радикальный позитивист, он приходит к выводу, что всё является ощущением. Учение, – о котором читал доклады так же и юный Адлер, цюрихский приват-доцент, – так много значившее для него и для Маха, и для Авенариуса, это учение утверждало, что всё есть ощущение, и у нас нет никакого права разделять физическое и психическое. Стол вовне в том же смысле пребывает физически-психически, в каком и моё представление физически-психического, и понятия здесь присутствуют просто для экономии.

Но у Маха мы встречаем кое-что примечательное. Он иногда инстинктивно отшатывается от своего собственного мировоззрения, от этого радиального, позитивистского мировоззрения. И, отшатываясь, он затем говорит: "Да, когда я уясняю себе все достижения Нового времени, то не имеет смысла говорить о том, что вне моего ощущения имеется что-либо ещё или, что мне следует различать физическое или психическое. Однако, при всём при том, когда я вижу стол, я всё снова и снова испытываю побуждение не только говорить об ощущении, но верить, что там вовне есть ещё что-то физическое. И опять-таки, когда я имею представление, ощущение, чувство, то я имею не просто восприятие, то, что происходит, феномен, но я верю – хотя знаю, что согласно учению, которое я создаю, это совершенно неправомерно, – что внутри пребывает душа, а вовне – объект. Что-то побуждает меня делать это различие. Но что же это такое? – Мах говорит далее: – Как я прихожу к тому, что совершенно внезапно должен признать: там внутри есть нечто душевное, а вовне нечто внедушевное? Ведь я знаю, что здесь нет никакой разницы. И всё же что-то побуждает меня думать иначе, чем это предполагает моя наука", – так говорит себе иногда Мах, когда он отшатывается от вещей, и это стоит в его книгах. Он даже делает такое замечание: "Иногда обстоятельства складываются так, что возникает вопрос, а не водит ли человека какой-то злой дух по замкнутому кругу? – И отвечает: – Я склонен думать, что это так".

Я знаю, сколь многие люди пройдут мимо этого места, сочтя его просто фразой. Но это место симптоматично. Здесь за плечами души можно разглядеть фактическую сторону дела. Это ариманический дух водит людей по замкнутому кругу так, что они начинают думать, как Авенариус и Мах. Мах в отдельные моменты и замечает этого ариманического духа. Это тот же самый ариманический дух, который теперь действует в большевистском образе мышления. Поэтому нет ничего удивительного в том, что логика

действительности в результате приходит к этому. И вам становится ясно, что проникая глубже в явления жизни, глубже понимают и саму жизнь. Для социальных проблем нашего времени и ближайшего будущего это поистине не лишено значения. Ибо возникают выводы, не совпадающие с теми, к которым приходят Вагнер, Спенсер, Джон Стюарт Милль[*Адольф Вагнер (1835—1917), политэкономист. Герберт Спенсер (1820 - 1903), английский философ, Джон Стюарт Милль (1806- 1873), английский философ.] или кто-либо другой в этом роде, поскольку в социальной сфере следует делать выводы, соответствующие действительности, логике действительности. И наихудшее заключается в том, что в современных агитаторских стремлениях и в том, что из этих агитаторских стремлений проистекает, живут обычные логические выводы, иллюзии; эти стремления становятся в действительности иллюзиями. Потому-то я хочу привести вам два примера. Один из них вы уже хорошо знаете и лишь в данном контексте он представит для вас интерес.

Марксистски окрашенные социалисты - а таковыми, как я уже не раз говорил, является почти весь современный пролетариат, - говорят под влиянием Маркса, что хозяйство, хозяйственный антагонизм, классовый антагонизм, проистекающий из хозяйственного антагонизма, - вот что составляет подлинную действительность; всё остальное есть идеологическая надстройка. Всё, что человек думает, сочиняет, творит, всё, что он думает о государстве, жизни и обо всём другом, всё это есть результат того рода и образа, каким он поставлен в сферу хозяйственной жизни. По этой причине - так говорят современные пролетарии - мы не нуждаемся во всеобщем национальном собрании при введении нового порядка, поскольку в него опять войдёт мелкая буржуазия и начнёт выступать с позиций, обусловленных её буржуазным положением в хозяйственной жизни. Нам это не нужно. Нам нужны люди, говорящие то, что может родиться в пролетарской голове, ибо такие люди должны сегодня преобразовать мир. Мы, вообще, не нуждаемся в созыве собрания, достаточно пары пролетариев, которые уже и так находятся наверху, чтобы осуществлять диктатуру, ибо у них пролетарское мировоззрение, и значит они правильно мыслят. Как Ленин и Троцкий в России, так и Карл Либкнехт[*Карл Либкнехт (1871 - 1919), вождь социалистов. Во время восстания так называемых спартаковцев был убит правительственными войсками в Берлине в январе 1919 года.] в Берлине отклоняют национальное собрание. Последний говорит: "Оно не может быть не чем иным, как новым изданием старой государственной шайки болтунов", - при этом имеется в виду немецкий парламент.

Так что же лежит в основе всего этого? Основу здесь составляет то, из-за чего, главным образом, я был вытеснен шестнадцать лет назад - я вам об этом рассказывал, излагая историю моей "Философии Свободы"* - из социалистической школы для рабочих в Берлине. В этой школе, наряду с другими, я излагал естественнонаучные вопросы, давал упражнения по развитию речи, а также преподавал историю. Я преподавал её таким образом, какой считал необходимым для того, чтобы она была объективной. Для моих учеников это было абсолютно приемлемым. И не будь поставлены искусственные препятствия, приведшие к концу мою преподавательскую деятельность, она могла бы принести хорошие плоды. Но пришли социал-демократические вожди и обнаружили, что я излагаю не марксизм, не марксистское понимание истории, а,- вот курьёз! - делаю, прямо-таки, козлиный прыжок, - о котором и хочу сейчас вам рассказать, - а мои ученики-рабочие меня при этом прекрасно понимают. Я, например, говорил, что обычные историки не в состоянии понять, что за история связана с семьёй римскими королями; некоторые считают её даже мифом, потому что, если верить Ливию, эти семь королей, следуя друг за другом, сначала образуют некий род восхождения вплоть до Анка Марция, четвёртого короля, а затем нисходят, заканчивая полным декадансом при седьмом короле, Тарквинии

Супербусе (Гордом). И я объяснил людям, что речь здесь идёт о более древнем времени в развитии Рима, о времени, предшествовавшем республике, что перелом, приведший к республике, состоял как раз в том, что древняя атавистическая духовная ритмика перешла в некоего рода народный хаос, тогда как ранее, например, ещё при египетских фараонах, истины, исследованные с помощью духоведения, клались в основу государственного устройства. И не лишён основания рассказ о том, что Нума Помпилий зачал с нимфой Эгерийского потока и так положил всему этому начало. Потом я говорил о том, как люди получали инспирации, прежде чем отдать какое-либо распоряжение, так что подданные следовали за своим властителем не так, как в позднейшие времена, а повинуюсь законам, полученным из духовного мира. Вот откуда происходит та ритмичность, с которой сменяют один другого египетские фараоны, а также и римские короли: Ромул, Нума Помпилий и так далее, вплоть до Тарквиния Супербуса.

Если вы теперь с определённой точки зрения рассмотрите последовательно семь принципов, как они изложены в моей "Теософии", то в ряду семи римских королей вы имеете не что иное как эти принципы. На всё это сейчас я могу только указать; здесь среди вас достаточно только указать на эти вещи, но сами по себе они, будучи в надлежащем облачении, представляют собой совершенно объективные истины, при этом в своём своеобразии они, конечно, не могут быть поняты обычными материалистически мыслящими историками. Поэтому семь римских королей являются для настоящих историков не более, чем мифом. Видите ли, если бы я пошёл дальше, то эти вещи я бы изложил другим образом; и если это делать надлежащим образом, то их соответствие с действительностью станет совершенно очевидным. Однако "материалистическому пониманию истории" до этого нет дела. Ибо для материалистического понимания истории совершенно необходимо изучить, каковы были хозяйственные отношения в то время, каким было земледелие, скотоводство, как земледелие было связано с торговлей. Далее необходимо изучить как возникали города, какое хозяйство было у этрусков, какой была торговля этрусков с восходящим Римом и как под влиянием хозяйственных факторов слагались отношения при Ромуле, Нуме Помпилии, Тулле Гостилии и т. д. Но, знаете, идти таким вот путём, значит не понять ничего. Поэтому, читая лекции в упомянутой рабочей школе, я старался держаться действительности и получалось так: поскольку я исходил из истинной действительности, эта истинная действительность и приходила мне на помощь. Надо сказать, что круг моих слушателей образовывали не одни лишь невинные, юные натуры, и это естественно. Среди слушателей были такие, которые уже до определённой степени восприняли пролетарское мышление, а так же такие, которые были нашпигованы множеством предрассудков. Таких людей, вообще, нелегко убедить в том, что лежит далеко от них. Например, однажды я говорил об искусстве, где я объяснял, что такое искусство и как искусство действует. Внезапно в самых задних рядах одна дама воскликнула: "Что же, веризм [*Направление в искусстве, близкое к натурализму. Особенно было распространено в Италии в конце XIX века.(Прим. перев.)], выходит, не искусство?" - Так что среди этих людей нельзя было положиться просто на авторитет. И дело заключалось в том, чтобы найти к ним путь не через окольные хитросплетения, а исходя из смысла действительности и истины. Поэтому не только следовало, а было необходимо говорить им: ведь вы наполнены такими понятиями, которые соответствуют материалистическому пониманию истории, а из него следует, что всё зависит от хозяйственных отношений, и вся духовная жизнь есть не более, чем фата Моргана, она основывается на идеологии, которая сама есть надстройка над базисом хозяйственных отношений.

Маркс всё это показал остроумно и не без проницательности. Но почему у него всё это так получилось? Почему он считал, что всё обстоит именно так?

А потому, что Маркс видел только своё непосредственное настоящее и не обращался к древним временам. Он брал за основу историческое развитие человечества только с XVI столетия. А в это время человечество действительно вступило в такую эпоху своего развития, когда духовная жизнь, если и не совсем так, как у Маркса, то всё же, в некотором смысле, стала выражением хозяйственных отношений в большей части мира. – Правда, Гётеанизм, произошёл не из хозяйственной жизни, и Гёте также и этими людьми считается стоящим далеко от хозяйственной жизни. В общем, можно сказать, ошибка здесь заключается в том, что верное лишь для определённого времени, а именно для новейшего времени, провозглашается всеобщезначимым. Но материалистически можно понять лишь историю последних четырёх столетий.

А теперь мы подходим к самому важному, оно заключается в том, что с помощью обычной понятийной логики не продвинуться далеко вперёд, ибо понятийной логике почти нечего противопоставить хорошо подобранным тезисам Карла Маркса, но пойти вперёд можно только с помощью логики жизни, логики действительности, наблюдения. В этом случае обнаружится, что так называемая эволюция, которая совершается с XVI столетия, и которую можно интерпретировать историко-материалистически, содержит в себе существенное развитие, идущее в противоположном направлении, нечто такое, что невидимо, сверхчувственно протекает над внешним чувственно-видимым. И это является тем, что хочет выйти на поверхность, что хочет проявиться в человеческих душах как прямая противоположность материализму. Так что, материализм вырос до столь огромных размеров и действует с такой силой для того, чтобы человек, борясь с ним в эпоху души сознательной, обрёл возможность искать духовное, исходя из самого себя, и этим путём приходиться к осознанию духа.

Таким образом, задача состоит не в том, чтобы, как верит Карл Маркс, просто наблюдать действительность и считывать с неё: хозяйство является действительным базисом идеологии, – но сказать себе, что действительность, начиная с XVI столетия, не даёт нам того, что на самом деле является действительным, последнее следует искать в духе. Должен быть найден такой социальный строй, который бы возобладал над внешним явлением, над тем, что можно наблюдать внешне, начиная с XVI столетия. Время заставляет не наблюдать обычные внешние процессы, но пытаться путём их исправления постичь действительность. Поставленное марксизмом на голову необходимо вновь поставить на ноги.

Исключительно важно знать, что в данном случае логика действительности прямо противоположна просто остроумной диалектике Карла Маркса. Но много воды утечёт в Рейне, прежде чем достаточное число людей поймёт эту необходимость: перейти от логики наблюдения к логике действительности. Однако понять это необходимо. – Необходимо именно в силу горячих социальных вопросов. Таков один пример.

Второй пример касается того, о чём я вам говорил вчера. Я говорил вам, что наиболее характерным для времени, начиная с Рикардо, с Адама Смита и др., явилось то, что люди заметили, к каким последствиям ведёт хозяйственная организация, что в совместном социальном бытии людей человеческая рабочая сила употребляется как товар, приносится на рынок и как товар входит в оборот согласно спросу и предложению. Я говорил вам вчера, что именно это более всего волнует пролетарское мировоззрение, является его двигателем. Следуя понятийной логике, наблюдают всё это и говорят себе, что необходимо иметь такое экономическое учение, такое социальное учение, социальное жизневоззрение, которое, со всем этим, могло бы наилучшим образом ответить на вопрос: как рабочую силу, поскольку она является товаром, предохранить от эксплуатации? – Но такая постановка

вопроса неверна. Она фальшива не только теоретически, но и с точки зрения жизни. Фальшивая постановка вопроса сегодня действует разрушающе, опустошающе, порождая *хищническое потребление*. И если не возникнет правильного понимания вещей, то хищническое потребление только возрастает. Ибо так же и здесь стоящее на голове необходимо поставить на ноги. Нельзя спрашивать: "Какой следует сделать социальную структуру, чтобы человек не эксплуатировался, несмотря на то, что его рабочая сила как товар, подлежит спросу и предложению на рынке, подобно другим товарам?". Ибо это противоречит внутреннему импульсу развития, соответствующему логике действительности; это противоречит тому внутреннему импульсу, который не так просто сформулировать, но который соответствует именно действительности и может быть выражен следующим образом. Ещё греческая эпоха, ставшая столь важной для нас греческая культура мыслима лишь при условии, что большую часть греческого населения составляли рабы. Рабство было предпосылкой той культуры, что имеет столь большое значение для нас. Оно в такой степени обуславливало греческую культуру, что даже столь великолепно мыслящий философ, как Платон, вообще, рассматривал рабство правомерным и необходимым для человеческой культуры.

Но человеческое развитие идёт вперёд. Рабство было в древности, и вы знаете, что человечество восстало против рабства, инстинктивно воспротивилось тому, чтобы человек мог продаваться и покупаться. Весь человек не может быть продан или куплен. Сегодня это аксиома, можно сказать, и если где-то ещё встречается рабство, то об этом говорят как о варварстве. Для Платона это совсем не было варварством, для него существование рабства разумелось само собой. Для него это разумелось само собой, как и для всякого грека платоновского образа мыслей, вообще, для всякого политически мыслящего грека. Рабство мыслилось не иначе, как: это вполне естественно, что человека можно продать, что человека можно вывести на рынок, где на него существует спрос, – иного, естественно, рода, чем на корову. Но это была лишь маска, маскировка, ибо в дальнейшем эта форма рабства была заменена более мягкой – крепостничеством. Крепостное право просуществовало довольно долго. Но человечество восстало так же и против него. Наконец, рабство нашего времени не допускает продажу всего человека, но только часть его – *рабочую силу*. Однако сегодня человек восстаёт и против продажи рабочей силы. Несогласие с куплей и продажей рабочей силы является лишь продолжением неприятия рабства. Поэтому вполне естественно, что в ходе человеческого развития выросла оппозиция товарной форме рабочей силы, её функционированию в виде товара в социальной структуре. Следовательно нельзя поставить вопрос: как защитить человека от эксплуатации? – если при этом аксиомой является предпосылка, что рабочая сила есть товар, как это повелось, начиная с Рикардо, Адама Смита; собственно говоря, и Карл Маркс и всё пролетарское жизневосприятие имеет на рабочую силу тот же взгляд. Ибо это стало аксиомой: рассматривать рабочую силу как товар. Но при этом хотят, несмотря на то, что она является товаром, предохранить её от эксплуатации, предохранить рабочего от эксплуатации его рабочей силы. Всё мышление движется в таком направлении, при котором инстинктивно или не инстинктивно, как это делает и Маркс, и дюжины учителей политэкономии, действующие на факультетах, аксиомой является трактовка рабочей силы как товара.

Да, в подобных вещах сегодня господствуют одни предрассудки, и эти предрассудки претендуют на водительство. Но в социальной сфере предрассудки особенно ужасны. Я не знаю, как многие, даже среди вас, сидящих сейчас здесь, считают преувеличением обязанность заниматься этими вещами, изучать их. Но ведь не думать о них, значит совсем не думать о жизни. Не думать об этих вещах, значит позволять повсюду обманывать себя. Последние годы со всей наглядностью показали это. Чего только не

принесли эти последние четыре года! Можно было пережить поистине курьёзные вещи. Об одной из них я хочу вам рассказать в качестве примера.

Каждый раз, приезжая в Германию, вы можете встретиться – так, впрочем, происходит повсюду – с новыми наставлениями по патриотизму. В последнее время, например, в ходу патриотический призыв к употреблению безналичного расчёта: теперь следует пользоваться не наличными деньгами, а чеками. В соответствии с этим людям объясняется, что пользоваться безналичным расчётом чрезвычайно патриотично, поскольку это необходимо, как считают, для того, чтобы выиграть войну. И никто не может понять, что это не более, чем тривиальная бессмыслица. Но об этом не только не говорят, эту идею пропагандируют, её придерживаются самые неподходящие для этого люди – те, кто управляет промышленными предприятиями и в ком было бы вполне естественно предполагать понимание вопросов народного хозяйства! Эти люди утверждают, что безналичный расчёт – это патриотично! – Конечно, при определённых предпосылках безналичный расчёт мог бы оказаться патриотичным. Это было бы в том случае, если бы каждый раз производился подсчёт сбережённого с помощью безналичного расчёта времени; но, ведь это в состоянии делать совсем немногие люди. Если бы большинство людей могло сложить всё сэкономленное с помощью безналичного расчёта время, а затем сказать: "Вот, мы имеем дополнительное свободное время, пожалуйста, используйте нас на какой-либо работе", – только в этом случае могла бы идти речь о действительной экономии. Но люди этого не делают и даже не думают о том, что только при этих предпосылках может иметь место хозяйственный эффект от подобного патриотического мероприятия. И подобный факт ужасно красноречив для последних четырёх с половиной лет, когда во всём наступил перелом. Реализуется невероятнейший дилетантизм. Невозможное становится действительностью, потому что люди, в том числе и те, кто всё это проводит в жизнь, ничего не знают о связях, существующих в этих сферах жизни.

Тот ряд вопросов, который я провёл перед вами в последнее время, имеет целью привлечь внимание к изучению одного главного вопроса: *какой должна быть социальная структура, чтобы она позволяла в совместной общественной жизни людей отделить ценности, товары, изделия, продукцию от рабочей силы?* И всё, к чему должно стремиться народное хозяйство, состоит в том, чтобы отделить продукцию, предметы, циркулирующие на рынке, от рабочей силы. Именно народнохозяйственно должна быть решена эта проблема. Но, если считают аксиомой, что в товарах кристаллизована рабочая сила и что разделить их невозможно, то при этом уходят от главной проблемы, и то, что должно стоять на ногах, ставят на голову. Совершенно не замечают, что основной вопрос, от которого зависит счастье и несчастье цивилизованного мира в хозяйственной сфере, и на который должен быть направлен каждый импульс мыслящего человека, состоит в следующем: как отделить объективно существующие товары, ценности от рабочей силы, чтобы рабочая сила не была товаром? Этого можно достичь путём осуществления той (социальной) *трехчленности*, о которой я вам говорил. Это путь, на котором объективно отделённые от человека товары, ценности, можно отделить также и от рабочей силы. Однако понимание подобных вещей, встающих непосредственно из действительности, в настоящее время встречается крайне редко. В 1905 году в журнале "Люцифер-Гнозис" я опубликовал статью "Теософия и социальные вопросы"[*"Теософия и социальные вопросы". ИПН. 34.] В той статье я обращал внимание на высший принцип, который должен осуществиться, чтобы продукт был отделён от работы. Этот принцип состоит в том, что здоровые социальные вопросы могут вставать только при условии, если будут правильно мыслить о производстве и потреблении. Сегодня думают целиком в смысле производства. Этот смысл должен быть изменён! Вопрос должен быть уведён

от производства и направлен на потребление. Можно было бы, в частности, дать некоторый совет, но, к сожалению, по причине недостаточности отношений и тому подобных недостаточностей, он бы не мог иметь правильных реальных последствий. К этому нужно мало-помалу подойти через собственный опыт. Но, фактически, здесь всё обстоит так, что люди сегодня верят в определённые логические последовательности и никакого смысла не придают тому, что может быть увидено в действительности. Однако действительность-то и приводит в социальной сфере к правильной постановке вопросов. Сегодня люди повсюду говорят: "Но разве не ясно, что для того, чтобы получился товар, должна быть произведена работа?" – Несомненно, работа должна быть произведена, чтобы получился товар. Логически товар следует из работы. Но действительность есть нечто иное, чем логика.

Я уже однажды объяснял это нашим друзьям, только с другой точки зрения. Я тогда говорил, что на это смотрят с точки зрения материалистического дарвинизма. Я совершенно живо помню, как уже много лет назад я пытался объяснить всё это нашим друзьям в Мюнхенской ветви; тогда я часто это повторял. Я тогда говорил: "Вы только попытайтесь представить себе однажды настоящего геккельянца". Он верит, что из обезьяноподобного животного произошёл человек. И вот, как естествоиспытатель он должен образовать понятие обезьяноподобного животного, а затем – понятие человека. Если бы человека ещё не существовало, но уже было бы образовано понятие обезьяноподобного животного, то из этого понятия никогда не удалось бы выработать, выискать, извлечь понятие человека. Но геккельянец знает, что от понятия обезьяноподобного животного можно потому прийти к понятию человека, что последний существует в действительности. Вообще говоря, в реальной жизни человек видит разницу между понятийной логикой, логикой представлений и логикой наблюдения. Но этим нужно овладеть самым серьёзным образом, иначе никогда не придут к тому строю, тем социальным и политическим отношениям, которые необходимы для настоящего времени и ближайшего будущего. Если не захотят обратиться к отвечающему действительности мышлению, каким я его вам сегодня ещё раз представлял, то никогда в общественной жизни не придут к Гётеанизму. Но Гётеанизм способен войти в мир; огненным знаком этого является встающий на дорнахском холме Гётеанум.

В шутку я могу вам посоветовать прочесть большие анонсы в "Базлер Нахрихтен". На последней странице сегодняшнего номера там призывают делать всё возможное для того, чтобы скорее наступил великий день мировой истории, которым явится торжество вильсонизма! Но это всего лишь анонсы, не правда ли? И я лишь вскользь могу упомянуть об этом. Но в душах людей, по меньшей мере, "вильсонеанум" возводится с большой силой. [*В газете был опубликован призыв вносить пожертвования на строительство "Вильсонианума" в честь "спасителя всего человечества, справедливейшего судии всемирного мира, гениальнейшего и наиспособнейшего мирового реформатора, гениальнейшего и могущественнейшего освободителя народов, величайшего из живущих людей", и т.д. ("Базлер Нахрихтен", 14 дек. 1918 г.).]

Недавно я говорил вам о значении, которое имеет строительство Гётеанума, и при этом было сказано о "негативной трусости". – Гётеанум должен выражать собой антитезу, протест против трусости. И можно уже сказать, что в будущем придут события – если даже эти анонсы являются лишь забавной попыткой взять аванс, – которые дадут этому протесту пророчески выступить из определённого мировоззрения. И если анонс на пол-страницы о вильсонизме не принимается всерьёз, то достаточно и того, что при этом узнают: уже основывается вильсониана. Поэтому должен ранее возникнуть протест: Гётеанум!

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

Дорнах, 15 декабря 1918 г.

Вчера я посвятил часть нашего рассмотрения одной статье Бердяева, которая, как вы видели, исходит лишь из предрассудка, из безусловной веры в современную науку. Другая часть нашего рассмотрения была связана с регистрацией одного удивительного факта, который может быть понят, исходя из отличия рассудочной логики – которая, в то же время, является и логикой естествознания – от логики фактов. Этот факт состоит в том, что Авенариус, Мах и им подобные философы позитивизма стали, в некотором роде, штатными философами большевизма. Я должен, вероятно, подчеркнуть, что статья, о которой я вам говорил, написана ещё в 1908 г., и весьма примечательно – понять, в чём заключается тут дело, можно только исходя из нашей духовной науки, – что наиболее созвучное современности суждение (при этом не имеет значения, как относятся к этим вещам), что – вернее сказать – столь употребительное в настоящее время суждение, высказывается этим русским писателем. Для вас, вероятно, было важно также услышать, что Мах и Авенариус стали, в некотором роде, большевиками-философами, в то время как, может быть – я совсем не хочу глубже в это вникать, поэтому, "может быть", – большая часть их собственного существа не сознавала, что такое, собственно говоря, есть большевизм. Ибо большая часть западного и средневропейского человечества, вообще, узнала о большевизме совсем недавно, в то время как он сам, как таковой, является уже старым явлением.

А теперь я бы желал присовокупить ещё кое-что к тем рассмотрениям, которыми мы здесь занимаемся уже в течение продолжительного времени. Вы заметили, что для меня важно показать вам, как следует судить о социальных импульсах современности, рассматривая их духовнонаучно. И следует обратить серьёзное внимание на то – не так, как это обычно сегодня делают, исходя из абстракций, – чтобы не предаться вере, будто бы люди во всём мире могут одинаково мыслить о социальных импульсах. Нет, именно все те мысли и идеи ведут к заблуждению, которые не принимают во внимание того факта, что люди, образующие сообщества в цивилизованном человечестве, различны. Считаюсь же с этим, можно избежать ошибки и не делать общих заявлений насчёт того, что в социальных вопросах действительно то, либо иное, а потому человеческое общество следует организовать тем или иным образом. – Скорее, следует задаться вопросом: что за силы в восточноевропейских народах, что за силы в западноевропейских народах, а также в народах Средней Европы ведут к социальным требованиям. С точки зрения внешних симптомов, а так же с внутренне-окультурной точки зрения мы уже самым различным образом характеризовали, как следует мыслить эти различия между людьми Запада, Средней Европы и Востока, к которому мы должны также причислить восточную часть Европы и Россию. Без знания этих различий вообще невозможны плодотворные представления о социальных вопросах.

Теперь спросим себя: какое качество души является главным в эпоху – мы этого касались уже не раз, сегодня мы хотим поговорить о некоторых частностях, – в эпоху, начавшуюся в XV столетии, и которая, как я говорил, будет продолжаться и в третьем тысячелетии, какое главное качество приводит человеческую душу к развитию? Таким главным качеством, которое сегодня ещё вряд ли может быть увидено в его истинном облике, которое сейчас находится в самом начале своего развития, и в дальнейшем будет

развиваться всё более и более, – им является человеческая *интеллигенция*, интеллигентность, интеллигенция как душевное качество*.

Так что, человек в ходе указанной эпохи будет во всё большей мере призван из своей интеллигенции судить обо всех вещах, в том числе, о социальных, научных и религиозных, ибо они замыкают круг человеческой жизни: религиозные, научные и социальные импульсы.

Может быть, для того, чтобы вам было легче представить себе сущность интеллигенции, человеческую сущность, которую необходимо пробудить, вам следует уяснить, что в четвёртую послеатлантическую эпоху было невозможно в том же смысле, как теперь, говорить, что человек как личность, хочет стоять целиком на почве интеллигенции. Особенно резко я это подчеркнул в отношении философских размышлений в моей книге "Загадки философии". В четвёртой послеатлантической эпохе, окончившейся в XV столетии после Рождества Христова, человеку было не нужно персонально пользоваться интеллигенцией. Вместе с восприятиями окружающего мира, вместе со всеми жизненными связями с миром в человека втекали *понятия, идеи*, а так же *интеллектуальное*, подобно тому, как через восприятия в него входят цвета и звуки. Содержание интеллекта было для грека, а так же и для римлянина, восприятием.

Начиная же с XV столетия, интеллектуальное больше не является для человека результатом восприятия. *Восприятие понятия больше не приходит из мира восприятий*. Человек больше не вбирает в себя понятия, идеи вместе с восприятиями. И это не более, чем заблуждение, – утверждать, что при переходе к XV столетию не произошло великого перелома. Это заблуждение, основанное на неспособности к различению, многое можно обнаружить уже во внешней жизни. Для европейца, например, свойственно всех японцев считать абсолютно одинаковыми, хотя они, как и европейцы, различны. Но он их не различает. Так же и современная наука не отличает одну эпоху от другой, считая их все одинаковыми. Но это не так, и именно при переходе к XV столетию произошёл колоссальный перелом, когда люди перестали получать понятия вместе с восприятиями и вынуждены были начать понятия вырабатывать. Современный человек должен из собственной личности вырабатывать понятия. Это ещё только началось и будет развиваться всё более и более. И именно в отношении интеллигенции люди Запада, Востока и Средней Европы в высшей степени различны. И когда сегодня теоретические требования пролетариата выдвигаются именно как интеллектуальные требования, что совершенно естественно для пятой послеатлантической эпохи, для эпохи души сознательной, то исключительно важно интеллектуальную сущность человеческой души, какой она выступает в различных частях Земли, иметь в виду также и обращаясь к социальным импульсам.

Видите ли, значение этих вещей недооценивают на том основании, что сегодня они ещё действуют в основном только в подсознании. Человек не любит разлучаться со своим удобным мышлением в полном сознании. Но ведь каждый человек имеет в себе ещё внутреннего человека, который лишь до определённой степени просвечивается в сознании. Кто способен делать различия, для того, например, люди Запада, люди Средней Европы и люди Востока различаются между собой в силу принадлежности к той или иной части света. При этом имеются в виду не отдельные индивидуальности, но то в людях, что принадлежит народности. Эту разницу я попрошу вас делать всегда. Отдельное, естественно, возвышается над народным. Конечно, есть люди, в которых народное сегодня едва действует, есть такие люди, которые систематически стараются быть людьми без того, чтобы позволять действовать в себе народному; но если народное действует, то оно выражает

себя тем образом, который мы уже по-разному характеризовали и о котором мы хотим ещё поговорить в связи с социальными вопросами.

Когда всплывает нечто, подобное социальным вопросам, а также нечто такое, что зависит от социальной общности, а не от отдельного человека, тогда следует рассмотреть именно народное. И пусть представитель британской нации, немецкого народа или житель русских территорий – я намеренно делаю такие различия, – пусть эти три представителя судят абсолютно одинаково об английской, немецкой и русской политике или о формировании социальной структуры, – несмотря на это, сами они не могут быть одинаковыми людьми, между ними следует делать различия, поскольку в рассмотрение при этом входит групповое. Так что, здесь нас занимает не столько индивидуальное отношение человека к человеку, сколько то, что действует от народа к народу и обладает отличительными чертами *как народное*. Я должен это резко подчеркнуть, поскольку отчасти из добрых, отчасти из злых намерений эти вещи всё снова и снова понимаются неверно.

Возьмём один пример. Я прошу "Sine ira" [* (лат.) – без гнева и пристрастия.] принять эти вещи, поскольку они не являются критикой, а констатацией фактов; я попрошу также эти вещи принять без симпатии и антипатии. Представим себе среднеевропейца, который рассматривает, с одной стороны, жизнь народа, говорящего по-английски, а с другой стороны, народа, говорящего по-русски, рассматривает, как их жизнь выражается в народных представлениях, но, опять-таки, не у отдельных людей, а у народов в целом. Представитель среднеевропейских народов, вероятно, обо всём будет судить сознательно. Сегодня, естественно, о том либо ином судят согласно общему мнению, что всегда является не чем иным, как индивидуальной ленью. Пусть это так, но внутренний человек, я имею в виду внутреннее среднеевропейца, когда он судит – что ему нет нужды доносить до сознания, – когда он смотрит на Запад, на народы, говорящие по-английски, когда он народное берёт там, где оно проявляет себя политически и социально, то он приходит к суждению, это всё филистерство. А когда он обращается к России, то его суждение таково, это всё богема. Это звучит, естественно, несколько радикально, но это так. Конечно, сам он и справа и слева слышит о себе: "Ты можешь называть нас богемой, ты можешь называть нас филистерами, а сам ты – педант!" Пусть всё это так, особенно, если судить с другой точки зрения. Но эти вещи более реальны, чем думают, и их реальность должна быть извлечена из подоснов человеческого становления.

Сейчас в развитии выявляет себя нечто исключительное – оно состоит в том, что в среде говорящих по-английски народов интеллигенция является инстинктом. Она действует инстинктивно, это новый инстинкт, вступающий здесь в развитие человечества, инстинкт мыслить интеллектуально.

То, что должно быть воспитано душой сознательной, интеллигенция, это в среде народов, говорящих по-английски, упражняют инстинктивно. Эти народы предрасположены упражнять интеллигенцию инстинктивно.

Русский народ во всём, что касается импульса к развитию сущности интеллигенции, отличается от англоязычного народа как северный полюс отливается от южного полюса, или – лучше сказать – как северный полюс от экватора. В Средней Европе интеллигенцией – я на это уже указывал – обладают не инстинктивно, но её воспитывают в себе; она приобретает путём воспитания. Это большая, колоссальная разница. В Англии, в Америке интеллигенция инстинктивна. Там она обладает всеми чертами инстинкта. В Средней Европе интеллигенция не является врождённой, но ею необходимо овладеть в процессе человеческого становления. В России – я бы мог здесь опереться на различные литературные свидетельства, чтобы вы не подумали, будто я возвожу искусственные конструкции, – в России дело обстоит так, что о том, чем, собственно, является интеллигенция, там спорят. Примеры,

которые являют собой русские учёные, представляют собой нечто совсем иное, по сравнению с тем, что там считают интеллигенцией, а также с тем, что считают интеллигенцией в Средней Европе, не говоря уж о том, что называют интеллигенцией в Англии. В России интеллигентным называют не того человека, который многое изучил. Кого причисляем к интеллектуалам мы? Тех, кто что-то изучил, что-то усвоил, и, благодаря этому, стал обученным в своём мышлении. Как сказано, в Западной Европе и Америке это является даже врождённым. И мы не можем позволить себе не причислить к интеллигенции торговцев, государственных служащих или представителей каких-либо либеральных профессий. Не то делает русский. Он далёк от того, чтобы, как говорится, безо всякого, причислить торговца или служащего, или представителя какой-либо либеральной профессии к интеллигенции, но интеллигентный человек, он должен быть у русских таким человеком, который пришёл к определённому самосознанию, который *пробуждён*. Государственный служащий, многому обученный, имеющий суждения о многих вещах, не обязательно может быть пробуждённым человеком. В то же время, рабочий, размышляющий о своей связи с общественным строем, является пробуждённым в отношении своих размышлений о своём месте в социуме, является интеллигентным. И весьма показательно, что там приходится употреблять слово интеллигенция в совсем ином смысле. Ибо, видите ли, в то время, как на Западе интеллигенция является инстинктом, врождённой, в Средней Европе она может быть привита воспитанием или, по меньшей мере, развита, на Востоке она трактуется как нечто такое, что, совершенно очевидно, не является врождённым, не может быть привито воспитанием, не может быть развито обычным путём, но может быть пробуждено из неких глубин души. *Интеллигенция – это бодрствование*. Это было особенно замечено некоторыми членами так называемой партии кадетов, что эта вера в пробуждённость является основанием того, что определённое высокомерие, определённую переоценку себя, несмотря на все другие смиренные качества, можно наблюдать у русских интеллигентов.

Интеллигенция в России занимает совершенно особое место в развитии человечества. Если вы не дадите ввести себя в заблуждение, если вы не поддадитесь иллюзиям внешних симптомов, но войдёте во внутренне, тогда вы сможете о русской интеллигенции, если даже она по вашим западным или среднеевропейским понятиям у тех или иных русских проявляется в очень малой степени, – если вы не дадите повлиять на себя внешним симптомам, а подойдёте к основам, то тогда вы можете сказать себе, *что они предохраняют её от всего инстинктивного*. Она не должна – так думает русский – позволить искромсать себя всяческим человеческим инстинктам; не следует также думать, что путём воспитания интеллигенции может быть достигнуто что-то особенное. Русский хочет – естественно, бессознательно – *сохранить интеллигенцию до прихода шестой послеатлантической эпохи, своей эпохи*, чтобы он тогда, через эту интеллигенцию, не был стянут вниз в инстинкты, но смог бы саму интеллигенцию поднять туда, где будет цвести Самодух. В то время, как англоязычные народы дают интеллигенции погрузиться в инстинкты, русский, как раз, хочет её от этого уберечь. Он не хочет дать интеллигенции утонуть в инстинктах, он хочет её сберечь, в какой бы малой степени это сейчас ни проявлялось, сберечь для грядущей культурной эпохи, где Самодух, чисто спиритуальное, может быть пронизан этой интеллигенцией.

Если рассмотреть дело в его основе, то проясняется нечто такое, что при всяком предвзятом суждении должно бы быть раскритиковано в пух и прах, но, тем не менее, в силу некой необходимости развития человечества, должно быть сказано. Сами русские, проницательные русские, которые говорят об этих вещах, совершенно правильно считают, что имеются две подосновы в развитии русских интеллигентов. Та конфигурация, тот характер, которым

сегодня обладает русская интеллигенция, они приобретены благодаря тому, что интеллигентно развитые русские, которые хотели быть пробуждёнными, прежде всего, *подавлялись* полицейской властью. Они были вынуждены вплоть до мученичества защищаться против этой полицейской власти. Это можно осуждать, но об этом также необходимо образовать и непредвзятое суждение: специфический характер этой русской интеллигенции, которая именно хочет сохранить себя для будущего спиритуального импульса человечества, целиком обусловлен полицейским подавлением, доходящим там до мученичества. А потому, разумеется само собой – русские писатели это постоянно подчёркивают, – русская интеллигенция, желая сохранить себя для будущих времён, содержит в себе нечто чуждое миру, нечто такое, что нелегко находит связь с жизнью, что направлено совсем на другое, чем то, что непосредственно пульсирует в мире. Таким образом, можно сказать: также и в этом отношении русская душевная жизнь являет собой противоположность жизни по-английски говорящих народов. Можно сказать, что на Западе интеллигентам протезирует полиция, а на Востоке интеллигенты полицией сдерживаются. Одним это может показаться так, другим – иначе, но речь здесь идёт о констатации фактов. Таким образом, на Западе, как сказано, интеллигентам протезируют. Своеобразный характер интеллигенции должен влиться во внешнюю жизнь, должен повсюду пронизывать социальную структуру. Люди должны, исходя из своей интеллигенции, быть причастными к социальной структуре и т. д. В России же, безразлично, при царе или при Ленине, интеллигентов подавляют полицейскими методами и будут этими полицейскими методами ещё долго подавлять. Вероятно, именно в этом и скрыт секрет их силы, что они полицейски подавляются. В этом отношении можно, вообще, установить, если и не схематическое, то тем не менее действительное сопоставление. Можно сказать, *что в России интеллигентов преследуют, в Средней Европе – приручают, в Западной Европе интеллигенты рождаются прирученными.*

Если производят такое разделение, расчленение, то, как бы удивительно это ни звучало, приходят к правильному пониманию вещей. В Англии и Америке в отношении правового государства, в отношении внешней политики, а так же в отношении социальной структуры интеллигенты уже рождаются прирученными. В Средней Европе их приручают. На Востоке они могут гулять вольно, но их будут преследовать.

Таковы вещи, которые нужно иметь в виду, если хотят видеть, какова действительность, если не отдаются событиям хаотически, когда нет никакой возможности прийти к какому-либо воззрению. В нашем случае дело заключается в том, что люди различны в отношении интеллигенции, поскольку в них действует народное. Они дифференцируются таким образом, как я это показал с различных точек зрения, как я об этом вновь говорил сегодня. В то же время, в эпоху души сознательной эта дифференциация должна быть увидена, и найдена возможность для человека выйти за её пределы.

Это можно сделать двояким образом, идя в практическую жизнь. *Во-первых*, путём знания об этой дифференциации. Если с совершенно общей, абстрактной точки зрения провозглашают правильным то либо иное социальное положение, не зная при этом о различиях между людьми, то цена этому – ноль; в этом случае разговоры ведутся, минуя действительность. *Во-вторых*, – когда оказываются в состоянии, некоторым образом, со всеми своими человеческими переживаниями переступить через эти абстракции и посчитаться с различиями между людьми, если желают быть практичными; когда не верят тому, что на всём земном шаре люди одинаковы, и что будто бы социальные вопросы на всей земле могут быть решены единообразным способом. Необходимо знать, что социальные вопросы решаются по-разному,

потому что они сами хотят быть решёнными по-разному, исходя из импульсов народов.

Но всё это возможно лишь при той предпосылке, которая здесь была выражена духовнонаучно. Ибо, как вы хотите те, более или менее хаотически или гармонически взаимосвязанные социальные идеалы, которые имеются у вас, применить ко всем людям? Вы можете их применить только односторонне. Если вы имеете наипрекраснейшие, по вашему мнению, наилучшим образом доказуемые идеи, то вы уже не можете верить не во что иное, как только в то, что этими идеями вы в состоянии осчастливить всех людей на земле. Несчастье нашего времени состоит как раз в том, что люди обуреваемы подобными желаниями. Кто сегодня из говорящих людям о социальных и политических идеях, о том, как должны быть организованы отношения по всей земле, не верит при этом, что идеи, которые он придумал, могут всех осчастливить? – Эти люди сегодня думаю именно так. И, исходя из предпосылок нашего привычного мышления, вряд ли, вообще, можно думать по-другому, мои дорогие друзья.

Но возьмите социальную проблему, как она поставлена в духовной науке, как я её вам здесь излагал в течение некоторого времени. Вы тогда увидите, что здесь, по крайней мере, порвано с привычками мышления нашего времени, здесь эта проблема носит совсем другой характер. Я вам говорил: "Дело заключается в том, чтобы исследовать: что хочет осуществиться в действительности?, а не в том, чтобы иметь какой-либо один идеал". – И тут я вам указывал на трёхчленность той жизни, которая до сих пор столь хаотически сводилась в одночленное государство. Сегодня вы повсюду видите *один* кабинет, *один* парламент, и люди считают идеальным такое состояние, когда всё хаотически сведено в один парламент. Я вам говорил, что действительность стремится к тому, чтобы сведённое в одно расчленилось по элементам. Духовная жизнь, включая юриспруденцию – не административно-правовой институт, а гражданское и судебное право, – образует один элемент, экономическая жизнь – другой элемент. А жизнь, которая регулирует оба эти элемента, образует третий, управляющий элемент, который обеспечивает безопасность и т. д. Эти три элемента, три члена должны быть поставлены между собой в такие отношения, которые ныне имеют место *между государствами*. Они должны общаться один с другим, через представителей строить свои разносторонние отношения, но каждый из них, я позволю себе так выразиться, *сам по себе суверенен*.

Сказанное таким образом мною можно раскритиковать в пух и прах, но раскритиковано при этом будет не воззрение, но нечто такое, что *будет хотеть осуществиться в ближайшие 40-50 лет*. Эта трёхчленность одна единственная даёт вам возможность посчитаться с дифференциацией человечества. Ибо, если вы имеете одночленность, то вы должны навязать её всему человечеству, – всё равно, как если бы вам пришлось на людей маленького, среднего и большого роста натянуть костюм одного размера; при этом рост взять лишь для пояснения, а не в том смысле, что есть маленькие и большие народы. Но беря трёхчленность, вы получаете возможность внутри неё иметь нечто универсальное. В настоящее время Запад имеет такую социальную структуру, в которой надо всем преобладает то, что является администрацией, конституцией, вообще, регулированием внешней жизни, – служба безопасности в самом широком смысле и т. д.; два других члена находятся при этом в подчинённом, зависимом положении. В других сферах всё это, опять-таки, по-иному – там другой из трёх членов перевешивает два остальных и стремится сделать их зависимыми от себя. Благодаря тому, что вы имеете трёхчленность, вы имеете возможность образовать своё воззрение на дифференциацию действительности. То, что является одночленным, – это можно хотеть распространить по всей земле, но о трёхчленном мы говорим,

что на Западе преобладает одно, в Средней Европе – другое, на Востоке – третье. Благодаря этому то, что вы считаете идеалом социальной структуры, дифференцируется в зависимости от частей света. В этом состоит основное отличие излагаемого здесь духовнонаучного воззрения от других воззрений.

Воззрение, развиваемое из духовнонаучных оснований, с самого начала применимо к действительности, поскольку оно в состоянии в самом себе дифференцироваться и затем в таком разделённом виде может быть применено к действительности. Различие между абстрактным и конкретным воззрениями состоит в том, что абстрактное представляет собой сумму понятий, с которой человек надеется стать счастливым или осчастливить всё человечество; конкретное же воззрение есть такое, при котором знают, что оно само в себе таково, что позволяет вырастать из себя то одному, то другому, то третьему. А затем это одно, другое, третье может быть применено к иным внешним отношениям. Таково отличие воззрения, отвечающего действительности, от всякого догматизма. Догматизм присягает догмам. А догмы могут быть действительными только тогда, когда они тиранизируют действительность. Если же мировоззрение отвечает действительности, то оно, как сама действительность, живо в себе. Как человеческий или иной организм подвижен в себе и оживлён, не содержит в себе затвердений, так и мировоззрение действительности живо в себе и растёт в ту или иную сторону.

Если вы это отличие мировоззрения действительности от догматизма примете во внимание, то это будет иметь исключительное значение для тех изменений привычек мышления в ваших душах, которые так необходимы современным людям, но от чего люди сегодня так далеки – намного дальше, чем они могут это себе представить. И то, что я вам говорю, всё это, опять-таки, в глубочайшем внутреннем связано с антропософски ориентированной духовной наукой.

Видите ли, для обычной науки, монополюно господствующей в мире, человек является единством. Современный анатом, современный физиолог рассматривает мозг, органы чувств, нервы, печень, селезёнку, сердце включёнными в единый организм. Вы знаете, мы так не делаем. Мы различаем головного человека, или человека нервов и чувств, грудного человека, включающего в себя дыхание и циркуляцию крови, и человека обмена веществ, или человека конечностей, или так же мышечного человека. Мы, как вы знаете, говорим о трёхчленном человеке, каким он живёт в мире. А поскольку в антропософски ориентированной духовной науке мы не основываемся на одночленном человеке, то и социальный строй, как считает антропософски ориентированная духовная наука, должен включать в себя человека как трёхчленное существо. *Руководством здесь является антропософское членение человека.* Эти три члена, они являются более или менее внешними символами человеческого существа, поскольку человек коренится во всех мирах. Но когда мы рассматриваем эту трёхчленность, то она служит руководством для дифференциации людей на земле.

Теперь я опять прошу " Sine ira " отнестись к последующему, поскольку я характеризую, но ни критикую, ни сообщаю нечто такое, что действовало бы во вред, с одной стороны, и было полезным – с другой. Начнём с русского человека, с восточноевропейского человека. Его нельзя никоим образом изучать, принимая во внимание только современную анатомию, физиологию или психологию, а не того трёхчленного человека, о котором, по меньшей мере, в общих чертах сказано в моей книге "О загадках души". Ибо, если обратиться к тому, что представляет собой сегодня – я прошу обратить на это внимание: сегодня! – русская душевная и, вообще, народная особенность, то можно сказать, что в России – да простят меня русские, но это истина – *головой человек является своим человеком в доме.* Я говорю: – пусть простят меня русские, – ибо они этому не верят; но они заблуждаются. Они,

может быть, скажут, что в России человек сердца у себя дома, а головой как раз отступает назад. Но это можно утверждать только в том случае, если вы не достаточно точно изучали духовную науку. Ибо русская головная культура потому, до некоторой степени, кажется культурой сердца, что, выражаясь тривиально, русский имеет сердце в голове, то есть сердце действует так сильно, что своей деятельностью охватывает также и голову, что оно переkreшивает всю интеллигенцию, что оно пронизывает всё. *Действие сердца на голову, на понятия, на идеи придаёт определённую конфигурацию всей восточноевропейской культуре.*

Теперь пусть на меня не обижаются среднеевропейцы, но дело обстоит здесь так: существенным у них является то, – и это характеризует всю среднеевропейскую культуру, – что *их голова постоянно проваливается в грудь, а нижняя часть тела, или конечности, постоянно надвигаются на сердце.* Это является существенным у среднеевропейского человека; он потому так неуверен, что и, с одной, и с другой стороны, не находит опоры. Я объяснял вам это, когда говорил, что среднеевропеец переживает возле Стража Порога сомнения, неуверенность, колебания.

Теперь пусть не обидятся на меня западноевропейцы, ибо – как вы уже можете догадаться – их культура является культурой нижней телесности, мускульной культурой, так как её особенность состоит в том, что всё, исходящее из культуры мускулов – это относится к народам в целом, а не к отдельным людям – сильно действует также и в голове. Поэтому здесь имеет место инстинктивная интеллигенция, поэтому здесь возникла культура мускулов, в смысле современной жизни, спорт и т. д. Всё, что я вам говорю, вы можете найти и повсюду во внешней жизни, если только захотите, если только вы серьёзно и непредвзято захотите взглянуть на жизненные отношения. Путеводную нить для этого вам даст только антропософски ориентированная духовная наука.

У русских дело обстоит так, что у них сердце воскуряется в голову, у англоязычных народов нижняя часть тела воскуряется в голову, но при этом голова, в свою очередь, действует на нижнюю часть тела и управляет ею. Очень важно эти вещи иметь в виду. Нет нужды всегда высказывать их столь радикальным образом, как мы это делаем между собой; мы, ведь, можем понять друг друга, ибо в нашей среде имеет место достаточная мера благосклонности, чтобы эти вещи воспринять объективно, без симпатии и антипатии.

Но вы видите, что нужно принимать во внимание трёхчленного человека, необходимо действительно знать, изучая даже физиологические и психологические различия, что человек есть трёхчленное существо, построенное по принципу троичности. И существенно, что не только так, как об этом говорит священник, люди должны проявлять интерес друг к другу, но должен господствовать действительный интерес у человека к человеку. Но это может покоиться только на определённом мировоззрении. Всё сведётся к пустой абстракции, если вы скажете: "Я люблю всех людей". Необходимо исполненным пониманием подходить к людям, а также и к человеческим общностям, если хотят иметь суждения о человеческих общностях и о социальной структуре человеческих общностей. А это можно сделать только, исходя из трёхчленной человеческой природы. Если не знают – не поймите это ложно, – какая часть является наиболее существенной у того или иного сообщества людей, то невозможно познать людей в отдельности. Нужно обладать некоего рода путеводной нитью, чтобы выработать мировоззрение, в противном случае всё сваливается в одну кучу. В этом всё дело. Поэтому антропософски ориентированная духовная наука видит свою обязанность в том, чтобы считаться с действительностью. Но по этой же причине она представляет собой для многих людей нечто в значительной мере неприятное.

Ибо люди, в виду определённых предрассудков, совсем не хотят, чтобы их понимали. В частной жизни людям даже особенно неприятно, если их начинают понимать, и можно почти сказать, из десяти человек, по меньшей мере, девять становятся врагами, если их удаётся понять; пусть некоторые из них бессознательно, но они ими всё же становятся. Людям неприятно, когда их понимают, если даже это происходит при свете, как вот здесь, когда это должно служить возвышению человеческой любви. Абстрактная человеческая любовь – я часто приводил это сравнение – подобна той любви, которую должна развивать печь своим теплом. Если ей говорят: "Ты печь, твой печной долг согреть комнату", – но при этом остаются в холоде, то, очевидно, во всей этой морализации нет нужды. То же самое имеет место с воскресными послеобеденными проповедями. Если людям много раз говорят: "Любовь, любовь, любовь", – но при этом не дают горючего материала, не дают того, благодаря чему познаётся человек и сообщество людей, то все проповеди напрасны.

Вы видите в этой связи, что антропософскую духовную науку нам следует воспринимать как горючий материал для развития настоящего интереса у человека к человеку, для развития настоящей человеческой любви. Собственно, важные исторические события – некоторое время тому назад я приводил их вам в качестве симптоматологии, – события, лежащие в основе современных социальных импульсов, могут быть поняты людьми лишь с точки зрения отвечающего действительности мировоззрения.

Если мы примем во внимание всё сказанное о различии между западным, средневропейским и восточным мирами, и что ещё богаче предстанет вашей душе, если вы с пониманием взглянете в эти миры, то тогда можно будет спросить себя: "Кроме уже сказанного, откуда ещё проистекает, например, стремление русской интеллигенции сохранить себя для следующей культурной эпохи?". Необходима куда большая сила, чтобы некоторым образом предохранить интеллигенцию от натиска инстинктов, чем та, что необходима для упражнения врождённой, инстинктивной интеллигенции. В первом случае необходима большая сила. И это с помощью неких устройств в развитии западного человечества. Вы возьмите только одно обстоятельство, что Россия во многих отношениях отстаёт западных течений культурной жизни. С разных точек зрения я характеризовал вам застой прошлых культурных эпох на Востоке. Вспомните наступивший в IX в. и завершившийся в X раскол церкви, как ранний облик христианства был отодвинут на Восток и там застыл, сделался консервативным. Можно сказать, то состояние, до которого развилось всё христианство в первые столетия, было затем сдвинуто на восток и осталось там неизменным. Запад же, тем временем, своё христианство развивал далее. Кое-что из этого также проникло на восток. Это одно. С другой стороны, на Восток был внесён с Востока же татарский элемент, всё это, пришло из Азии. Всё это служит выражением того, что на русской почве застоялись ранние человеческие силы, что эта почва в противовес западному человечеству, сохранила в юном состоянии пришедшие из Азии человеческие силы.

Теперь рассмотрите зависимость средневропейской культуры от протестантизма. Эта зависимость значительно больше, чем обычно думают. В сущности говоря, вся конфигурация средневропейской культуры определена импульсом протестантизма; не тем или иным вероисповеданием, но импульсом протестантизма, ибо протестантизм для более высокого рассмотрения есть также лишь симптом. Существенным является духовный импульс, действующий в протестантизме. Вся наука, как ею занимаются в Средней Европе, та форма, которую она здесь принимает, несёт на себе следы протестантизма. И без протестантизма средневропейская культура немислима. Что в одном месте выступает особенно выдающимся образом –

точно так же, как я вам это показывал в отношении социальных задач антропософии, к которым следует подходить дифференцированно, – то в другом месте, в другом образе, в других отношениях становится жизнью. Протестантизм подвинул людей в Средней Европе к тому, чтобы они сами опирались на свою интеллигентную сущность. Такова была его главная роль. Среднеевропейская интеллигенция, которая должна быть воспитана, она связана с протестантизмом. Даже католические акции, выдвинутые против протестантизма, если их верно увидеть, являются протестантскими, кроме тех случаев, где они исходят непосредственно от иезуитизма, который сознательно препятствует тому, что пришло через протестантизм. Импульс, действующий через протестантизм, действует, я бы сказал, в своём наиболее чистом виде в Средней Европе. А как он действует в Западной Европе? Изучите исторические отношения, придерживаясь исторической симптоматологии, и вы тогда обнаружите: в Западной Европе и Америке протестантизм действует таким образом, что он, как чему-то само собой разумеющемуся, соответствует врождённым интеллигентным инстинктам, которые изживают себя более в политике, чем в религиозной жизни. Протестантизм там действует совершенно само собой разумеющимся образом. Он там является чем-то таким, что проникает повсюду, и он не нуждается в особой структуре, чтобы здесь либо там воспламенить реформаторские сердца; он не нуждается в той потрясающей Реформации, что имела место в Средней Европе. На Западе он разумеется сам собой. Он здесь таков, что о нём можно сказать: "Современный западный человек уже рождается протестантом; среднеевропейский человек дискутирует как протестант". Именно протестантизм вызывает дискуссии об интеллигентных вещах. И здесь он не является врождённым. Русский не принимает протестантизма потому, что он русский. Он не хочет иметь с ним дела, он не хочет иметь с ним дела как русский. *Россия и протестантизм – несовместимы.*

Всё это, о чём я вам говорю, нельзя увидеть, обращаясь лишь к религиозному исповеданию; это выражается через восприятие каждого культурного импульса. Вы бы, например, могли исследовать марксизм в странах Запада. В этих странах он с самого начала воспринимался как протест против старых отношений к собственности и т. д. В странах Средней Европы об этих вещах вынуждены много дискутировать, ссорясь, сомневаясь, наговаривая при этом много всякого вздора. В Восточной Европе марксизм принимают, вообще говоря, в удивительной форме, в Восточной Европе его, прежде всего, полностью изменяют. И если вы возьмёте марксизм в Восточной Европе, то он, собственно говоря, оказывается пронизанным и окрашенным *русской ортодоксией* (православием). Не в своих идеях, а в том роде и образе, в котором русские его воспринимают, он несёт отпечаток ортодоксальной (православной) веры.

Так должно быть показано, насколько необходимо подниматься над внешними явлениями и всматриваться во внутреннее. Вы многое приобретёте, если по отношению к многочисленным фактам жизни возьмёте за обыкновение говорить себе: "В том виде, в каком мы сегодня употребляем слова, они уже представляют собой, большей частью, истёртые монеты". То, что сегодня думается о вещах, согласно словоупотреблению, – это ни в малейшей степени не соответствует действительности. Необходимо повсюду глубже всматриваться в вещи.

Я бы мог сказать, что протестантизм, каким его обуславливают привычки современного мышления, собственно, не выражает ничего, соответствующего действительности. Протестантизм следует понимать так, чтобы можно было сказать: "В том, как протестантизм выступает в марксизме или, пожалуй, в политике, или в науке, содержится нечто, соответствующее действительности". Столь радикально необходимо сегодня от словесных

миражей, понятийных миражей стремиться к живому постижению действительности. От этого зависит всё, и от этого зависит, прежде всего, правильное постижение важнейших импульсов современности, социальных импульсов. От этого также зависит правильная оценка отношений времени. Как раз потому, что люди совершенно не привыкли считаться с действительностью, что люди держатся вдали от соответствующих действительности представлений, и возникают неправильные суждения об отношениях времени.

Вы постоянно спрашиваете о том, кто виноват или кто не виноват в возникновении последней военной катастрофы, и этот вопрос не лишён смысла. Поэтому уже в течение долгого времени я вам рассказывал о том, какова связь событий с мировыми импульсами. Абсолютно так же, как сегодня реализована та карта, которую я вам чертил, так же реализуются и другие вещи. Они реализуются и будут реализовываться в точном соответствии с тем, как мы их здесь обсуждали. Нужно иметь чутьё к тому, что является действительностью, а не словесной шелухой. Словесные оболочки часто употребляют для характеристик, не на них не следует долго задерживаться. Таким образом, если видят действительность, то с точки зрения этой действительности следует понимать и те суждения, которые сегодня Антанта и американцы высказывают о Средней Европе. Я уже говорил, что со многих сторон мне доводилось слышать, когда началась эта военная катастрофа, как нещадно критиковали всё, что делалось в странах Средней Европы. Ну, а теперь, когда уже произошло достаточно из того, что называют политикой силы и тому подобное, те, кто раньше занимались критикой, сегодня критикуют куда меньше, хотя имеют достаточные основания для резкой критики. Я не собираюсь никого брать под защиту, я хочу охарактеризовать отношения. В мою задачу совершенно не входит защищать те личности, бытие которых, проходившее под маской, в последнее время разоблачилось. И происходит ли, например, безоглядное обожествление вильсонизма, так напоминающее повсеместное идолопоклонство, или развивается людендорф-эпопея - объект социальной психиатрии, - и в том и в другом случае мы имеем дело с вещами, к которым следует относиться крайне внимательно, и о которых нельзя говорить мимоходом, кое-как.

Но с другой точки зрения я вам уже говорил здесь однажды, что когда один человек бранит другого, говорит ему нечто злое, то не всегда и даже в очень редких случаях основания к тому лежат в том человеке, которого бранят. Он, конечно, может быть злым, но это злое в нём для объективного взгляда на действительность представляет собой наименьшее основание для брани. Основанием для брани большей частью является потребность браниться. И эта потребность браниться ищет объект, над которым бы ей разразиться. Эта потребность старается идеям придать такое течение, при котором они бы казались справедливо исходящими из души бранящегося человека. Так часто случается в общении отдельных людей друг с другом. Но и в больших масштабах в мире это происходит не иначе. При этом, конечно, бывают и глубокие основания. Видите ли, в общем и целом понятно и даже разумеется само собой, что люди в странах Антанты и в Америке на все лады чествуют не только власть преобладающих, но все народы Средней Европы целиком. Это можно понять, ибо как выглядели бы политики в странах Антанты, если бы жители тех стран говорили: "А люди-то в Средней Европе не так уж плохи, им бы только улучшить некоторые из своих сторон, и тогда бы всё с ними обстояло вполне нормально". - Да, если бы они так говорили, то, это было бы мало созвучным с политикой, которая оттуда исходит. В мире многое говорится для самооправдания. И нужно знать, что при этом имеет место в действительности. Для этого нужно обладать глубоким мировоззрением. Это разумеется само собой, что общественное мнение в странах Антанты является таким не потому, что оно истинно, а потому, что

нужно оправдать поведение этих стран абсолютно так же, как это часто происходит между отдельными людьми, когда один бранит другого и делает это не потому, что тот другой плох, но потому, что есть потребность браниться и её надо разрядить. Дело же заключается в том, что нужно иначе взглянуть на вещи, чтобы их понять. В этом всё дело. Принять духоведение в глубочайшие основы своей души, во многих отношениях означает нечто иное, чем представляют себе многие, причисляющие себя к антропософскому движению.

Подходя внешне, абстрактно – мы теперь переходим к другой части – можно поверить в то, что современный социализм, социальные требования современности проистекают из социальных импульсов. Я вам недавно показал, как человек колеблется то в одну, то в другую сторону между социальными и антисоциальными потребностями, инстинктами. Абстрактно мыслящий считает само собой разумеющимся, что пролетариат, как элемент современной социальной структуры, родился из социального, ибо это удобно – социальное определять социальным, не правда ли? Но это не правильно. Кто рассматривает пролетарский социализм современности в соответствии с её реальностями, тот знает, что социализм, каким он выступает под маркой марксизма, есть антисоциальное явление. Он проистекает из антисоциальных импульсов. Такова разница между абстрактными дефинициями, абстрактным мышлением и сообразным действительности мышлением. Что подгоняет людей к тому, чтобы желать осуществления социализма указанного толка? Социальные инстинкты? Нет, *антисоциальные инстинкты*. Вчера я это показывал на внешнем примере, когда говорил о подоплёке лозунга: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", который означает: испытывайте ненависть к другим классам, чтобы почувствовать себя соединёнными! – Здесь перед вами антисоциальные импульсы, если заняться изучением социальной психологии современности. Такова разница между тем образом мышления, который развивается, должен развиваться, развитию которого должна способствовать антропософски ориентированная духовная наука, с общепринятыми сегодня привычками мышления.

Антропософская точка зрения на социальные вопросы потому встречает сегодня такое сопротивление, что люди не могут мыслить в соответствии с действительностью, что люди не могут, прежде всего, мыслить дифференцированно, и часто даже считают, что если кто-то мыслит дифференцированно, то он противоречит самому себе.

Важные проблемы современности могут быть решены только с помощью соответствующего действительности мышления. Я хочу вам в данной связи привести одну из таких проблем. Я уже говорил: "Встающее призраком в пролетарских головах, что образует приводящий всё в действие мотор, – это есть заступившее место древнего рабства порабощение рабочей силы, работа, существующая как товар в современной социальной структуре". Вчера я особенно подчёркивал перед вами, что задача социального мышления состоит именно в том, чтобы сосредоточиться на отделении товара от рабочей силы. Трёхчленная социальная структура, о которой я говорил, содержит в себе импульсы, способные отделить товар от человеческого труда, поскольку то, что действует в этой социальной трёхчленности, не является логическим следствием, а проистекает из действительности, соответствует наблюдаемой действительности.

К этой проблеме примыкает другая, можно сказать, горячая проблема. Вы знаете, что основное требование пролетарского, марксистски окрашенного материализма заключается в обобществлении средств производства. Средства производства должны перейти в общественное пользование. Это должно стать началом обобществления, затем оно должно распространиться на землю и т. д. И вы знаете также, что согласно программе Совета Республик, которую я

вам приводил, в России средства производства и земля делаются достоянием государства, а вернее сказать, обобществляются. Исходя из этого, вы можете сформулировать наиважнейший предварительный социальный вопрос современности. Он может состоять в следующем: должно ли принятие решительных социальных мер в современной культуре, или так же в современном хаосе, если посмотреть на Среднюю и Восточную Европу, происходить таким образом, что при этом возникнет тенденция, по мере продвижения в будущее, либо наделять всё большей собственностью отдельных людей, делать их собственниками, либо развивать общественную собственность? – Вы понимаете, что я имею в виду. – Должно ли быть так, чтобы отдельный человек имел владения, собственность, или, дабы избежать несправедливости, всё, что составляет собственность: земля, средства производства и т. п., должно поступить в общее владение? – Это очень важный предварительный социальный вопрос. Пролетарское мышление сегодня стремится к тому, чтобы осуществить обобществление собственности. Но по отношению к важнейшим социальным импульсам нет никакой разницы, владеет ли собственностью отдельный человек, ассоциация или общество. Тому, кто может разобраться в действительности, становится ясно, что для производителей собственности общество может оказаться даже худшим предпринимателем, чем частный предприниматель. Это содержится, как закон природы, в природе самих фактов, но этого не видят, а потому и впадают в заблуждения. Ибо вопрос состоит в следующем: должны ли все люди быть собственниками? – Должна ли отсутствовать общественная собственность – я не хочу больше вдаваться в технику, ею вполне можно овладеть – и отдельные индивидуальности должны по праву владеть собственностью в соответствии с возможностями той или иной страны, территории? Должны ли все быть собственниками или, как этого хотят современные пролетарии, все должны стать пролетариями? Это альтернатива. Современное пролетарское мышление считает, что всех нужно сделать пролетариями, а общество – предпринимателем. Но если обратиться к действительности, то возникает нечто противоположное. Ибо невозможно образовать социальную трёхчленность, если всех людей сделать пролетариями. Тенденция к социальной трёхчленности приводит к тому, что отдельный человек обретает телесную, душевную и духовную свободу. Этого не достичь, если все станут пролетариями; но это достижимо для каждого отдельного человека, если все имеют возможность обладать собственностью.

Второе, что должно быть достигнуто, – это такая регуляция отношений, чтобы перед законом, перед конституцией или, вообще, перед правительством все были равны. *Свобода на духовном пути, гражданское равенство, а третьим должно стать братство в экономической жизни.* Я знаю очень умные, по праву выдающиеся книги, которые говорят о противоречиях трёх идей: свободы, равенства и братства. Так, равенство совершенно категорически противоречит свободе; это высказывали в 1848 году и даже раньше весьма талантливые писатели; и это совершенно верно. Если всё свалить в одну кучу, то ничего, кроме противоречий, не получится. К свободе следует стремиться в *духовной*, в юридической сфере, в религии, в образовании, в юриспруденции; к равенству – перед законом, властью, в службе безопасности; к братству – в экономической сфере. Для экономической жизни – собственность, которая в будущем должна быть видоизменена соответствующим образом; для сферы службы безопасности, управления – равенство; для сферы духовной и юридической жизни – свобода. Если эти вещи, вот так, троишно расчленишь, то они не станут противоречить друг другу, поскольку противоречие, возникающее в мышлении, оказывается снятым в действительности за счёт того, что там оно расчленяется на несовпадающие части. Мысль тянется к противоречиям; действительность живёт за счёт противоречий. И нельзя понять действительности, если не

понять противоречий, если в мыслях не последовать за противоречиями. Из всего этого вы видите, что разумеемая здесь духовная наука действительно имеет кое-что сказать о важнейших вопросах современности. По крайней мере, некоторые из вас могут понять, что антропософски ориентированная духовная наука имеет что сказать, и тот образ, каким следует о ней думать, в основе своей должен испытать на себе влияние того понимания, которое она несёт навстречу важнейшим требованиям времени.

Это понимание современности духовной наукой, как, например, я могу себе это представить индивидуально, внутренне связано со всей духовной жизнью нашего времени, в котором она находится, в котором должны находиться её носители, всё антропософски ориентированное движение. Всё это, конечно, не может быть разом увидено в правильном свете нашими современниками. Не думайте, что всё это говорится ради дурачества или из личного тщеславия; тем, кто меня знает, ясно, что это не так. Под влиянием необходимости фактов я вынужден всё снова и снова характеризовать подобные вещи то, с одной, то с другой стороны. Это действительно так, и я же говорил вам по различным поводам, что я совсем не склонен переоценивать всё то, что я могу сам или хочу. Я вижу границы и знаю многое, о чём те, либо другие люди и не подозревают, что я это знаю. Но для тех, кто не в состоянии судить обо мне в этом отношении, я должен всё же сказать, что я – если можно воспользоваться таким выражением, которым, вообще-то, так не пользуются, но другого нет, – что я хотел бы "herbeiwünschen" (пожелать кому-нибудь что-нибудь, "прижелать"), чтобы было понято: есть определённая разница между тем, как здесь желают и вещами, которых желают, это очень часто смешивают. Как много сегодня развелось оккультных или называющих себя оккультными обществ, и нигде не хотят воспользоваться здоровым человеческим рассудком, чтобы разобраться в том, что может быть здесь найдено! Ибо пусть ещё и не в совершенной форме, но здесь уже делаются усилия действительно считаться с сознанием времени. В то же время, вы можете наблюдать, как считается с сознанием времени весь тот вздор, который преподносится в оккультных и тому подобных движениях. Все эти высшие и низшие масонские степени, а также различнейшие религиозные сообщества, в силу своего антикварного содержания, не в состоянии действительно считаться с сознанием времени. Ибо, где же там говорят современно, понятным образом, считаясь с действительностью, о горячих проблемах современности? В ритуалах и инструкциях той или иной масонской ложи или веро-исповедующего сообщества вы не найдёте ничего из того, что существует как сверхчувственные прообразы современности. Но необходимо, чтобы возможность распознавать время обрела своё место!

Конечно, имеется одна трудность – я это знаю, – возникающая из исторических отношений, какими я их вам описывал, в силу которой Антропософское общество вначале было соединено с Теософским или всяческими, ему подобными обществами. Во внешнем смысле пусть это будет считаться ошибкой; кармически же это оправдано. Было бы разумнее, если бы Антропософское общество целиком зиждилось на самом себе и было основано безо всяких отношений к другим обществам. Конечно, подходя внешне, это было бы разумнее, поскольку тогда оно бы избегло соприкосновения со всей филистерской буржуазностью Теософского общества, со всей антикварной рухлядью. И хотя всё это не вошло в антропософию, но в обществе оно нашло многообразный приют. Если бы антропософия жила правильным образом в нашем обществе, чего в действительности нет, то это общество, по крайней мере в одной трети своей социальной структуры, как это следует из самой антропософии, в духовной трети, включая право, могло бы быть образцовым. Ибо то, что среди антропософов должно господствовать как право в отношениях индивида с индивидом, должно быть само собой разумеющимся

делом. Я всегда чувствую как резчайший разрыв с тем, что должно среди нас развиваться, когда один из нас так говорит о другом, что тому приходится идти жаловаться куда-то на сторону. Должно развиваться правовое сознание в той мере, в какой оно подразумевается в одной трети социальной структуры. Но оно ещё далеко от той меры, в которой его должно содержать Антропософское общество, согласно антропософским импульсам как таковым. А потому должен быть, прежде всего, развит слух к внутренней истине, тот слух к внутренней истине, который сегодня имеют немногие. Поскольку это различие, которое должно прийти извне, не приходит оттуда, то приходится иной раз с той, либо другой точки зрения указывать на то, что следует различать. В отношении некоторых вещей, особенно сегодня, я бы мог сказать: живущее в антропософском движении благодаря мне самому, тем отличается от всего другого, что мною всё разрабатывается на том основании, которое я изложил ещё в первом введении к моей "Теософии", а именно: я не сообщаю ничего, что не было бы моим личным опытом. Здесь мною говорится не что иное, как установленное мною на основании личного опыта. Здесь ни в каком смысле, в отличие от того, что делается повсюду, в подтверждение сообщаемого не призываются авторитеты.

Отсюда следует нечто другое, о чём я должен сказать, что духовное течение, проводимое антропософским движением, не зависимо ни от какого другого течения, но единственно от той духовности, которая протекает через современность, и только от неё. Поэтому я – я прошу принять это со всей серьёзностью – *никому ничем не обязан*, ни перед кем я не обязан умалчивать о том, что нахожу нужным сообщить в настоящее время. *Заповедь молчания не может быть наложена на того, кто ни перед кем не обязан за своё духовное достояние.* Это даёт основание отличать антропософское движение от всякого другого. И всякий, утверждающий когда-либо, что возвещаемое в антропософски ориентированной духовной науке, возвещается не в смысле слов, стоящих в моей "Теософии" – за что я лично выступаю, – такой человек, по меньшей мере, не знает взаимосвязей и чаще всего стоит не в их среде, а рассматривает их извне и потому, злонамеренно ли, нет ли, утверждает неправду. Но и тот, кто часто бывал у нас и здесь изучал взаимосвязи, но утверждает, что наше духовное движение стоит в какой-либо связи с прошлым, или каким-то другим движением, тот также говорит неправду. Цело, таким образом, сводится к тому, что лгут либо не зная соотношений, либо зная их. Так следует понимать враждебность к этому движению.

Поэтому я всё снова вынужден подчёркивать: "Я умалчиваю только о том, что, я знаю, современному человечеству, по причине его незрелости, не может быть сообщено". И это единственная причина, тогда как другие молчат по причине данного ими обета. С какой-либо другой стороны в это движение ничто не может войти. *Это движение духовно не зависит ни от каких других движений;* и его связи с ними были только внешними. Может быть, придёт время, когда вы также сможете увидеть – и будет хорошо, если вы тогда об этом вспомните, – что я предсказывал вещи, лишь впоследствии ставшие понятными в их правильной связи. Может быть, однажды, если вы будете иметь к тому добрую волю, вам сослужит хорошую службу то, что вы вспомните, в каком смысле опекалось духовное сокровище, которому предназначено проходить через антропософское движение.

Для всякого, желающего отличить антропософское движение от всякого другого, это может стать пробным камнем. Этот пробный камень сегодня может быть тройкого рода. Во-первых, это движение оказывается сложным из научных и интеллектуальных требований современности. Возьмите исшедшую от меня литературу; пусть в чём-то она не совершенна, в целом же вы увидите стремление создать движение, основанное не на старом, антикварном, но движение, знающее научные средства современности,

действующее в полном созвучии с научным сознанием современности. Это во-первых.

Во-вторых, это движение поистине полным жизни образом имеет что сказать о жизненных вопросах современности, например, о социальных вопросах. Сравните всё, что другие движения могут сказать в этом направлении, с тем, что говорит об этом антропософия, и вам должна стать очевидной вся антикварность первых их чуждость действительности.

Третье, третья часть пробного камня заключается в способности этого движения осознанно уяснить себе религиозные потребности, уяснить в том смысле, что это уяснение религиозных потребностей находится в связи с полным, непосредственным знанием действительности. Благодаря одному этому вы можете отличить это движение от всех тех движений, которые, в сущности говоря, сводятся к послеобеденной проповеди на тему, как следует вести себя и т. п., где не содержится ничего от конкретных, действующих в современной социальной структуре понятий, где всё отчуждено от мира. Современная, действительная наука должна о работе, капитале, кредитных, земельных отношениях, о всех тех вещах, что составляют сегодняшнюю жизнь, об образовании социальной жизни, должна быть в состоянии говорить так, как она умеет говорить об отношении человека к божественным существам, о любви к ближнему и т. д. Что человечество долго упускало из виду - это необходимость найти отношение сверху до низу ко всем непосредственным, конкретным образованиям и процессам жизни. Именно это упускают сделать теологи и теософы нашего времени в своих различных учреждениях, а так же в своих оккультных исканиях. Они начинают говорить, так сказать, сверху и приходят к заявлению: "Люди, будьте хорошими, и т. п.". Но такие заявления не плодотворны, они стерильны, и не им дано понять жгучие, конкретные вопросы современности. Опять же, и внешняя наука чуждым действительности образом говорит о вещах, непосредственно касающихся жизни. Я вам вчера показывал, насколько чуждо люди противостоят жизни. Много ли людей сегодня знают, что такое, например, капитал, чем он является в действительности? - Конечно, вы знаете, что если в кармане имеется столько-то денег, то это и есть капитал. Но это не означает знать, что такое капитал. Знать, что такое капитал означает знать, как регулируются в социальной структуре определённые вещи и процессы. Абсолютно так же, как антропософия должна знать отношения, регулирующие ритмически человеческую жизнь, так же должна она знать и о пульсациях в социальной жизни. Современная же психология, с её материалистическим методом, не в состоянии решать важные вопросы, они могут быть решены только тогда, когда будет достигнуто антропософское понимание трёхчленного человека.

Что может ответить современная наука, например, на такой важнейший вопрос: на чём чисто материально покоятся представления? На чём чисто материально покоится воление? - Я говорю о подобных вещах потому, что потратил 30-35 лет своей жизни на их исследование, о чём я уже упоминал в другой связи. Представления человека покоятся на том, что он в процессе кровообращения, например, имеет внутри себя углекислоту, которая ещё не выдохнута, и она-то и составляет материальный эквивалент, материальный коррелят мышления. Если в человеке содержится кислород, ещё не переработанный в углекислоту, кислород, который окольным путём идёт к переработке в углекислоту, к отложению в виде углекислоты, то это, в определённом смысле, есть материальный коррелят воли. Там, где в человеке пульсирует кислород, который ещё не полностью переработан, ещё функционален, там материально приводится в действие воля. Там же, где внутри человека уже присутствует углекислота, ещё не исторгнутая наружу, не выдохнутая, там она служит материальной основой для мыслеформ. Знание

о том, как оба эти полюса – полюс мыслей, который также может быть назван полюсом углекислоты, и полюс воли, который может быть назван полюсом кислорода, – как эти полюса могут быть регулируемы – это знание может дать только отвечающая действительности наука. Подобные истины, какими я их вам сообщаю, вы не найдёте ни в о одной современной книге. А поскольку человек не воспитывает своё мышление на подобной действительности, то он не может его воспитать необходимым для настоящего времени образом и в отношении социальной структуры. Но это может наступить; это необходимо для действительности и может случиться, что к нашим социальным вопросам будет причислено духовно-душевное включение человеком себя (Sith-Hinbinstellen) в социальную структуру.

Но с этим не спешат. Вы только подумайте, насколько бы всё изменилось, если бы на том или ином предприятии отдельный рабочий также и душевно-духовно был бы включён в весь тот процесс, в результате которого входят в мир производимые им товары, если бы он понимал, какова его позиция в социальной структуре благодаря тому, что он производит товары. Но это станет возможно только в том случае, если между людьми будет господствовать интерес друг к другу, если мало-помалу каждый взрослый, настоящий человек сможет соответствующим действительности образом овладеть важнейшими социальными понятиями. Должно прийти время – и это является социальным требованием, – когда человек, только потому, что он является человеком, будет настолько же хорошо знать, что такое капитал, кредит, наличные деньги, чек по отношению к эффективности национальной экономики – а это знать совсем не сложно, что должны понять те, кому надлежит это знать в первую очередь, – насколько хорошо сегодня знают, что суп следует есть ложкой, а не вилкой. Не правда ли, если кто-то ест суп вилкой, то с ним явно не всё в порядке; но не знать некоторые вещи, точно также значит быть не совсем здоровым. Это должно стать общепринятым открытым мнением.

Тогда важнейшие импульсы современности, социальные импульсы будут поставлены на совсем другую основу.

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Дорнах, 20 декабря 1918 г.

В рассмотрении последних недель мы пытались величайшие требования времени, так называемые социальные требования, понять с разных точек зрения. Мы пытались увидеть духовнонаучные основания требований времени. Ибо только на этом пути можно правильно сориентироваться в том, что же, собственно говоря, таят в себе эти требования времени. И только приняв во внимание всё то, на что должно быть указано в этих рассмотрениях, наше, столь переполненное испытаниями время и ближайшее будущее смогут обрести свои импульсы и понимание себя. Завтра я снова вернусь к этой теме, а сегодня я должен сообщить нечто эпизодическое, являющееся, некоторого рода, продолжением того, что недавно должно было быть здесь затронуто, поскольку оно показывает, как духовная наука, выступающая здесь перед вами, относится, я бы сказал, к внутреннему состоянию сознания современности и ближайшего будущего.

Недавно я вам уже приводил некоторые, наиболее существенные вещи, стоящие в данной связи. Я обращал ваше внимание на то, что всякий, имеющий на то добрую волю, может, пользуясь здоровым человеческим рассудком, каким он развился до настоящего времени, испытать и проверить

всё то, о чём говорит духовная наука, может понять, что эта антропософски ориентированная духовная наука действительно в состоянии посчитаться с совестью и с родом представлений настоящего времени. И это следует как раз из наших социальных рассматриваний. Поэтому всякий раз, когда наша духовная наука говорит о том либо ином предмете, должно быть указано, что все сообщаемое может быть проверено всяким, кто этого желает, пользуясь современным мышлением, особенно научным мышлением современности. Можно даже сказать, что большинство нападков на духовную науку происходит оттого, что она столь удивительным образом может быть проверена совестью современности и ближайшего будущего. Многим людям это особенно нежелательно и неудобно. Именно потому, что духовнонаучные сообщения согласуются со всеми научными требованиями и научными представлениями нашего времени, а во многих головах, вернее, во многих сердцах живёт отвращение к такого рода духовным знаниям, и возникает враждебность к ним; они неприятны только потому, что целиком могут быть проверены с позиций научных требований нашего времени. А то, с чем согласуется духовная наука, – это внутренние, духовные факты человеческого развития, которые, начиная с нашего времени, будут всё более и более отчётливо, как нечто новое, проступать в будущем сквозь покров мировых явлений и мировых событий. Люди долго жили в чисто чувственных представлениях. И то, что они имели благодаря этим представлениям, было по своей сути старым, заимствованным из времён, в которых человек ещё владел атавистическим ясновидением, в которых мудрость приходила в среду человечества совсем другим путём, не так, как она будет приходить в будущем. Из той мудрости, соответствующей прошлым временам, многое сохранилось донныне. Раньше, а для многих людей и теперь, она является единственным достоянием мудрости. Даже для современного естествоиспытателя она остаётся единственным достоянием мудрости. Это можно увидеть, если всмотреться внимательнее. Но даже элементарные откровения этой древней мудрости уже давно догорели. И земное развитие человечества погрузилось во тьму, во тьму, в которой духовное не открывается непосредственно. Теперь началось время, когда новые откровения сквозь покров событий выступают на духовном и душевном горизонте человека. Поэтому для многих вещей происходит обновление. В связи с этим мы можем указать на наиважнейшее явление: на Мистерию Голгофы. Мистерия Голгофы, несомненно, впервые дала смысл развитию Земли. Планета Земля не была бы тем, чем она является, если бы на ней не произошла Мистерия Голгофы. Но одно дело Мистерия Голгофы как факт, имевший место, и другое дело учения, которые как христианские учения о Мистерии Голгофы господствовали столетиями. Кто этого не принимает во внимание, едва ли усвоит основные требования нашего времени.

Возьмём для сравнения кое-что совсем обычное. Согласитесь, возможно лишь двоякое: либо событие разыгрывается перед вашими глазами, либо его видели другие люди и рассказывают вам о нём. В высоком духовном смысле о Мистерии Голгофы как факте людям, естественно, известно только то, что о ней рассказывают в ходе столетий. Но то, что рассказывается об этом духовном событии – а Мистерия Голгофы является таким событием, несмотря на то, что она разыгралась на физическом плане, – рассказывается с точки зрения древнего достояния мудрости. Собственно, и Евангелия – вы это знаете из моей книги "Христианство как мистический факт" – написаны с точки зрения древней мудрости. А это значит: из представлений древних мистерий или, вообще, – из унаследованных из прошлого представлений. В эти представления облакаются слова, которыми говорится о том, что разыгралось на Голгофе. Но эти представления принадлежат атавистическому периоду в развитии человечества. Вначале было необходимо, чтобы вообще что-то понять, облечь Мистерию Голгофы в эти слова. Но теперь мы живём в такое время, когда этот род рассматривания духовного мира, правильный для древних

времен, устарел. Ибо новые откровения духовного рода, если даже люди не хотят пока их признавать, наступают и становятся постепенно эквивалентными старым атавистическим откровениям. Поэтому, если считаться с требованиями времени, то о Мистерии Голгофы как факте следует говорить новыми словами, в новых представлениях. А это значит, что так же и христианские представления должны посчитаться с тем, что вступает в развитие человечества. Иначе христианство останется суммой принесённых из древности представлений. И всё то, что во внутреннем людей живёт как требования времени, всё это умерло бы, если бы получало пищу только от сохранённых от древности представлений. Именно с этим-то и хочет считаться антропософски ориентированная духовная наука; она хочет, чтобы были поняты новые духовные откровения, и чтобы величайшее событие земли – Мистерия Голгофы, было облечено в представления этих новых духовных откровений.

Теперь может возникнуть вопрос, и это будет исключительно важный вопрос: *так кто же в духовном мире таится за этими духовными откровениями, которые через покров явлений в новое время вторгаются в человеческую историю!* Вам знаком порядок иерархий, который я вам описывал в моих книгах. В этом духовном порядке иерархий вам знакомы так называемые Духи Личности. Вы знаете, что Духи Личности стоят на одну ступень ниже тех духов, к которым, например, относится Ягве, ниже Духов Формы.

К откровениям, подступающим к человечеству через Духов Формы, теперь хотят подойти Духи Личности, вначале, естественно, подготовительно, не с той мощью, с которой открывались Духи Формы. Если мы поищем слово, которое выразило бы то, чем являются Духи Формы, то мы могли бы остановиться на старом добром слове "Творец". Библейское слово "Творец" охватывает, примерно, всё, что должно быть связано с Духами Формы, когда мы рассматриваем их влияние на людей в период от древней Лемурии до настоящего времени, а так же и будущего. Они не прекратят своих деяний, но будут их совершать на другом плане.

Если мы примем во внимание всё то, что было рассмотрено здесь духовнонаучно, то мы можем Духов Формы назвать творящими духами. Благодаря им человек, прежде всего, обрёл своё бытие как земной человек. Духи же Личности до настоящего времени не были творящими духами. Ибо были духами, которые из духовных сфер упорядочивали различные свершения. Вы можете в моем "Тайноведении" прочесть о деятельности Духов Личности. Но наступает время, когда они хотят действительно вступить в творение человеческого развития. Позже они примут участие в творении других царств. В иерархиях, ведь, также происходит развитие. Духи Личности восходят к творческой деятельности. Этим указывается на значительную тайну развития человечества. Кто не стремится охватить человеческое развитие лишь с помощью поверхностного естественного воззрения, как это сегодня принято делать, но внутренне созерцает его с помощью духовнонаучных импульсов, тот знает, что с началом, теперь часто обсуждаемой с различных точек зрения, пятой послеатлантической эпохи в человеке начало нечто отмирать. С этим отмиранием, я мог бы сказать, с этим надломом, в нашей природе связан в своей основе весь наш душевный и духовный прогресс.

Мы больше не являемся живыми человеческими существами в том смысле – я хочу это особенно подчеркнуть, – в каком мы ими были столетия или даже тысячелетия тому назад. Раньше мы имели в себе более сильную жизненность, большую силу в себе, ту силу, которая исходила от одной телесности. Ведь человек узнаёт смерть только когда земная жизнь прекращается радикальным образом. И тем не менее вы знаете из

духовнонаучных рассматриваний, что нечто в нас постоянно умирает. И если бы нечто не умирало постоянно, то у нас не было бы никакого сознания. Сознание самым непосредственным образом связано с процессом умирания в нас. Но это умирание, этот процесс умирания теперь происходит интенсивнее, чем он происходил, например, в первом христианском столетии, тем более, в дохристианские времена. То, что люди получали от творящих Духов Формы, – это начало, если можно так выразиться, интенсивно отмирать, и новое творение должно быть влито в человеческую природу, то творение, которое, прежде всего, исходит их духа. И в действительности происходит так, что к человеку, который тому не противится, начиная с нашего времени притекают из духа творческие силы. Эти творческие силы стремятся понять духовную науку. Они стремятся, мысля и созерцая, постичь то, что как новая духовность вступает во временное развитие из миров, не позволявших до сих пор своим импульсам вливаться в развитие человечества. Эта духовность и есть, собственно говоря, в современном смысле ориентированная духовная наука. Она выступает не в смысле научной или какой-либо иной программы, а поскольку небо посылает людям новое откровение и поскольку это новое откровение должно быть понято.

Кто не понимает в этом смысле задачи антропософски ориентированной духовной науки, тот её вообще не понимает. Ибо антропософски ориентированная духовная наука, вообще, молчала бы, если бы не было нужды возвещать новое, если можно так выразиться, врывающееся с небес в среду человечества откровение.

И то, что открывается сквозь покров явлений, – это есть выражение нового творческого принципа, опекаемого Духами Личности. В связи с этим стоит характерная особенность нашей эпохи, начавшейся, как уже говорилось, в XV столетии христианского летосчисления, – что эта эпоха есть выражение импульса личности. Личность хочет, если воспользоваться тривиальным выражением, поставить себя на собственные ноги и будет хотеть этого всё больше и больше в третьем тысячелетии. Тогда выступят и другие импульсы для совершенствования личности.

Если вы обдумаете всё, что я вам сказал, то вы неким образом увидите, как это новое откровение Духов Света, Духов Личности подходит к людям. Но этому противятся с начала новой, пятой послеатлантической культуры некие духи тьмы. Ибо как только мы заглянем за покров явлений, мы тотчас же заметим, как некая группа духов иного рода противостоит этому. Мы видим, с одной стороны, Духов Личности, открывающих себя описанным образом. Но, с другой, – мы видим, заявляющих о себе, неких духов тьмы, духов, которые всячески заинтересованы в том, чтобы не допустить действия нового откровения Духов Личности на людей. Эти новые, смутные, тёмные духи, они находят возможность осуществлять себя благодаря одному явлению, на которое современное человечество, к сожалению, почти не обращает внимания.

Видите ли, когда сегодня спрашивают: "Сколько людей живёт на Земле? – то на это обычно получают ответ: 1500 миллионов человек". Но это не так. С началом пятой послеатлантической культуры сложилась возможность кроме 1500 миллионов рабочих рук, о которых обычно говорят, использовать силу ещё примерно 500 миллионов. И это благодаря машинам! Если бы вся работа сегодня исполнялась людьми, то для этого потребовалось бы ещё 500 миллионов человек. Отсюда вы видите, что человеческая работа на Земле нашла некоего рода заменитель, нечто, действующее подобно человеку, но не являющееся человеком из плоти и крови. Это обстоятельство исключительно важно для развития всего человечества. В современном развитии это обстоятельство находится в связи с ещё одним обстоятельством. Пятьсот миллионов человек, которые, собственно говоря, не являются людьми из

плоти и крови, но лишь рабочими – работа выполняется машинами так же, как если бы её делали люди, – эти исполнители человеческой работы создают возможность духам тьмы осуществлять себя внутри нашего человеческого развития, тем духам тьмы, которые являются врагами Духов Личности, несущих новые откровения.

Таким образом, вы видите, с одной стороны, открывающиеся новому ясновидению новые откровения Неба, а с другой – неким образом выходящую из подземного телесность для врагов, для определённого рода демонических духов, для духов тьмы, которые теперь не осуществляют себя через людей из плоти и крови, а странствуют среди нас благодаря тому, что человеческая сила заменена механизмами, машинами.

Это составляет основу всякой дисгармонии в социальных сферах нашего времени. По этой же причине человеческое мышление современности идёт по ложному пути, что, в свою очередь, также порождает социальные заблуждения. Ибо человеческое мышление в ходе последних столетий в некотором отношении приспособилось к механическому строю. Человеческое мышление пронизано, пропитано такими представлениями, которые приспособлены к чисто механическому распорядку. Можно сказать: во многих областях естествознания, но так же и во многих областях жизни, во многих областях современного социального или социалистического мышления отсутствуют все иные представления кроме тех, которые применимы для понимания всего, что лежит за пределами механизмов. Тем не менее в мире откровений каждая вещь имеет две стороны, а потому вы не должны говорить: поскольку всё обстоит так, что механистические представления вползли в человеческое развитие, то их следует избегать. – Нет, это было бы целиком ошибочно! Насколько эти механистические представления опасны, поскольку дают определённым духам тьмы возможность выступать против возвещающих о себе Духов Личности, насколько опасны эти механистические представления, особенно механистический строй, порождающий их, настолько же, с другой стороны, полезны мысли, *опирающиеся* на подобные механистические представления. Ибо задача нового времени состоит как раз в том, чтобы наши душевные способности вооружить этими представлениями – которые, всё равно живут и в современном естествознании и, вообще, в современном мышлении, – вооружить для того, чтобы мы прониклись этими представлениями, но затем поставили их на службу новому откровению небес. Иными словами, *механистические представления должны научить человечество мыслить в ясных, строгих контурах*. Как мыслят в механистических представлениях, так раньше не мыслили. Представления старых времён имели расплывчатые контуры. Кто исследует духовную историю времени, тот это знает. Даже у такого острого ума как Платон понятия имеют расплывчатые контуры. Думать в строгих мыслеформах – этому человек должен быть обучен впервые *путём впадения в односторонность*, путём образования механистических представлений о мире. Односторонние механистические представления о мире крайне бедны содержанием; они содержат в себе, по существу, только мёртвое. Но они являются средством воспитания особого рода; это сегодня нужно увидеть. Собственно говоря, *строго мыслить сегодня могут только те люди, которые усвоили какие-то естественнонаучные представления*. Остальные мыслят расплывчато.

Но то воспитание, которое человечество усвоило путём строго очерченного мышления, надлежит теперь обратить к новому духовному откровению и духовный мир постигать с той же ясностью, с какой мы привыкли постигать мир естественнонаучный. Требование современной интеллектуальной совести, то, без чего человечество не сможет обойтись, не сможет решить свои важнейшие вопросы, которые будут выступать в настоящее время и в ближайшем будущем, то требование состоит в том, чтобы *строгое мышление*,

воспитанное на современных естественнонаучных представлениях, обратить на духовный мир, который теперь по-новому открывается людям. Это, собственно говоря, и составляет конфигурацию антропософски ориентированной духовной науки. Она хочет быть такой, поскольку считается с необходимыми требованиями современности. Поэтому она в состоянии спуститься с определённых высот до понимания того, что повседневно необходимо человеку. Должно всё снова указываться, что подобная направленность духовной науки проистекает из её желания принести новую помощь человеку в его работе, в его трудах.

Возьмём из традиционных вещей, употреблявшихся в старые времена, различные религиозные вероисповедания. К этим религиозным вероисповеданиям прибегает, в поисках определённых поучений, какое-то число людей и сегодня. Этим людям тогда рассказывается, из лона старых вероисповеданий, о божественно-небесном царстве, рассказывается о скрытом за покровом чувственных явлений. Дело идёт так далеко, что люди проповедуют: они должны быть добрыми, должны любить друг друга и т. д. Иными словами, эти вероисповедания могут восходить до определённых моральных требований.

С другой стороны, сегодня хотят выработать воззрение на повседневные требования, которые неким образом пребывают на другом полюсе жизни. Пытаются приобрести познания о природе. А как вы знаете, ботаника, зоология лишь в редких случаях пасторами и проповедниками возвещаются людям в послеобеденных проповедях в какой-либо связи с высшими откровениями. Возвещаемое там о Царстве Небесном не нисходит до земли. И разъяснение непосредственных требований, окружающих нас каждый час, каждую минуту, люди ищут на другом полюсе; так же и о социальных требованиях с этого другого полюса высказывается естественнонаучное мышление. И вы видите как то, что люди сегодня думают о требованиях повседневной жизни и то, что из Небесного Царства возвещается пасторами, стоит одно рядом с другим. Перед нами два мира, которые не соприкасаются между собой. Люди хотят – когда действительно хотят – работать, хотят также иметь мысли о работе, затем, когда работа исполнена, услышать о том, как обстоит дело со смертью, бессмертием, божественным. Но это два совершенно разделённых мира. И что это обстоит так, что люди не имеют потребности связать воедино эти два мира, что люди, с одной стороны, – об этом я говорил недавно с иной точки зрения, – хотят думать о капитале, деньгах, кредите, рабочей силе и т. д., а с другой – о моральных, этических требованиях, что люди из того, что говорится о духе, не извлекают в то же время мыслей о повседневной жизни, где Бог или боги открываются не менее, чем в другой сфере, – в этом состоит большое несчастье современности. Это нужно увидеть прежде всего, если хотят понять, почему для человечества настали столь катастрофические времена. *Людям опять нужна наука, которая, говоря о высочайшем божественным, в то же время была бы в состоянии войти в повседневные нужды.* Иначе эти повседневные нужды останутся в том хаотическом строе, который видят ленины и Троцкие. И учения, возвещающие о тайнах неба, останутся – если будут так, чисто эгоистически согревать сердца – бесплодными для внешней жизни.

Но в будущем так быть не должно. В будущем не должно читаться воскресных послеобеденных проповедей, в которых люди хотят сделать согревающими свои эгоистические религиозные потребности, чтобы затем лишь с внешними, низменными мыслями снова войти в лишённое Бога повседневное и только таким его и видеть. В сфере духа уже возникло большое требование, которое время ставит перед нами. *Порядок приёт в наше время не ранее, чем люди согласятся принять во внимание то, о чём здесь говорится.*

Но с этим связан целый ряд импульсов времени. Мы стоим в их середине, а не в конце. В полном сознании я говорю: мы стоим не в конце, мы стоим в середине времени борьбы, в том времени, в которое в среде человеческого развития разыгрываются хаотические события, такие события – я часто об этом говорил, – у которых люди должны учиться. К сожалению, многие ничему не научились у событий, происшедших за последние четыре с половиной года, и их мышление осталось тем же, каким оно было четыре с половиной года назад. Разыгрываются события, несущие внешнему человечеству или, более того, жизни внешнего человечества раздор и борьбу. Конечно, войны и раздоры происходили и в прошлом, но войны и раздоры нашей эпохи носят совсем иной характер. Этот их особый характер мы можем увидеть, если не останемся на поверхности, а заглянем вглубь, если мы поймём что сегодня на поверхности разыгрывается многое из того, что должно бы было разыгрываться во внутреннем людей.

Вы можете легко понять, что с принятием нового откровения небес должно быть связано углубление внутренней человеческой природы. Это углубление внутренней человеческой природы вносит в души определённого рода внутреннюю борьбу. Эта возможность внутренней душевной борьбы не должна ввергать нас в пессимизм, ибо только благодаря ей человек может стать в будущем сильным. Человек, который сегодня этого ещё не хочет, склоняется к тому, чтобы носители его вероисповедания, пасторы, набрасывали некоторого рода покров на то, что ещё подсознательно живёт в душе. Они должны творить тепло его душе, они должны его утешать, они должны рассказывать ему только прекрасные истории о намерениях Бога по отношению к человеку, без того, чтобы человеку при этом было необходимо что-то делать. Но в ближайшем будущем намерения богов будут связаны только с тем, что человек может делать сам. Человек должен пройти через внутреннюю душевную борьбу, которая сделает его сильным. Мы не должны рассматривать будущее как что-то более удобное, чем прошлое или настоящее. Такой кажущийся идеал есть не более, чем современное средство одурманивания, – это ложь, это обыкновенный вильсонизм. Говорить о том, что с помощью дважды семи пунктов – я не знаю, мыслятся ли они мистически, тогда это мистика дурного сорта – можно создать совершенно иную эпоху, значит впадать в совершенно особую форму современного суеверия.

Что касается будущего, то внешняя жизнь там не станет удобнее. Человечеству в оставшийся период развития Земли придётся взвалить на свои плечи ещё большие неудобства, чем те, которые оно имеет теперь. И оно это сделает, потому что через внутреннюю душевную борьбу люди – каждый в отдельности – станут сильнее. Если мы посмотрим сквозь завесу явлений, то мы не увидим такого мира, в котором боги сказочно мирны, а люди ведут тихую жизнь, поживая каждый в своей постели, как это нередко измышляют, и что это есть не более, чем иная форма тунеядства. Нет, такого не будет! Если мы проникнем сквозь покров феноменов, то не увидим божественно-духовной сонной жизни, но – божественно-духовную трудовую жизнь иерархий. И что нам тогда, прежде всего, бросается в глаза, так это великая борьба, ведущаяся за сценой физически-чувственного мира между мудростью и любовью. И человек включён в эту борьбу. В течение долгого времени он этого не сознавал; в будущем он будет всё более и более сознательно включаться в эту борьбу, происходящую в мире между мудростью и любовью. Ибо человек должен будет во всём происходящем, где подобно маятнику постоянно происходит качание между мудростью и любовью, вставать то на сторону мудрости, то на сторону любви. Ибо благодаря маятникообразным ритмическим колебаниям, а не сонному покою, осуществляет себя бытие в мире.

Борьба между мудростью и любовью разыгрывалась как в древние атавистические времена, так и в недавнем прошлом, вплоть до настоящего времени, но в подсознательных подосновах человеческой души. Там внизу, где бессознательно пульсируют инстинкты, Дух Мудрости противостоит Духу Любви, а Дух Любви – Духу Мудрости. Но в сознание это начинает входить только в нашу эпоху развития души сознательной. Человек должен выдержать эту борьбу в самом себе. В этой внутренней душевной борьбе, разыгрывающейся в человеческой природе, он будет становиться всё сильнее и сильнее. Хотя сегодня люди противятся этому внутреннему развитию. Они его чувствуют и боятся, им не хватает мужества для этой внутренней борьбы. Содержащееся в книге "Как достигнуть познания высших миров" должно вести человека к победоносному окончанию этой внутренней борьбы. Но это неудобно для людей. Они в ужасе отшатываются от этого, у них нет мужества выдержать эту внутреннюю борьбу. Таков знак времени, что люди не хотят переносить эту внутреннюю борьбу, что они от неё бегут, что они ещё не хотят иметь дела с этой внутренней борьбой. А поскольку они не хотят иметь с ней дела внутренне, то она проецируется теперь вовне. Я указывал на это в одной из моих мистерий [*Место в драме-мистерии "Испытание души" (сцена 8): "Борьба, которую враг наш нам подготавливает, – Лишь образ той большой войны, Которую некая власть в сердце непрерывно, Враждуя с другими, должна вести".], где вы можете прочесть, каким образом то, что как внешняя борьба разыгрывается между людьми, является выражением внутренней борьбы. Вы там встретите вещи, которые описаны задолго до того, как разразилась нынешняя военная мировая катастрофа, но именно она и свидетельствует об истинности написанного там. Там показано, что всё, ныне разыгрывающееся во внешней борьбе – в другие эпохи борьба носила иной характер, ибо всё изменяется, всё метаморфозируется, – является борьбой, вырвавшейся из внутреннего людей наружу. Но должно прийти другое: люди должны принять внутрь то, что они сегодня надеются разрешить через внешнюю борьбу. Поле битвы во внутреннем людей – вот в чём состоит целительное средство для того, что таким разрушительным образом выступает теперь среди людей. Не ранее, чем это внутреннее поле битвы вступит в человеческие души, сможет утихнуть то, что внешне, как столь ужасная катастрофа, пришло в среду людей. Ибо это внешнее есть не что иное, как то, что люди проецируют вовне, поскольку не хотят вносить его во внутреннее. Всё остальное есть лишь видимость, но это – действительность.

Это обстоятельство, опять-таки, принимает в расчёт антропософски ориентированная духовная наука. Она принимает это в расчёт благодаря тому, что не занимается какими-либо антикварными учениями, а фактически хочет внести в среду современных людей то, что в смысле настоящего времени и будущего неким образом приобретает значение нового откровения небес. Это различие необходимо делать, иначе подразумеваемая здесь духовная наука будет смешана с другими вещами, к которым она не имеет никакого отношения. Вы не должны духовную науку, ориентированную антропософски, возвещать тем же образом, каким хочет в современности быть возвещённым многое другое, являющееся, в сущности говоря, делом прошлого. Антропософски ориентированная духовная наука должна говорить к полному, ясному сознанию человечества. Однако говоря это, мы уже оскорбляем тщеславие многих. Ибо современные люди полагают, что все они обладают исключительно ясным, светлым мышлением. Но вы только понаблюдайте, как это проявляется; понаблюдайте, что происходит, когда речь заходит о духовных событиях, и вы увидите, сколь недалеко можно уйти с этим полным, ясным мышлением. Социальные и, если хотите, военные проблемы современности, они могут быть решены не иначе, как с помощью ясных новых мыслей, которым должно быть обучено мышление, ориентированное на новое откровение духовного мира, того мира, который идёт от добрых Духов

Личности. Поскольку духовная наука в этом отношении так нова, поскольку она встречает враждебность от всего того, что не хочет активно, по-настоящему проникнуть во всё это новое. Ибо для развития, поистине, нужна добрая воля.

Следует сказать, что нерв духовной науки, какой она здесь имеется в виду, совершенно отличен от всего, что проистекает из прежних откровений. Я уже не раз указывал: сегодня можно часто встретить, как люди, желающие что-то изучить о тайнах бытия, обращаются к старым развлекательным романам, содержащим атавистические учения о ясновидении. Как подчас воодушевляются люди, найдя книги, не содержащие ничего из современного естественнонаучного познания и способные дать им разъяснения о том, чего теперь уже не знают, но, что было известно прежним (древним) людям, которые ещё говорили о соли, о ртути, сере и подобных им вещах. Само собой разумеется, стоящие в этих книгах возвышенные вещи заслуживают всяческого уважения. Но в мире происходит развитие, и то, что было хорошо для прежних эпох, не является таковым для настоящего времени. В прежние эпохи люди по-своему могли проникать в смысл того, что стояло за словами: соль, Меркурий, сера. Современность же должна искать новое. Поскольку ваш дух стремится к исцелению человечества, то это новое не должно остаться без внимания, потому что оно служит этой цели. Совсем иначе, чем старое, должно быть образовано это новое. В этом состоит основное различие между новым и старым. Старое развило грандиозное миропонимание, понимание того, что пребывает *вне человека*. И то, что ещё у таких умов как Парацельс или Яков Бёме происходило из древней мудрости, являлось глубоко идущим пониманием мира. В последствии это понимание мира обратилось на понимание человека. Человека понимали исходя *из мира* – это составляло основной характер древней мудрости. Как вовне, в природе через различные элементы открывается духовное, а также духовные существа на различных ступенях, – это могли, до определённой степени, созерцать с помощью атавистического ясновидения, чего уже не способны делать теперь. В великой всеобъемлющей природе сначала познавали планетарную, звёздную жизнь, затем элементарную – с помощью элементов, с помощью соли, ртути, серы; а затем уже могли спрашивать себя: А как всё это пребывает в человеке? *От мира шли к человеку*.

Этот путь больше не является тем путём, по которому люди будут проходить развитие в настоящее время и в ближайшем будущем. Яков Бёме ещё мог сказать: соль, Меркурий, сульфур-ртуть, сера. Мы же должны говорить по-другому, поскольку нам надлежит идти противоположным путём; противоположный путь – это путь будущего. *Мы исходим от человека*, мы вначале познаём человека, а от понимания человека переходим к пониманию мира. Этот путь познания намечен в моём "Очерке Тайноведения", а в будущем он вообще будет единственно приемлемым путём. Мы говорим не о соли, мы говорим о том, что живёт в человеческом организме, в системе нервов и чувств как процесс, развивающийся в обратном направлении, и, таким образом, принимаем систему нервов и чувств, как идущее в обратном направлении развитие. Раньше смотрели на природу, на всё то в среде элементов, что обусловлено солью. Вовне видели то же самое, что видим мы, созерцая нервно-чувственную систему с точки зрения духовной науки. Раньше смотрели на внешнюю природу, чтобы по-своему прийти к пониманию мира ртути. Мы смотрим внутрь человеческого организма и находим ритм. Вся ритмическая жизнь в человеке – мы часто на это указывали – является в нём тем же самым, чем вовне является Меркурий. Мы смотрим на человека, стараемся его понять, и *от понимания человека приходим к пониманию мира*.

Мы должны в нашей жизни понимать всё духовное согласно новым великим откровениям. Из старых откровений, которые от понимания мира или

к пониманию человека, изошли все древние религии и предания, живущие ещё до сей поры в антикварных мировоззрениях. Для человечества они плодотворны лишь в том случае, если их рассматривать исторически, если пытаться достойным образом пережить прошлое. Религиозные вероисповедания, в конечном счёте, также происходят из этого источника. Сегодня человек стоит в начале нового пути, где он понимание человека должен расширить до понимания мира.

Это должен быть новый путь, мои дорогие друзья, а с ним связано очень многое. В чём состоит это многое, вы можете увидеть на примере того, каким образом пытаются судить об этом строении [* Имеется в виду первый Гётеанум. (Прим. пер.)]. Вы знаете, как я в различных местах с особой силой подчёркивал, что это клевета – пусть со стороны многих не субъективная клевета, хотя тем, кто нашего здания не понимает, не следует и говорить о нём, – что это объективная клевета, когда говорят, что в этом строении то либо иное представлено "символически". В этом здании ищут какой-либо символ, но не находят его. Символов в нём нет нигде! Здесь пытались творить, исходя непосредственно из духовного мира, творить не символы, а духовную действительность, какой она открывается сегодня. В символах же людям говорили в прошлом. Прогресс в развитии человечества состоит как раз в том, что созерцания, действовавшие через символы на инстинкты, вносятся теперь в полное сознание, где будет созерцаться действительность, духовная действительность.

Эти созерцания духовной действительности требуют определённой активности духа. Созерцание же символов оставляет людей в некоторой степени спящими. Недавно я вам рассказывал, как это происходит, например, с масонами, которые утверждают, что они очень рады тому, что им не объясняют их символов; здесь всякий может думать, что ему хочется и даже видеть достоинство в том, что о символах не приходится думать, а давать им действовать на себя бессознательно. Всё это осталось от старых времён и должно быть метаморфизировано в новое. Символика, как вы знаете, не играет решительной, существенной роли в том, что мы здесь называем антропософски ориентированной духовной наукой. О ней приходится говорить во многом заново. А когда временами указывается на символы, то их при этом употребляют как некоего рода "символы-перила", способные проиллюстрировать то либо иное, или указать созвучие между найденным заново и тем, что как антикварное, старое осталось от прошлого.

Но всё это некоторым образом базируется на человеческой природе, и то, что я сейчас говорю, приведёт нас завтра к рассмотрению социальной жизни, где всегда возражают, в первую очередь, против того, что выступает как действительно новое; и возражают, большей частью, те, кто являются, до некоторой степени, хранителями, охранителями старого. В этой связи находится тот факт, что новая, антропософски ориентированная духовная наука встречается враждебно именно теми людьми, которые рассматривают себя хранителями старого. Но это не может помешать антропософски ориентированной духовной науке идти своим путём, который, в то же время, является необходимым и само собой разумеющимся путём нового человечества.

Кое-кто из вас знает, что также и в наших кругах для тех, кто хочет иметь с этим дело, трудно удержаться от того, чтобы не заняться изложением сущности оставшихся от древности символов и ритуалов, но в ином смысле, не так, как это делается в тех случаях, когда за символами и ритуалами признают большую ценность, но в антикварном смысле, чтобы сохранить непрерывность человеческого развития, для этого сегодня необходимо прийти в определённое отношение к ритуалу и символическому. Но никому в наших кругах не следует считать ритуал и символическое за нечто такое, что ведёт к духовной

действительности, что должно непосредственно вчленять духовную действительность в современные ценности. Поэтому именно в среде антропософски ориентированной духовной науки даётся объяснение всего ритуального и символического, существовавшего в прошлом. Следует показать, как ставшая теперь антикварной мудрость воспринимается людьми на иных путях, как она ввергает людей в состояние несвободы, но как при этом должен быть проторен другой путь мудрости. Эти другие пути мудрости, они неудобны для многих людей, особенно для хранителей прошлого, желающих убаюкивать человечество достояниями мудрости прошлого. Нет смысла говорить сорокалетнему человеку: ты можешь стать понятливым, можешь стать способным снова учиться, если помолодеешь на двадцать лет. Несомненно, будь ему двадцать лет, он бы был способен учиться. Но этого быть не может. Развитие человечества нельзя повернуть назад. Нельзя рекомендовать человечеству делать то, что было приемлемым в древние эпохи Земли. И тем не менее это приемлемое в прошлом как раз сегодня хотят распространять приверженцы вероисповеданий и всяческих объединений. И в противопоставлении старого тому, что хочет распространиться среди людей, и что единственно может служить здоровью человечества, заложено многое из того, что ведёт к катастрофическим процессам нашего времени.

Иметь это в виду - исключительно важно. Быть во внутреннем, глубочайшем смысле человеком, значит связать себя с тем, чего новое откровение небес хочет от земного развития - лишь в этом теперь заключается всё дело. И без этого также и внешние экзотерические проблемы человечества будут терпеть крушение. Сегодня необходимо иметь такую духовную науку, которая была бы достаточно сильной, имела бы понятия, способные захватить, привести в движение человеческие души по всей земле - конечно, различными способами, как я вам это излагал, - приводить их в движение повсеместно. В будущем станет невозможно жить односторонне, станет невозможно, с одной стороны, изо дня в день жалким профаном взирать на жизнь, а с другой - посещать церковь или храм каменщиков. И эти два мира оставлять совершенно разделёнными, так, чтобы церковь или храм каменщиков не имели никакого понятия о том, как следует организовать внешнюю социальную жизнь. И социальная жизнь шла бы своим путём, не имея в себе ничего из того, что некоторым образом желаемо внутри, желаемо в подсознании человека благодаря ритуалу и символам. *В будущем будет говорить к сознанию человека.* Это важнее любой симпатии и антипатии к старому или новому, ибо из понимания должно совершаться всё, чему надлежит совершиться; не из симпатии или антипатии должно это прийти. Вы видите, нерв понимания духовного мира состоит в том, что все вещи, остающиеся от прошлого, делаются внутренними, что внешнее становится внутренним. Ибо таким путём это в той же мере, как и прежде, свято вносится в человеческое сознание. Эта тенденция должна занять место внутри нового развития человечества. Это единственная тенденция христианства XX столетия. Против этой тенденции, против намерения, указанного здесь, восстаёт, естественно, всё, что хочет удержать прошлое. Это связано с определёнными привычками мышления и ощущений большей части человечества, сохранёнными из прошлого. Прошлое потому удобнее людям, что оно не требует понимания. По этой же причине духовная наука не удобна для людей. Они должны эту духовную науку понимать. А понять её можно, если воспользоваться здоровым человеческим рассудком во всеобъемлющем смысле. Её можно понять, но её охотнее не понимают! Сегодня больше стремятся к непониманию, чем к пониманию. Поэтому ещё долго духовная наука, какой она здесь имеется в виду, будет встречать враждебность за враждебностью. Иное из этой враждебности бывает вполне доброжелательным, но оно легко превращается в противоположность доброжелательности. Врагами духовной науки - на что я часто обращал ваше

внимание, – желающей свободно и непредвзято, в духе современных представлений говорить людям о высочайших духовных вещах, всё вновь выступают представители тех направлений, которые склоняются к старым церковным формам вероисповедания, к организованным на всевозможные старые лады масонским и тому подобным сообществам. Это, в некотором роде, естественные враги. Нужно полностью понимать враждебность! Так же и в этой области духовной науке подобает, как само собой разумеющееся, иметь ясное понимание сути дела, а не туманное недопонимание. Современная антропософски ориентированная духовная наука не нуждается в том, чтобы выступать как образованное по старому образцу общество – и этому нечего удивляться, – ибо ему нет нужды идти путём, по которому прежде шли тайные общества или идут ещё сегодня. Эти пути современное человечество хочет исключить из своей среды. Сегодня в открытых, экзотерических кругах говорят о прекращении тайной дипломатии. И я думаю, с правом, с полным правом! Кто в этой области изучает историю, тот знает, что тайная дипломатия есть не что иное, как последний отпрыск образа воззрений старых тайных обществ. Должно быть преодолено и кое-что другое из того, о чём многие люди говорят как об основном требовании. Примечательно, как много непонимания можно пережить в этой области. Один господин, о котором я вам уже не раз говорил, прислал мне манускрипт, где говорит об "Очерке тайноведения", примерно следующее: тайноведения, собственного говоря, не может существовать, ибо наука может существовать только открыто и потому говорить о тайной науке, значит злоупотреблять словами. – Но ведь это полная бессмыслица. Я же не называл книгу "Тайная наука", что было бы подобно тому, если сказать: "естественное знание". Как не существует "естественного знания", но "естествознание", так существует открытое "тайноведение", то есть наука о том, что может быть названо интимным, тайным. Так что, всё сводится к точному пониманию слов. При этом не следует думать, что если речь идёт об "открытости", то в таком случае сообщается обо всём: многое ещё из того, что высказывается экзотерически, долго останется эзотерическим. Ибо многие экзотерические книги, из тех, что можно купить повсюду, для многих людей – из вежливости я не говорю: для большинства – остаются поистине эзотерическими книгами. Некоторые книжечки реклам-серий, которые можно купить за пару сантимов, для многих людей остаются по своему содержанию исключительно эзотерическими. Но речь идёт не об этом, а о том роде связи с вещами, в которую хотят вступать люди. Сделанное отступление мы ставим в скобки, ибо главным образом я хочу обратить внимание на необходимость старые, антикварные тайные мотивы заменить кое-чем другим.

Жизнь тайноведения в среде человечества является иной, чем та, которую столь тщательно опекают через всевозможные тайные союзы. Эти тайные союзы, которые сегодня можно просматривать насквозь – они вовсе не являются тайными для тех, кто этим занимается, – эти союзы неправомерным образом хотят сохранить принцип тайны, неким образом сохранить его в своих обычаях, в своей структуре. Это есть нечто более важное, чем многое другое. Ведь вы все знаете, что существуют тайные общества того или иного рода, общества, исходящие из вероисповеданий, общества, ведущие людей особым образом, вырабатывая особый род отношений человека к человеку, внося то либо иное в человеческую жизнь тайным образом. С течением времени, естественно, в подобных тайных обществах возникли всевозможные нюансы, доводящие подчас до ножей отношения между ними; в некоторых случаях эта борьба была вполне оправданной. Но то, что живёт в человеческих сообществах, стоящих на позициях антропософски ориентированной духовной науки, это не нуждается в защите того рода, к которой прибегают тайные общества, защищая свои тайные обычаи. Нет нужды то, что выступает внутри антропософски ориентированного духовного движения, защищать с особым

искусством или особыми средствами. Я сообщу вам простейшее средство, с помощью которого может осуществляться защита того, чем является антропософски ориентированное духовное движение. Для защиты того, что совершается на почве антропософски ориентированного духовного движения не нужно ничего другого, как только говорить истину и не лгать! Кто говорит правду об антропософски ориентированной духовной науке – а всякий человек имеет своим долгом говорить правду – тот её защищает; я знаю, что говорю, утверждая это. И никакой другой защиты для антропософски ориентированной духовной науки не нужно, поскольку долгом каждого человека является давать отпор лжи.

Этим я обращаю ваше внимание на нечто особенно важное, что стоит в связи с принципом антропософски ориентированной духовной науки. Антропософски ориентированная духовная наука не ищет окольных путей, но говорит к людям таким же образом, как это делает современная наука. Только в терминах этой науки духовная наука, если можно так выразиться, говорит о том, что в настоящее время небо хочет открывать людям. И это есть нечто такое, что должно быть понято. Это есть нечто такое, что духовную науку, как таковую, а не общественную жизнь, ставит на передний план; ставит на передний план объективно, а Общество делается только её носителем.

Примерно восемь дней тому назад я говорил здесь, что необходимо делать различие между антропософски ориентированной духовной наукой и всем прочим. Это отличие нужно вполне осознать, иначе будет упущено важнейшее в современном развитии человечества, чего упускать ни в коем случае нельзя, если честно хотят найти отношение к насущным, способным действовать исцеляюще в катастрофическом настоящем и будущем, импульсам.

Можно надеяться, что действительно будет найден новый способ образовывать суждения, способность распознавать то, что как новое выступает в развитии человечества. Не обветшалое следует сравнивать с тем, что из краеугольных требований земного развития стремится внести в современность и ближайшее будущее те вещи, которые должны быть внесены, чтобы возникшее под влиянием старого могло быть заменено новым под влиянием новых импульсов.

Представьте себе: старое развитие христианства длилось около двух тысяч лет. В первые столетия оно было другим, чем сегодня; это знает каждый, кто изучает христианство. Сегодня христианство вновь должно стать другим. Но тот, кто исследует происходившее последние четыре с половиной года, тот может на этом пробном примере увидеть, насколько это старое ответвление, не христианства, а некоего христианского воззрения, оправдало себя, а насколько не оправдало в связи с современными катастрофами. Конечно, если оставаться в абстракциях и всеобщностях, то можно утверждать всё, что угодно. Ибо в абстрактных мировоззрениях существенное заключается в том, что абсолютно всё они облачают в абстрактные формулы.

Когда подходят к понятиям и идеям, которые я вам недавно изложил, как краеугольные социальные идеи будущего, идеи трёхчленности, то эти идеи, в том виде, в каком они были даны в последнее воскресенье, соответствуют действительности и в силу своей конфигурации охватывают действительность. С этими идеями можно охватить только действительность, они подходят для действительности. Абстрактными же идеями можно охватить всё. О действительных идеях можно говорить так, как это делаю я с различными людьми, к которым обращаюсь. Я говорю им об идее трёхчленности, но не как убеждённый догматик: "Ты должен это принять или будет плохо!" – С действительными идеями так поступать нельзя. Поэтому я говорю людям по-другому. Я говорю, что в эти идеи не следует верить как в догмы, но следует начать где-либо с действительности, и тогда уже в самой действительности

станет ясно, что она может быть с их помощью обработана. Вероятно, когда готовы обработать лишь небольшую часть действительности, то всё обстоит иначе.

Я бы несколько не удивился, если бы в действительности, когда идеи пришли бы в ней к своему осуществлению, не осталось камня на камне от всего, что было в неё внесено ранее. Если идут вперёд не догматически, то не держатся столь цепко за программы, как это делают любители создавать программы, общественные планы и статуты, но дают проступить тому, что хочет сложиться в действительности; тогда это оказывается применимо к действительности. Нужно только начать! Может быть впоследствии придут совсем другие идеи, чем были вначале. Всё, что соответствует действительности, состоит именно в том, что оно может измениться в ходе жизни, а жизнь изменяется постоянно. Дело заключается не в том, чтобы иметь прекрасные идеи, а идеи, соответствующие действительности, которые высказывают не абстрактно, но живо, чтобы их можно было привить действительности. Поэтому, естественно, они ужасно легко уязвимы для абстракций. Новое в антропософски ориентированной духовной науке состоит не только в том, что там думают новое, но и в том, что *думают по-новому*. В этом-то и заключается всё дело, что, думая по-новому, погружаются мыслями в действительность и живут в ней. Абстракциями вы можете доказать всё. Пользуясь абстракциями, если они относятся к Богу, вы бы могли сказать, будучи бравыми монархическими подданными, что король занимает трон Божией милостью. – В настоящее время этому королю может быть преподан урок: Божией же милостью он его и теряет! Когда пользуются абстракциями, то могут чёрное и белое поменять местами, могут утверждать, что Бог предводительствует войсками и одной и другой стороны. Если же стремиться к истинной действительности, которая лежит в основе антропософски ориентированной духовной науки, то дело заключается в том, чтобы абстрактный подход к жизни, *абстрактные заявления, столь разрушительные для действительности, заменить соответствующим действительности мышлением, словами, которые исполненными жизни погружаются в действительность и звучат из самой действительности*. Мышление, которое не только мыслит нечто новое, но мыслит по-новому, по сравнению с прошлым, оно стремится к идеалу: "Не я но Христос во мне", – как его выражает апостол Павел. Ибо Христос стремится привести в созвучие внешне человеческое с внутренне человеческим.

Это должно стать идеалом для всех человеческих стремлений.

ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Дорнах, 21 декабря 1918 г.

Когда в наших сердцах вновь оживает звучащее столетиями изречение об открывающихся божественных тайнах в высях, а на земле о мире для людей доброй воли, то в наше время в таких сердцах с особой силой встаёт вопрос: что, в смысле земного развития людей по всей Земле необходимо для того мира, о котором говорится в Евангелии? Мы уже вторую неделю говорим о том, что необходимо людям по всей Земле особенно в наше время. И если мы хотим свести в одно единственное предложение многое из того, чему дали мы в последние дни пройти через наши души, то мы можем сказать: людям необходимо стремиться ко всё более и более полному и всестороннему пониманию.

И здесь сливаются воедино поиски истинного всестороннего человеческого понимания с тем, что было изложено вчера, как краеугольный импульс, о котором говорит антропософски ориентированная духовная наука. Эта антропософски ориентированная духовная наука стремится увидеть то, что не может быть увидено внутри мира и его развития. Но когда смотрят на то, что должно возникнуть в человеческой душе благодаря такому пониманию мира, то видят не кажущееся, иллюзорное, а истинное содержание современного социального требования, которое состоит в том, чтобы вызвать среди людей всесторонне, действительное понимание. К этому пониманию люди по всей земле должны стремиться, с одной стороны – честно, а с другой – сильно. Сегодня это можно делать лишь в смысле активной духовной жизни, такой духовной жизни, которая хочет не просто пассивно отдаваться миру, но хочет быть внутренне деятельной, чтобы, участвуя в импульсах бытия, прийти к действительному пониманию мира и человека. Вчера я говорил о том, что мы живём в эпоху, когда новые духовные откровения проникают через покров внешних явлений. Эту истину принимают недостаточно серьёзно. Ибо только тем, кто её принимают с полной серьёзностью, оказываются по плечу те требования, которые наше время ставит перед каждым отдельным человеком, желающим быть бодрствующим в жизни.

Теперь, если вы вернётесь в мыслях к некоторым рассмотрениям, которыми мы занимались в течение прошедших недель, то поймёте, что достичь понимания людям на земле не так просто, как считают многие. Мы старались осветить особенности народных групп на Западе, на Востоке и в Средней Европе. Мы постарались, исключив всякую симпатию и антипатию, понять, каковы глубочайшие особенности народов на Западе, в Средней Европе и на Востоке. Для чего мы это делали? Нам стало известно, что наша эпоха есть эпоха особого развития интеллектуальности, что эта интеллектуальность у западных народов, а именно, у народов, говорящих по-английски, выражается таким образом, что она изживается инстинктивно, действует, как инстинкт; у народов же Средней Европы интеллект не действует инстинктивно и, вообще, не является врождённым, но должен быть развит путём воспитания. Мы указывали, что это очень значительная разница между народами Запад и Средней Европы. Затем мы указывали на народы Востока и было при этом сказано: там развитие интеллекта выражается таким образом, что народы Востока, прежде всего, противятся тому, чтобы пробудить в своей жизни интеллектуальность, потому что они хотят её сохранить для познания Самодуха в будущем.

Мы указывали и на другие различия, имеющие место на земной поверхности, и сегодня спросим себя: "Почему мы ввели эту дифференциацию? Почему пытались мы с точки зрения действительности охарактеризовать здесь различные народные группы в разных частях земли?" Мы пытались это сделать потому, что в будущем нельзя будет обойтись простым "любите друг друга", что в будущем люди на земле только тогда поймут свою задачу, когда будут знать, что действует в той или иной части земли, когда смогут осознанно смотреть на те особенности, которыми обладают различные народные группы. Если при этом могут вознестись к ощущениям, с необходимостью присущим такому пониманию, то это непременно повлечёт за собой и само понимание. Ощущения же, которые необходимы, состоят в том, что когда, вообще, начинают подобным образом характеризовать людей в разных частях земли, то иссякает стремление делать оценки таким же образом, каким судят о человеке на основании его моральных качеств. Если хотят охарактеризовать народ, то для этого не годятся оценки, с которыми подходят к отдельным людям. Существенным в индивидуальном развитии человека на земле является как раз то, что человек, как отдельное существо каким он здесь пребывает, развивает мораль. Мораль может развить только отдельный человек, мораль не могут развивать группы

людей. Было бы злейшей иллюзией верить и в дальнейшем, что человеческие группы или, как теперь любят говорить, народы могут вступать между собой в такие же отношения, как человек с человеком. Кто в состоянии со всей конкретностью понять, что такое человеческие группы или народы, тот увидит, что народы – мы знаем об этом из цикла о народных душах – ведомы существами из иерархии Архангелов. И потому отношениям между народами ни в коем случае нельзя приписать того же самого, что можно увидеть в отношениях между двумя отдельными людьми. Сущности народов открываются перед божественными существами, а там имеют место иные оценки, чем между двумя отдельными людьми. Человек как индивидуум в ходе своего развития для того отрывается от всего народного, чтобы мочь целиком войти в то, что называют моральным миропорядком. И этот *моральный миропорядок есть дело индивидуально человеческое.*

Такие вещи должны быть поняты через действительное познание. Истинный прогресс христианства в наше время состоит в том, чтобы были поняты подобные вещи. Я говорил, что мы живём в такое время, когда Духи Личности неким образом восходят к творческой деятельности, становятся творцами. Это исключительно важно, ибо, когда они становятся творцами, через покров явлений проникает нечто такое, что вчера было обозначено как новое откровение. Таким образом, Духи Личности обретают творческий характер и становятся по своей сущности близкими к тому характеру, каким обладали Духи Формы в земном развитии с Лемурийской эпохи. Так человек оказывается перед совершенно изменившимся образом мира. Это нужно осознать, ибо крайне важно в наше время, что человек встаёт перед изменившимся образом мира.

Следует сказать, что этот образ мира приходит, в некотором роде, пользуясь выражением Гёте, из "седых глубин духа".

Если духовнонаучно оглянуться на историческое развитие человечества, то в дохристианские времена, может быть в очень давние дохристианские времена, можно увидеть, что люди тогда древним, инстинктивным образом обладали широким знанием мира, обладали в тем большей степени, чем дальше мы идём назад. Это знание мира вызывает тем большее благоговение, чем в большей мере им овладеваешь. В конце концов приходишь к факту, что в исходном пункте развития Земли большая сумма мудрости была излита в земную жизнь человечества, а затем постепенно исчезла, как бы впитавшись в эту жизнь. И как бы удивительно это ни звучало, но именно в период наибольшего упадка этого знания человечество было осчастливлено свершением Мистерии Голгофы. Всё, что люди знали ранее, к этому времени впало в человеческом сознании в хаос. И те, кто в этих вещах что-то понимает, единодушно говорят об этом факте: развитие, в которое вплетены люди, к тому моменту впало в невежество. – Но в это серое невежество, распростёршееся над человечеством, жившим, самое большее, преданиями из древних времён, ворвалось величайшее из земных откровений, Мистерия Голгофы – исходный пункт нового знания, исходный пункт нового откровения для человечества. При этом на многие столетия осталось и серое невежество, поскольку люди, в известном смысле, на нём настаивали.

Это становится понятно глубочайшим образом, если бросить взгляд на последние два тысячелетия и рассудительно спросить себя: "Что же, в конце концов, за эти два тысячелетия люди произвели из самих себя?" Вся мудрость, какую они имели до Мистерии Голгофы, независимая мудрость, она была древней традицией, она была наследием. Поймите меня правильно: я не хочу, само собой разумеется, утверждать, что человечество в течение двух последних тысячелетий не обладало никакой мудростью, и я не хочу ту мудрость, которую оно имело, обесценивать. Но при всём том следует иметь в виду следующее: та мудрость, которая существовала в древние

дохристианские времена и остатки которой прослеживаются в последнем столетии перед Мистерией Голгофы, та мудрость древних времён – хотя и инстинктивно – *созерцалась* людьми. И эта способность поставить себя в созерцающее отношение к содержанию мировой мудрости, была *утрачена*. До некоторой степени, как бы в исторической памяти, в историческом воспоминании, было сохранено то, что имелось в те древние времена. И, собственно говоря, даже Мистирию Голгофы, как я об этом говорил вчера, стараются облечь в древнюю мудрость, стараются выразить с помощью представлений древней мудрости, мудрости-воспоминания. Это длится столетиями. Предвестником нового проникновения людей в мировую мудрость, при этом даже, я бы сказал, отклоняя всё божественное, впервые выступает в новое время естественно научный образ мышления. Это есть нечто такое, что человек хочет выработать через собственную активность своей души. И дело заключается в том, как я часто подчёркивал, чтобы в будущем, рассматривая духовный мир антропософски, делали это тем же способом, каким со времён Коперника смотрят на чисто механический внешний строй природы. *Научиться смотреть на божественное также, как учатся смотреть в мире на внешнее, механическое со времён Коперника, Галилея, Джордано Бруно, – это есть та точка зрения, которой необходимо овладеть, если хо тят прийти к правильному пониманию нашего времени.*

Этому правильному пониманию нашего времени, естественно, противостоит очень многое. Необходимо, как вы знаете, для этого понимания сообщить такие вещи, какие, например, содержатся в моей книге "Как достигнуть познания высших миров?" Людям необходимо указать путь, на который должна встать душа, чтобы проникнуть в духовный мир, как Коперник, Галилей, Джордано Бруно старались проникнуть во внешне механический строй природы. Многие из тех, кому не достаёт глубокого понимания честолюбивых стремлений различных людей, могут легко удивиться тому, что именно против этого стремления указать путь, на который должна встать человеческая душа, чтобы проникнуть в духовный мир, с силой встаёт дух древнего вероисповедания, если его можно так назвать, особенно в форме иезуитизма.

Среди различных тупых обвинений, которые в течение этого года появились в трёх статьях, опубликованных в "Голосе времени" имеется и такое, что подготовка человеческой души к нахождению пути в духовный мир запрещается церковью. Это звучит сегодня для многих верующих, для многих, верующих в авторитет, как нечто особенное. Но это звучит так потому, что не хотят обдумать такую мысль: а разве эта церковь не запрещала исследований Коперника, исследований Галилея? Церковь поступала так с внешними исследованиями и нечего удивляться тому, что она также поступает и с внутренними исследованиями в области духа. Ведь она придерживается только своих старых привычек. Как до 1827 года католическая церковь, топорщилась против коперниканского учения, так топорщится она против проникновения в духовный мир. Но это проникновение в духовный мир совершенно конкретно, а не сводится к абстрактным толкам вокруг да около. Оно является возвышением над серым невежеством и осуществляется со знанием дела. Серому невежеству свойственно блуждать взглядом по миру, видеть народы, человеческие группы и говорить о них как о хаосе. Говорят о народах Запада, о народах Средней Европы, о народах Востока, но не делают между ними различий, не в состоянии их охарактеризовать. Самое большее, что ещё могут осознать, – это, что водителями отдельных народов являются Архангелы. Но не стремятся действительно познать характер отдельного народа, Архангела. Когда мы действительно смотрим на то, какова деятельность отдельных Архангелов на Земле, то это принадлежит к новым откровениям. Это фактическое, действительное возвышение человеческого сознания над землёй. Если не могут подняться от серого невежества к

умению делать действительные различия, то рожают ту пропасть, о которой я говорил вчера, что она разверзается между воскресной послеобеденной проповедью и интересами внешней жизни мира. Я говорил о том, как в области религиозного вероисповедания говорится о божественном мире и его отношении к людям, каким слабым всё это оказывается в действительном понимании потребностей людей на земле, не способным сказать людям нечто большее, чем: "Любите друг друга!" - Ведь это имеет так же мало значения, как если бы я сказал печке: "Отапливай комнату, это твой печной долг!" Подобное учение не имеет силы действительно захватывать сердца людей, если во всём остальном они вынуждены кишеть повседневными заботами, не находя никакой связи между ними и абстрактными тезисами, обычаями и догмами, трактуемыми о духовном мире. Эта пропасть сегодня господствует, и на этой пропасти хотят утвердиться вероисповедания.

Следует заметить, что расцветут весьма примечательные цветы благодаря существованию этой пропасти и желанию утвердиться на ней. Так, например, со стороны иезуитов антропософски ориентированной духовной науке будут противодействовать по той причине, что она проявляет стремление найти в человеке нечто такое, что, будучи развитым, ведёт людей к божественному. Но это ересь, ибо церковь учит - и она запрещает учить чему-либо другому, что Богу в его сущности нечего делать с миром, а так же субстанциональной идентичности нечего делать и с душой человека. - Кто утверждает, что душа человека в каком-либо отношении несёт в себе нечто от "божественного существа", является, с точки зрения католической церкви, в иезуитском понимании, еретиком.

В такое утверждение вползло внутреннейшее стремление этой церкви не позволить людям приближаться к божественному, отгородить людей от божественного. Догма принимает такую форму, в которой она должна не допускать людей к божественному. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, поскольку людям не позволяют приблизиться к Богу, то в пятой послеатлантической эпохе, которая должна принести душу сознательную, знание о мировых вещах принимает не божественный, а чисто ариманический характер. Ибо то, что мы сегодня считаем естествознанием, есть чисто ариманическое достижение - об этом мы уже часто говорили. При этом весьма примечательно, что *католической церкви милее ариманическое естествознание, чем антропософски ориентированное естествознание*; ведь сегодня она уже не считает ариманическое естествознание еретическим, а антропософски ориентированное естествознание поносит как еретическое.

Относительно этих вещей, особенно у просвещённого человека должна господствовать ясность. Ему необходимо понять, что на духовном пути должно быть предпринято то же самое, что предпринимается на пути естествознания, поскольку только благодаря этому может быть также и естественнонаучный путь убережён от ариманического заблуждения. Последний пришёл к заблуждению потому, что духовный путь смог выступить лишь позже его. Но начиная с настоящего времени и в будущем человечество должно прийти к тому, чтобы естествознание было вновь вознесено в его божественно-духовные выси и этим самым жизнь, в которой мы пребываем между рождением и смертью, должна быть снова соединена с той жизнью, из которой должна быть возведена духовная наука и в которой мы пребываем между смертью и новым рождением. Но это может произойти в наше время только в том случае, если мы будем иметь волю действительно понять жизнь на всей земле, понять её так, как она действует в человеке. Мы только тогда поймём также и отдельного человека, когда поймём характер человеческой группы, и только этим способом мы и будем в состоянии правильно смотреть на истинную действительность.

В недавнем прошлом я указывал вам на одно примечательное явление, способное изумить многих. Вкратце я повторю это. Как вы знаете, был в Швейцарии бравый профессор по имени Авенариус, который совершенно искренне считал себя вполне благонамеренным гражданином и не имел даже отдалённого отношения к каким-либо революционерам. Он основал учение, изложенное столь трудным языком, что его мало кто читает. Несколько более приемлемым языком выражался другой философ подобного же толка, действовавший в Вене и Праге, Эрнст Мах, который также считал себя бравым бюргером. Оба эти человека, видимо, совсем не обладали революционной жилкой. И вот, удивительное дело – я уже говорил об этом, – оба наши философа становятся официальными философами большевизма, большевики рассматривают их, можно сказать – если это выражение будет правильно понято, – государственными философами. По известному выражению, охотно употребляемому в мире, можно бы сказать: узнай эти философы, Авенариус и Мах, что большевики признают их за своих государственных философов, то они, вероятно, перевернулись бы в гробу. Я вам говорил, что люди только потому не понимают этого явления, что придерживаются абстрактной логики, но не логики действительности и фактов, не логики наблюдения. Но я бы хотел, несмотря на то, что это дело может оказаться лежащим от вас весьма далеко, ещё раз указать вам на всё это с иной точки зрения, хотел бы выделить в философии Авенариуса один пункт, который может привести нас к ответу на вопрос: как пришли Авенариус и Мах к тому, что стали государственными философами большевизма? Факт, что ни говори, показательный для заблуждений современности.

Видите ли, Авенариус поднимает разные вопросы, и если его словами говорить об интроспекции и тому подобных вещах, о чисто теоретико-познавательных понятиях, которые он развивал, то эта речь для широкого круга оказывается почти непонятной. И с помощью этой непонятной речи он поднимает некие вопросы, которые именно с духовнонаучной точки зрения весьма интересны. Авенариус поднимает такой вопрос: будучи одним в мире, смог бы человек увидеть разницу между тем, что содержится в его душе и тем, что пребывает во внешнем мире, разницу между субъектом и объектом? – Рихард Авенариус достаточно остроумен, чтобы сказать: только то соблазняет нас говорить о различии между субъектом и объектом, что мы, когда стоим против другого человека – если мы и не одни в мире, – полагаем, что всё, входящее в наш мозг, например, стол или что-то другое, содержится так же и в нём. На этом окольном пути, благодаря тому, что мы проецируем в его мозг тот же самый образ, который мы носим в себе, и благодаря чему всё дело принимает образный характер, благодаря этому отличаем мы вещи в нашей душе от вещей вовне, которым мы противопоставим, от предметов. Авенариус считает, что если бы в мире не было никого, кроме нас, то мы бы не говорили об отличии нашей души от внешних вещей, но рассматривали бы себя как единство, рассматривали бы себя слитыми с вещами, никогда бы не отличали себя от мира.

Можно в связи с этим сказать, что с определённой точки зрения Авенариус прав, утверждая это, а с другой точки зрения – совершенно не прав. Прав он постольку, поскольку, вообще, имеет какое-либо значение тот факт – о котором мы в ходе времени совершенно забываем, – что в самом начале жизни мы соприкасаемся с людьми; это имеет определённое значение. Это оказывает влияние на все наши представления. Если бы мы не соприкасались с людьми, то это было бы иначе, но не так, как считает Авенариус. Если с помощью духовного видения подойти к тому, что, собственно говоря, лежит в основе всего этого, то можно достичь истинного понимания. Мы бы несомненно имели совсем иной образ мира, если бы на своём жизненном пути в тот период, когда мы ещё не можем думать сознательно, мы бы не встречали других людей. Но здесь имеет место один удивительный факт: этот иной образ

мира содержал бы в себе духов, которые пребывают в основе мира. Так что, не в смысле Авенариуса мы не смогли бы отличить себя от мира, если бы были в нём одни и никого больше. Если бы мы были в мире одни – только представьте себе эту ужасную абстракцию, – то мы, конечно, не отличали бы себя от минералов и растений, но зато позади растений и минералов мы бы воспринимали божественно-духовный мир. Там, впрочем, не должно бы было быть и животных, так как они так же изменили бы картину мира. – Из этого факта следует, что совместная жизнь с людьми является причиной того, что наивным образом мы не воспринимаем духовного мира, находящегося позади растений и минералов. Между нами и тем миром стоят другие люди. Вы только подумайте: ценой невосприятия иерархий божественного мира приобретаем мы то, чем мы становимся благодаря совместной жизни на земле с другими людьми! Человек неким образом заслоняет божественный мир. Этого, естественно, не сознавал Авенариус и потому ввёл вопросы в ложную колею. Он полагал, что если бы не было других людей, то мы рассматривали бы себя в нераздельном единстве с миром, мы бы тогда не отличали себя от мира. Истина же заключается в следующем: мы бы, правда, не отличали тогда себя от других людей и от растений, и от минералов, но зато мы бы отличали себя от богов, которые нас тогда окружали бы. Такова истина!

Если вы это обдумаете, то скажете себе нечто такое, что сказать в наше время чрезвычайно важно: весьма примечательно, что во многих отношениях судьба нашего времени такова, что острейшие его умы лишь затрагивают важнейшие вопросы, лишь слегка касаются важнейших вопросов, а затем вводят их в ложную колею, по которой ведут их до тех пор, пока не уведут от понимания духовного. Радикальнее, чем именно Авенариус, вряд ли можно увести от понимания духовного. Ибо его философия остроумна, написана рафинированным профессорским языком и потому в наибольшей степени подходит для того, чтобы, усыпляя, уводить людей от духа. А если люди, засыпая, уходят от духа, то этот уход от духа они расценивают как необходимость, как нечто такое, что подобно математической необходимости. Если только они не замечают, что уведены от духа, то они принимают это за научное доказательство. Такова одна сторона дела.

Вы видите, таким образом, философов – всё сказанное относится также и к Маху, – внутренний нерв всего мышления которых состоял в том, чтобы *основать науку, радикально уводящую людей от духа*. Большевиком должен быть основан такой социальный строй, который *исключит всё духовное*; человечество должно быть социально так сгруппировано, чтобы дух при этом не играл никакой роли. Как видите, здесь имеет место внутренняя связь. Приходит в действие логика фактов. Не на внешнем основании, но по причине высшей степени внутреннего, сущностного родства стали Авенариус и Мах государственными философами большевиков.

Отсюда вам должно стать понятным, почему с обычными, ныне употребительными понятиями перед этими вещами просто столбенеют. Способны лишь удивляться: как это могли большевики сделать Авенариуса и Маха своими государственными философами? Но эту взаимосвязь сегодня можно уже разглядеть. Для этого нужно обратиться к духовным основаниям. Что мы здесь и сделали. При этом необходимо ещё указать на следующее. Спросим себя ещё раз: "А как бы это обстояло в действительности, если бы человек оказался один на нашей Земле?" Сегодня имеются попросту такие явления, и особенно в разнообразных отношениях людей друг к другу – здесь можно говорить как о духовных, так и о повседневных явлениях, – которые встают в жизни людей и как бы заволакивает их, поскольку в отношении к ним люди не в состоянии прийти ни к какому пониманию, если не рассматривают их духовнонаучно.

Не думайте, что так было во все времена. В старые времена подобные явления хотя и имели место, но они были людям инстинктивно понятны на основании древнего инстинктивного ясновидения. Затем, в течение большого периода "серого невежества" таких явлений в общении людей друг с другом не возникало. Теперь они выступают снова. И не только потому, что развились лишь души людей, мир развился, мир изменялся и проявил свои изменения, прежде всего, в человеческих взаимоотношениях; в ближайшее время эти изменения выступят также и в отношении человека к другим царствам природы. Не понятой останется человеческая жизнь в настоящем и ближайшем будущем, если её, эту жизнь, не захотят рассматривать духовнонаучно. Иллюзия за иллюзией будут увлекать человеческие души, если не захотят прибегнуть к духовнонаучным понятиям.

Здесь присутствуют некоторые из тех, кому я в начале военной катастрофы всё снова и снова говорил, что о так называемых всемирно-исторических событиях последних столетий можно писать на основании архивных свидетельств, когда, в основном, занимаются тем, что разыскивают эти свидетельства, всевозможные зацепки и тому подобные исторические записи. О возникновении же этой военной катастрофы так писать нельзя. Ибо, если только раскапывать в архивах всяческие материалы, то за пределами внимания остаётся то, каким было душевное состояние именно тех людей, которые принимали участие в возникновении этой войны, как это состояние души допустило проникновение ариманических сил в земной механизм, и как благодаря этому ариманическими силами были вызваны причины, приведшие к этой военной катастрофе. - Если не захотят духовнонаучно изучать исходный момент этой военной катастрофы, то этот момент так и останется тёмным. В самой военной катастрофе находится требование к людям учиться у неё. Многому можно научиться от того, что произошло в последние четыре-пять лет как следствие того, что было ещё раньше. Прежде всего можно было научиться некоторые вопросы ставить соразмерно требованиям времени, а не односторонне, как прежде.

Я часто говорил: нет оснований заниматься самоуспокоением в отношении несчастий времени и закрывать на них глаза. Но нет также оснований и для пессимизма. Необходимо лишь продумать следующее: безгранично ужасное разыгралось в последние четыре с половиной года в Европе; но что является особенно существенным в этом ужасном? - То, что испытали человеческие души в это время - вот что является существенным; испытали, естественно, в отношении развития этих человеческих душ во всей земной эволюции. Но тогда всплывает один, исполненный содержания, многозначительный вопрос. Этот вопрос может показаться парадоксальным, но только потому, что он очень содержательный и не привычен для обычного мышления. Этот вопрос следующий: можно ли желать, чтобы человечество минула подобная катастрофа и оно бы продолжало жить и далее, подобно тому, как жило до 1914 года? Можно ли безусловно пожелать это? - Поднимая такой вопрос, я должен опять указать на то, что я перед началом этой военной катастрофы говорил в моём веском цикле лекций: если обзреть то, что живёт в мире людей, то отношения людей друг к другу, социальная жизнь имеет вид социального рака [*Цикл лекций "Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением, 6 лекция, ИПН. 153, стр. 164 нем. издания 1959 года.], вид раковой опухоли, расползающейся крадучись по человечеству. Но люди, конечно, закрывают глаза на рак социальной жизни. Они не хотят смотреть на фактическое положение дел. Однако ни один человек, если он смотрит вглубь вещей, не может утверждать, что было бы хорошо для людей, если бы всё продолжалось так и далее. На этом пути они всё более и более отпадали бы от духа. И те, на кого мы взираем с переполненными болью сердцами, миллионы удалённых с земного плана по причине этой ужасной катастрофы, которые теперь живут как души, - они

являются теми, кто больше всего думает о своём положении, ставшем теперь таким, что остаток своей жизни они проходят в духовном мире, а если бы их карма позволила им этот остаток жизни остаться на Земле, то их положение было бы совсем иным.

Sub specie aeterni [*С точки зрения вечности (лат.)] вещи выглядят по-иному. Так, примерно, можно сказать. Их только не следует брать легкомысленно. Насколько верно, что эта военная катастрофа есть бесконечно трагическое событие, настолько же верно и то, что благодаря этой катастрофе человечество убережено от ужасного погружения в материализм и утилитаризм. И если сейчас это ещё не проявилось, то в будущем проявится. Это проявится, прежде всего, в Средней Европе и на Востоке, где вместо строя, воспринявшего в себя материализм, разовьётся хаос. Конечно, без чувства страдания нельзя говорить об этом хаосе, разверзающемся над странами Средней Европы и Востока, где пока, во временном отношении, мало надежды на скорое восстановление гармонии. Но здесь имеет место и нечто иное. Там, где распространяется это хаос, со временем возникнет мир, которого человечество, проходя через физический план обычным путём, не в состоянии создать в ближайшем будущем. Благоедеяния физического плана будут невелики в странах Средней и Восточной Европы. Всё, что даёт человеку внешняя власть, – это будет мало чего стоить. Человек должен будет овладеть собой во внутреннем своей души, чтобы стоять твёрдо. А овладевая собой изнутри, чтобы стоять твёрдо, человек сможет возыметь склонность идти путём, ведущим в духовный мир. Он сможет принять решение подойти к духу, от которого только и сможет прийти оздоровление будущего. Ибо для будущего существенно как раз то, что наша внешняя телесность неким образом ускользает от нас, что наша внешняя телесность – я говорил об этом вчера – уже не так здорова, как в прошлом, что она содержит в себе больше смерти, чем в предыдущих временах. Импульс к пониманию того, что не с помощью связи с телесностью может быть найдено решение мировых загадок, но что необходимо восходить в духовные миры, импульс к этому, а так же к тому, чтобы социальный строй извлекать из духовных миров, будет дан в том случае, если люди как можно меньше найдут в физическом мире. Этот физический мир обретёт гармоничный характер в том случае, если этот характер он будет искать в духовной жизни. Как рассказывает Библия на первой странице, не Ариман и не Люцифер изгнали человека из рая, но это сделал сам Бог Ягве. Однако мы знаем, что это изгнание из рая означает для человека обретение свободы, означает переживание людьми свободы, так как этим изгнанием было посеяно семя свободы. Но будет ли это соответствовать библейской мудрости, если спросить: была ли это также божественная мудрость, которая изгнала людей из ведущего в материализм и утилитаризм настоящего, чтобы привести их к тем семенам, в духовном постижении которых мир должен нуждаться? И из болезненных подоснов последних четырёх с половиной лет в ответ на это как бы звучит: "Духовное хочет открыться через покров внешних явлений; через несчастья люди должны научиться смотреть на духовные откровения и это послужит их исцелению".

Но и эти слова звучат для многих людей современности парадоксально. Однако это те слова, которые в наше время говорит Христос, наставляя нас. Ибо в развитии самого христианства заложена необходимость по-новому понимать христианские истины. А это можно сделать только в том случае, если их постигать духовно. Мистерия Голгофы – это духовное событие, совершившееся в земном развитии. Полностью она может быть понята только духовным способом познания. И как через страдания человечество нашло Христа в прошлом, так через страдания должны мы искать нового понимания Христа в новом облике.

Конечно, сказанное не может служить повседневным утешением. Но если хотя бы держаться подальше от всех тривиальностей, то это может в глубоком смысле слова оказаться утешением, подобающим человеческому достоинству в настоящее время. Это, конечно, не утешение, когда людям внушают: "Жди, и без твоего участия совершится всё, предназначенное Богом, – но утешением будет, если сказать им: Обратитесь к своим силам, и вы найдёте, что в ваших душах говорит и возрастает в силе Бог, и что вы, благодаря говорящему и усиливающемуся в ваших душах Богу, найдёте также Бога и в мире, и с Богом, как с главной силой, вы сможете действовать в мире сообща!" – Необходимо отказаться от пассивного отношения к сверхчувственным прозрениям. Человек должен собраться с силами, чтобы найти себя внутренне и с этим внутренним осознанием познать себя как член внутри мирового порядка. Здесь могли бы возмутиться те вероисповедания, которые потому столь удобны для человека, что они – я выражаюсь образно – сначала усыпляют ладаном его дух, чтобы затем он мог пассивно, без собственного участия найти путь к божественному. Эти вероисповедания, столь радеющие об удобстве человека, они всегда противились тому требованию, которое теперь вырывается из духовного мира и которое состоит в том, чтобы человек искал свою значимость во внутренней активности, во внутренней деятельности, в деятельном внутреннем развитии духовной жизни!

Вот что требуется теперь, особенно, если при этом принять во внимание то, что выступает, всячески замаскированным, в разных одеяниях, а именно: социальное требование нашего времени. В эти недели я уже указывал, что мы живём – по крайней мере, большая часть наших образованных людей – достижениями греческой культуры. При этом мы не думаем о том, что всё, чем мы живём, создано благодаря тому, что греческая культура развивалась на основе рабства, что большая часть людей должна была быть тогда рабами, чтобы всё, ощущаемое нами теперь как благословение греческой культуры, вообще могло существовать. И если достаточно сильно уяснить себе, что всё, называемое греческим искусством, прекрасными воспоминаниями о греческой жизни, греческая наука возникли всё же на основе рабства, то уже с иной интенсивностью мы спрашиваем себя: "По какой же тогда причине мы больше уже не считаем, как это делали великие философы Платон и Аристотель, рабство чем-то само собой разумеющимся?" Раньше даже для мудрейших людей разумелось само собой, что 9/10 человечества должны жить как рабы. Для нас это теперь совсем не разумеется само собой, мы рассматриваем это как унижение человеческого достоинства, если кто-то может думать подобным образом. Но что внутри европейского человечества явилось причиной преобразования человеческих представлений? – Христианство! *Христианство освободило людей от рабства*, христианство привело к тому, что хотя бы в принципе было признано: в отношении своей души человек подобен Богу. А это исключает рабство из социального строя людей. Хотя что-то остаётся. С самых различных точек зрения мы всё снова должны указывать на это.

Вплоть до настоящего времени осталось понимание, о котором я вам говорил, что именно оно как *Dunctum saliens* [*Важный пункт, букв, "выдающаяся точка" (лат.)] живёт в сознании пролетариата. Оно состоит в том, что в нашем социальном строе одна часть человеческого физического существа, его рабочая сила, может быть продана и куплена. Это подавляет и волнует. Это есть *Dunctum saliens* социальных вопросов, что рабочая сила должна оплачиваться. Это также является тем, что во всей нашей социальной жизни создаёт основу для эгоизма; ибо эгоизм должен господствовать в социальном строе, если человек вынужден платить рабочей силой за то, в чём он нуждается для себя, вынужден зарабатывать на жизнь. Ближайшим этапом в преодолении рабства должно стать положение, при котором работа ни одного человека не будет рассматриваться как товар! Это настоящий *Dunctum*

saliens социальных вопросов, которые будет решать новое христианство. Я кое-что сообщал вам о решении социальных вопросов, и та трёхчленность социального организма, о которой я вам говорил, она отделяет товар от рабочей силы, так что в будущем человек будет продавать и покупать только товар, только внешнее, отдельное от человека, и один человек из братской любви будет работать для другого человека, как я об этом говорил в изданной в 1905 году статье "Теософия и социальный вопрос".

Путь для достижения этого может оказаться длинным, но никакие социальные вопросы не могут быть решены в обход этого вопроса. И кто сегодня считает, что и дальше всё может идти так же, как теперь, тот подобен человеку, который во времена становления христианства заявил бы, что рабство должно существовать всегда. И как был бы не прав тот человек, так сегодня не прав всякий, говорящий: "Работа всегда должна оплачиваться". В прошлом можно было не думать о том, что не должно существовать рабства, об этом могли не думать ни Платон, ни Аристотель. Сегодня образованные люди не могут себе представить, что может существовать социальная структура, в которой рабочая сила имела бы какое-то иное значение, кроме того, что за неё платят. Естественно, что и в ином случае работа будет производить продукт, но продукт тогда станет тем единственным, что продаётся и покупается. Это освободит человека социально. Для понимания этих вещей существует познание через наблюдение, логика наблюдения. И без этой логики наблюдения человечеству не уйти вперёд, ибо она является горючим для того, что в будущем должно прийти в сферу людей: *возникающая из понимания человека человеком, человеческая любовь*. Сегодня это звучит странно, поскольку со всех сторон в людях выступают атавистические остатки, всё рассматривается ими с симпатией и антипатией. Если, например, делать различия, на которые я указывал некоторое время тому назад, когда говорил, что из трёх членов человеческой природы народы Запада призваны развивать природу нижней части тела, народы Средней Европы - природу сердца, а народы Востока - природу головы, то тем вещам, которые мы сейчас обсуждаем, будут даны многочисленные "оценки"; по крайней мере, где-то в своём внутреннем человек всегда имеет небольшой уголок, тяготеющий к оценкам. Но это оценивание должно прекратиться, ибо как раз наблюдение различий между народами на земле создаёт предпосылки для основания исполненной понимания любви. Из понимания, а не из неразумия распространится по всей земле в эпоху души сознательной действительная человеческая любовь. Люди тогда поймут, что повсюду на Земле они должны искать себя во Христе. Христос не является делом того или другого народа. Христос является делом всего человечества. Но чтобы познать Его как дело всего человечества, нужно избавиться от многих иллюзий; люди действительно должны взойти к созерцанию истинной, не иллюзорной сущности вещей. Но сегодня в самых различных областях они не хотят этого делать. Я знаю, что для иных покажется новогодней сказкой то, что я хочу теперь сказать. Вы знаете, я говорю не об отдельных людях, а о народах, когда говорю о различиях между ними. Эти вещи легко понять неверно, если в наличии нет доброй воли. Но я многократно подчёркивал, что я имею в виду народы, отдельные же индивидуальности людей могут перерасти свой народ. Я прошу иметь это в виду, когда я буду говорить дальше.

Рассмотрим некоторые суждения, которые в последние четыре года высказываются о государствах Средней Европы. Ни в малейшей степени я не хочу говорить что-то против людей, воодушевлённых Антантой, поскольку мне целиком понятны подобные настроения. Я далёк от критики этого. Каждый имеет своё мнение и с определённой точки зрения оно является оправданным. Но отвлечёмся от этого мнения, каким оно было в прошлые годы, и обратимся к нему, каким оно является в настоящее время. И здесь, вероятно, многое покажется непонятным. Можно бы спросить себя: есть ли смысл и

теперь придерживаются мнения, которое сложилось во времена, когда земли Средней Европы обладали властью, силой? Зачем так хитро предпринимается всё возможное, чтобы поддержать это мнение? Есть ли в этом нужда? И можно ли это понять? Глядя поверхностно, этого конечно, не понять. Здесь всё не так ясно, как было прежде. Но если заглянуть поглубже, то можно понять и это. При углублённом взгляде это становится понятным, исходя не из отдельных людей – отдельные люди также и в западных странах имеют здоровое к этому отношение, – но из тех людей, которые судят на народной основе, судят на основании предрассудков, живущих в народе. Такие люди имеют в своём подсознании нечто такое, что может быть охарактеризовано следующим образом.

Несколько недель тому назад я говорил, что в нашем мировоззрении, а точнее, в том роде представлений, который распространён в наше время, живёт много ветхозаветного, так что главный нерв христианства пока мало воспринимается. Особенность культа Ягве состоит в том, что он касается не того, что мы можем приобрести путём образования между рождением и смертью, а того, что нами наследуется, что лежит в нашей крови и оказывает своё влияние, когда мы спим, когда мы удалены из своего тела. Это мировоззрение Ягве ещё различным образом пульсирует в наше время. Вы только тогда сможете подняться к пониманию Христа, к христианскому мировоззрению, когда со всей силой в век интеллектуализма обратитесь к обретению духовного мира; не с той силой, что даётся нам от рождения, но с той, что приобретается воспитанием. Естественным путём людям Запада не предопределено от культа Ягве перейти к культу Христа. Это предопределение начинается в Средней Европе и распространяется на восток; само собой разумеется, это относится к народам, а не к отдельным людям. Поэтому тот исключительный, ещё целиком покоящийся на ветхозаветных представлениях вильсоновский способ мышления выступает, собственно говоря, таким образом, что он, пусть даже отрицая это, хочет искоренить то, что хочет духовно взойти в Средней Европе и на Востоке. Потому-то так не понятно в наше время, почему после того, как устранено то, что, как утверждали, должно быть устранено, после того, как остались народы, которые не хотят причинять зла, под разными предложениями продолжают оставаться те же самые настроения. Это продолжает оставаться потому, что хотят воспрепятствовать тому духовному развитию, в которое Средняя Европа и Восток вступили на протяжении последних столетий в силу необходимости духовной эволюции человечества. Это можно погасить подсознательно, не вдаваясь в эти вещи.

Мы сейчас живём в эпоху исключительного мирового кризиса. Я часто слышу вопрос: "Так почему же люди Запада, а точнее англичане и французы, так ужасно ненавидят немцев?" – На это имеется очень простой и поистине исчерпывающий ответ, который состоит в том, что человек смотрит на себя, как на представителя определённого народа, совсем иначе, чем на других людей. И я могу вас заверить, что мысли, подобные тем, которые имел Мах, когда он садился в омнибус или шёл по улице, очень часто находятся в подсознании человека. Вы знаете, Мах рассказывал о себе, что однажды, будучи усталым, он вошёл в омнибус и не заметил, что против входа висит зеркало. Ему показалось, что с другой стороны вошёл ещё один человек и он подумал о нём: "Что это за ужасный школьный учитель входит там vis-a-vis?" – Он не узнал самого себя, настолько мало он знал свою личность; ну, а когда он себя узнал, то показался самому себе совсем не симпатичным.

Посмотрите на себя с точки зрения духовной истории Средней Европы, посмотрите на себя не в интимных чертах, а в общем и целом. Вплоть до Лессинга и даже ещё далее, до последней трети XVIII столетия немцы старались поступать как французы. Вы можете это видеть во всём. Начиная с

определённого времени, примерно с XVII столетия, и вплоть до второй половины, а отчасти ещё и во второй половине XVIII столетия немцы старались быть такими, как французы, делать всё возможное, чтобы походить на французов. И то, чего французы не видели в себе, а если видели, то особенно ценили, всё это они ужасно ненавидели, когда видели в других как подражание. Человек бессознательно примечательным образом упражняется в самопознании. Немцы, собственно говоря, в их глубочайшем существе не были ненавидимы французами, но французы ненавидели самих себя, когда видели своё отображение, свой зеркальный образ в немецкой душе. С определённого времени началось достойное внимания, ныне ещё не оценённое английское влияние. Англичане видят себя, естественно, так же мало, как видел себя Мах, но они замечают себя, когда смотрят теперь в то отражение, которое особенным образом, начиная с XVIII столетия, возникает в немецкой душе. Они судят об англичанах в немцах. Таково психологическое решение. Не случись этот мировой кризис, ещё долгое время длилось бы это состояние, существовали бы отдельные индивидуальности, и они бы несли в своём наивнутреннейшем немецкую сущность. Но бедствия, хаос позволяют возникнуть из мирового кризиса именно тому, что должно возникнуть, что всегда присутствовало здесь, но под владычеством Запада не могло развернуться. Таковы действительные факты. Никаких оснований для пессимизма нет, даже в Средней Европе. Но необходимо доходить до глубоких причин, которые лежат в основе мира. На то, что составляет силу Антанты, можно взглянуть и так и этак. Но суть почти совсем не в этом, ибо в основаниях своих душ члены Антанты хотят невозможного. Они хотят помешать выступлению того, что должно развиваться в Средней Европе и на Востоке. А это связано с духовным прогрессом всего человечества. *Этому невозможно помешать.* Но с этим связано ещё нечто другое, а именно: человек, если он серьёзно относится к будущему Земли, должен иметь веру в дух. Только из духа, из силы духа придёт то, что должно прийти, в том числе также и решение горящего социального требования.

Было необходимо, чтобы в век машин возникло пять раз по сто миллионов невидимых людей, то есть людей, видимых как машины, чтобы через это люди постепенно научились чувствовать: они не должны быть оплачиваемы так, как оплачиваются машины. И было необходимо, чтобы пришла эта ужасная катастрофа в век триумфа машин. Из этой катастрофы люди восстанут с новыми силами. А развивая эти силы, человек создаст определённые возможности по-настоящему связать себя с божественным, с духовным. В столь же малой степени, в какой для людей было несчастьем – мы сравниваем исходный пункт земного развития с тем, что многие люди по праву считают ужаснейшим событием в мировой истории, – что люди были изгнаны из рая, столь же мало является одним только несчастьем постигшая людей катастрофа. Полноценные истины, в сущности говоря, – парадоксальны. Ведь сегодня – я часто на это указывал – можно было бы сказать: люди были настолько гнусны, что драгоценнейшее Существо, появившееся на земле, Христа Иисуса – распяли на кресте. Он был ими убит. И можно сказать: для людей это было гнусно. Но эта смерть – она, ведь является содержанием христианства. Ведь через эту смерть произошло то, что мы называем Мистерией Голгофы. Без этой смерти не было бы Христианства. *Эта смерть есть счастье для людей, эта смерть есть сила земного человека.* настолько парадоксальны вещи в действительности. С одной стороны, можно сказать: это было гнусностью, что люди распяли Христа на кресте – и тем не менее с этой смертью, с этим распятием на кресте исполнилось величайшее событие на Земле. Несчастье не бывает лишь одним несчастьем. Несчастье часто является исходным пунктом для достижения человеческого величия и человеческой силы.

Издано на русском:

Штейнер Р. Основные социальные требования нашего времени.

М.: Новалис, 2003. - 304 с. ISBN 5-902291-04-6

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция. 29 ноября 1918 г.

Проблема социального познания. Общая методология цикла.- Образ человека перед Стражем Порога: на Западе и на Востоке. —Мышление Ягве и мышление Христа.

Вторая лекция. 30 ноября 1918 г.

Абстракция и действительность в социальной жизни. - Смысл "социального требования пролетариата". Принципы русского большевизма. - Смысл денег и связанных с ними отношений.

Третья лекция. 1 декабря 1918 г.

"Решение социальных вопросов": иллюзии большинства современных массовых движений. - Принципы эволюции социальной структуры со 2-ой по 5-ую послеатлантическую эпохи. - Специфика современного отношения к результатам духовно-научного познания. - Характер политики и деятельность оккультных центров англоязычных народов. - Будущее географическое разделение оккультных способностей человечества: механический, евгенический и гигиенический оккультизм .

Четвертая лекция. 6 декабря 1918 г.

Диалектика социального и антисоциального в человеке как в чувствующем, думающем и волящем существе. - Особенности форм социального отражения нынешней (5-ой послеатлантической) культурной эпохи. - Условия адекватного эпохе социального познания.

Пятая лекция. 7 декабря 1918 г.

Неприятные жизненные необходимости нашей эпохи.- Трехчленность в представлении о человеке. Две крайности и их синтез, видимые в социальном. - Мудрость Ягве. Дыхание. Абстрактное мышление как ветхозаветный элемент. - Импульс Христа: смысл, перспективы раскрытия, социальное отражение.- Историческая необходимость социальной имажинации; её последствия. - Упражнение на социальную имажинацию.

Шестая лекция. 8 декабря 1918 г.

Развитие социальных импульсов от подсознания до сферы представлений в русской революции.- Формы развития души сознательной в географическом распределении "Запад - Средняя Европа - Восток". - Необходимый взгляд на действительность. Единообразие и многообразие.

Седьмая лекция. 12 декабря 1918 г.

Характеристики 5-ой культурной эпохи. Маятник социального-антисоциального. Сон.- Методы воспитания в себе интереса к другим людям. Два упражнения на социальную имажинацию.- Бессознательная антисоциальность современных "социальных требований". - Некоторые необходимые особенности антропософского познания(деятельности).

Восьмая лекция. 13 декабря 1918 г.

Претворение инстинктов в сознательные импульсы: основа современного экономического развития.- Эволюция экономических воззрений с XVI в. Меркантилисты, физиократы, Адам Смит, Мальтус, Рикардо, Лассаль и др. Закон заработной платы.Заблуждения марксизма. "Умственное бессилие" современной экономической науки.- Как проявляется боязнь встречи со Стражем Порога в социалистическом мировоззрении.

Девятая лекция. 14 декабря 1918 г.

Социальное мышление: от логики мышления к логике наблюдения(действительности).- Духовная Наука как условие метода исторической симптоматологии. Заблуждения философа Бердяева.- Ариманическая философия Маха и Авенариуса и ее большевистская "инкарнация". - Материалистический взгляд на историю у Маркса и социалистов. Господствующие предрассудки социальных воззрений.- Необходимость отделить товар от рабочей силы.

Десятая лекция. 15 декабря 1918 г.

Место интеллигенции(разума) в развитии человека 4-ой и 5-ой культурных эпох. Восприятие понятий и выработка понятий.- Формы развития интеллигенции в географическом распределении "Запад - Середина - Восток".- Трехчленность и дифференцированный подход.Догматизм и конкретное воззрение.- Физиологическая трехчленность человека в географическом распределении.- Социальная трехчленность как Свобода, Равенство, Братство. Противоречие и реальность.- Особенности Антропософского Движения по отношению к другим оккультным, религиозным движениям и современной науке.- Материальная основа мышления и воления.

Одиннадцатая лекция. 20 декабря 1918 г.

Духовная Наука как новое откровение Мистерии Голгофы; её отношение к прошлым откровениям и современному складу представлений. Причины враждебности к Ней.- Откровение Духов Личности(Духов Света), идущее на смену откровениям Духов Формы.- Духи тьмы в современности. Смысл машин. Механистические представления и их реальное место(роль).- Деление на высшее и повседневно в

современном сознании: полярность религии и науки.- Борьба между Мудростью и Любовью в душе человека и её социальное отражение.- Познание "от Мира к Человеку" как архаическое. Духовная Наука как познание "от Человека к Миру". Отношение к символам и ритуалам.- Стремление к пониманию нового и стремление к новому пониманию. Абстрактные и действительные идеи.

Двенадцатая лекция. 21 декабря 1918 г.

Дифференцированное рассмотрение народов. Отношение Запада к Востоку и Средней Европе. "Бессознательное самопознание" в отношениях народов.- Эволюция познавательных возможностей человека до и после Мистерии Голгофы. Древняя мудрость. Смысл естествознания.- Ариманические черты современных религиозных вероисповеданий.- Ариманически-окрашенная философия и её роль в порождении иллюзий. Мах и Авенариус как философы большевизма.- Духовный смысл военной катастрофы 1914 г.- Познание мировых событий через хаос и страдания как духовное познание Мистерии Голгофы. Внутренняя духовная активность человека.- "Вопрос о рабочей силе". Рабство как наследие 4-ой культурной эпохи.